

ISSN 2587-9715 (Print)
ISSN 2658-3585 (Online)

Том 25. № 1

Volume 25. No.1

LOGOS ET PRAXIS

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

2026

ISSN 2587-9715 (Print)
ISSN 2658-3585 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

LOGOS ET PRAXIS

2026
Том 25. № 1

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

LOGOS ET PRAXIS

2026
Volume 25. No. 1

LOGOS ET PRAXIS

2026. Vol. 25. No. 1

Academic Periodical

Since 1996

4 issues a year

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФС77-69699** of May 5, 2017)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat®** (USA), **ProQuest** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), “**CyberLeninka**” Scientific Electronic Library (Russia), “**Socionet**” Information Resources (Russia), etc.

Editorial Staff:

Dr. Sc., Assoc. Prof. *S.B. Tokareva* – Chief Editor (Volgograd)
Dr. Sc., Assoc. Prof. *E.N. Vasilyeva* – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Dr. Sc., Assoc. Prof. *D.R. Yavorskiy* – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Dr. Sc., Prof. *I.V. Vasilenko* (Volgograd)
Cand. Sc., Assoc. Prof. *M.B. Poltavskaya* (Volgograd)
Cand. Sc. *T.S. Gorina* – Executive Secretary and Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

PhD in Sociology *Aksadi Yudit* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *L.V. Baeva* (Astrakhan); Dr. Sc., Prof. *N.V. Gorshkova* (Volgograd); Dr. Sc., Assoc. Prof. *E.G. Guschina* (Volgograd); Dr. Sc., Prof. *N.V. Dulina* (Volgograd); Dr. Sc., Prof. *O.E. Dushin* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *S.S. Neretina* (Moscow); Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Sergeeva* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *A.L. Strizoe* (Volgograd); Dr. Sc., Prof. *V.B. Ustyantsev* (Saratov)

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova*,
N.M. Vishnyakova, *M.V. Gayval*

Editors of English texts: *E.A. Eltanskaya*, *D.A. Novak*
Making up and technical editing by *Yu.A. Nikitina*

Passed for printing on Febr. 27, 2026.

Date of publication: June 4, 2026.

Format 60×84/8. Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 10.8. Published pages 11.6.

Number of copies 500 (1st printing 1–28 copies).

Order 40. «C» 7.

Open price

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Publishing House
of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd
Volgograd State University.

Tel.: (8442) 46-02-72. Fax: (8442) 46-18-48.

E-mail: jvolsu7@gmail.com

Journal website: <https://psst.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://psst.jvolsu.com/index.php/en/>

LOGOS ET PRAXIS

2026. Т. 25. № 1

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации **ПИ № ФС77-69699** от 5 мая 2017 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 46-02-72. Факс: (8442) 46-18-48.
E-mail: jvolsu7@gmail.com

Сайт журнала: <https://psst.jvolsu.com>
Англояз. версия сайта журнала:
<https://psst.jvolsu.com/index.php/en/>

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук, доц. **С.Б. Токарева** – главный редактор (г. Волгоград)
д-р социол. наук, доц. **Е.Н. Васильева** – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филос. наук, доц. **Д.Р. Яворский** – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р социол. наук, проф. **И.В. Василенко** (г. Волгоград)
канд. социол. наук, доц. **М.Б. Полтавская** (г. Волгоград)
канд. филос. наук **Т.С. Горина** – ответственный и технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

PhD по социологии **Аксади Юдит** (г. Будапешт, Венгрия); д-р филос. наук, проф. **Л.В. Баева** (г. Астрахань); д-р экон. наук., проф. **Н.В. Горшкова** (г. Волгоград); д-р экон. наук., доц. **Е.Г. Гуцина** (г. Волгоград); д-р социол. наук, проф. **Н.В. Дулина** (г. Волгоград); д-р филос. наук, проф. **О.Э. Душин** (г. Санкт-Петербург); д-р филос. наук, проф. **С.С. Неретина** (г. Москва); д-р социол. наук, доц. **О.В. Сергеева** (г. Санкт-Петербург); д-р филос. наук, проф. **А.Л. Стризов** (г. Волгоград); д-р филос. наук, проф. **В.Б. Устьянцев** (г. Саратов)

Редакторы, корректоры: **С.А. Астахова**,
Н.М. Вишнякова, **М.В. Гайваль**

Редакторы английских текстов: **Е.А. Елтанская**,
Д.А. Новак

Верстка и техническое редактирование **Ю.А. Никитиной**

Подписано в печать 27.02.2026 г.

Дата выхода в свет: 04.06.2026 г.

Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 10,8. Уч.-изд. л. 11,6.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1–28 экз.).

Заказ 40. «С» 7.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство Волгоградского государственного университета.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

<i>Сагитов С.Т.</i> Культура и государство: некоторые результаты трендового социологического исследования	5
<i>Васильева Е.Н., Васильев Е.С.</i> Оценка динамики рождаемости как основа формирования семейно-демографической политики (на примере Волгоградской области)	14
<i>Хитрук Е.Б.</i> Отцовская любовь: contradictio in adjecto?	26
<i>Зуева О.В.</i> Общественное доверие как управленческий конструкт: символические функции и реальная эффективность ведомственного мониторинга в МВД России	38
<i>Лавренюк-Исаева Н.М., Николаев Д.Д.</i> Социальная ответственность российских компаний в рамках концепции устойчивого развития	49

ФИЛОСОФИЯ

<i>Куликов С.Б.</i> Философия науки и предпосылочное знание	60
<i>Сахневич С.В.</i> Язык как болезнь и терапия: Ницше и Витгенштейн в оптике паратекста	70
<i>Попков А.В.</i> Воля к смерти как основной метафизический принцип в философии Филиппа Майнлендера	84
<i>Болотников А.С.</i> Травма и размытие границ телесности: к постгуманистической теории ПТСР	92
<i>Бабкин В.С.</i> «Смерть Бога» в постсекулярном контексте: современное философское прочтение Габриэля Ваханяна	98
<i>Цями З.</i> Крещение и прегрешение в раннем христианстве	105

CONTENTS

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGY

<i>Sagitov S.T.</i> Culture and the State: Some Results of a Trendy Sociological Research	5
<i>Vasileva E.N., Vasiliev E.S.</i> Assessment of Birth Rate Dynamics as a Basis for the Formation of Family and Demographic Policy (On the Example of the Volgograd Region)	14
<i>Khitruck E.B.</i> Fatherly Love: contradictio in adjecto?	26
<i>Zuyeva O.V.</i> Public Trust as a Management Construct: Symbolic Functions and Real Effectiveness of Departmental Monitoring in the Ministry of Internal Affairs of Russia	38
<i>Lavrenyuk-Isaeva N.M., Nikolaev D.D.</i> The Social Responsibility of Russian Companies in the Context of Sustainable Development	49

PHILOSOPHY

<i>Kulikov S.B.</i> Philosophy of Science and Background Knowledge	60
<i>Sakhnevich S.V.</i> Language as Illness and Therapy: Nietzsche and Wittgenstein Through the Lens of the Paratext	70
<i>Popkov A.V.</i> The Will to Die as a Basic Metaphysical Principle in Philipp Mainlander's Philosophy	84
<i>Bolotnikov A.S.</i> Trauma and Blurring the Boundaries of Corporeality: Towards a Posthumanistic Theory of PTSD	92
<i>Babkin V.S.</i> "Death of God" in Postsecular Context: Modern Philosophical Interpretation of Gabriel Vahanian	98
<i>Tsiami Z.</i> Baptism and Transgression in Early Christianity	105

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.1>

UDC 316.4
LBC 60.561.1

Submitted: 16.01.2026
Accepted: 10.02.2026

CULTURE AND THE STATE: SOME RESULTS OF A TRENDY SOCIOLOGICAL RESEARCH

Salavat T. Sagitov

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russian Federation

Abstract. This article presents the results of a trendy sociological study on issues of the governance of the sphere of culture at the regional level. The study was conducted in three stages in 2001, 2016, and 2025 using a unified program, methodology, and tools. This analysis examines the dynamics of the transformation of public consciousness regarding culture and state cultural policy over the past quarter century. The study focuses on changes in assessments of the activities and role of state institutions in the development of the sphere of culture. The dynamics of research results regarding culture as such demonstrate an increase in consumer attitudes among the population, while general indifference has decreased. Empirical data also indicate a consistent increase in population support for current cultural policy, indicating the emergence of a strong consensus in public opinion regarding the advisability of state regulation of the sphere of culture. The study's overall results demonstrate significant shifts in the population perception of the state's role in the governance of the sphere of culture. Within the "state-population" system of governance, respondents' assessments have shifted in favor of the former in determining the development of the sphere of culture. Moreover, by the end of the first quarter of the 21st century, changes have been observed not only quantitatively but also qualitatively: the dominant view at the beginning of the third millennium that cultural policy should be conducted primarily in accordance with population opinion has given way to the state's primacy as a governing entity. At the same time, a downward trend has been observed among respondents indifferent to culture issues and those convinced of the autonomy of cultural development. In the current situation, systemic measures are required; without them, culture will be perceived primarily as an element of leisure rather than as a tool for development and social integration.

Key words: culture, sphere of culture, governance of the sphere of culture, state, trendy research, cultural policy, population.

Citation. Sagitov S.T. Culture and the State: Some Results of a Trendy Sociological Research. *Logos et Praxis*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 5-13. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.1>

УДК 316.4
ББК 60.561.1

Дата поступления статьи: 16.01.2026
Дата принятия статьи: 10.02.2026

КУЛЬТУРА И ГОСУДАРСТВО: НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ТРЕНДОВОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Салават Талгатович Сагитов

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены результаты трендового социологического исследования по проблемам управления сферой культуры на региональном уровне, которое проводилось в 3 этапа – в 2001/02,

2016/17 и 2024/25 гг. по единой программе, методике и инструментарию. Настоящая статья посвящена анализу динамики трансформации в общественном сознании отношения к культуре и к культурной политике государства на протяжении последней четверти века. В фокусе исследования находятся изменения в оценках деятельности и роли государственных институтов в развитии сферы культуры. Динамика результатов исследования мнений о культуре как таковой демонстрирует рост потребительского отношения со стороны населения при одновременном снижении уровня общего равнодушия. Эмпирические данные также свидетельствуют о последовательном усилении поддержки населением проводимой культурной политики, что указывает на формирование устойчивого консенсуса в общественном мнении относительно целесообразности государственного регулирования сферы культуры. Результаты исследования в целом демонстрируют значительные перемены в оценке населением роли государства в процессе управления сферой культуры. В системе субъектов управления «государство – население» в оценках респондентов произошло перераспределение в пользу первого в части первенства в определении развития сферы культуры. Причем к окончанию первой четверти XXI в. наблюдаются перемены не только в количественном плане, но и в качественном: лидировавшее в начале III тыс. мнение о том, что культурная политика должна ориентироваться преимущественно на мнение населения, уступило пальму первенства идее первичности государства как субъекта управления. Одновременно определена ниспадающая динамика среди индифферентных к вопросам культуры респондентов и тех, кто убежден в автономности ее развития. В сложившейся ситуации требуется применение системных мер, без которых культура будет восприниматься преимущественно как элемент досуга, а не как инструмент развития и социальной интеграции.

Ключевые слова: культура, сфера культуры, управление сферой культуры, государство, трендовое исследование, культурная политика, население.

Цитирование. Сагитов С. Т. Культура и государство: некоторые результаты трендового социологического исследования // *Logos et Praxis*. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 5–13. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.1>

Введение

Сфера культуры и в общественном сознании, и в научных исследованиях, и в приоритетах государственной политики зачастую является проблемой не первого порядка. Особенно ярко это проявилось в последние два-три десятилетия, ознаменованные коренными преобразованиями в российском обществе. В эти годы, к сожалению, в научной среде проводится не так много исследований, посвященных вопросам управления сферой культуры, которые позволили бы выявить основные тенденции развития и проблемы, возникающие в процессе управления. Практически отсутствуют работы, которые продемонстрировали бы отражение в сознании населения ситуации в сфере культуры с дальнейшим выходом на практические рекомендации в документах стратегического и тактического планирования как на уровне региона России, так и всей страны.

Вместе с тем растет понимание того, что общество не может развиваться за счет прогресса в какой-то одной сфере. Характерное для 90-х гг. прошлого столетия упование на «рынок», который все сам расставит на свои места, уже давно осталось в истории России и в учебниках экономической теории. Много-

летние исследования Института социологии ФНИСЦ РАН позволили сформулировать на основе анализа развития нашей страны за последние 30 лет шесть постулатов по результатам трансформации социальной конструкции российского общества, один из которых фиксирует занижение роли государственного участия в решении ключевых социально-экономических и социокультурных задач и необходимость усиления государственного участия в управлении экономической, социальной и культурной сферами [Горшков 2019].

Вместе с тем в рамках современного научного дискурса наблюдается устойчивая тенденция к исследованию культурного фактора в контексте общественного развития [Астафьева 2014]. Сегодня российское общество находится в стадии переосмысления социальных и культурных процессов с опорой на традиционные ценности и исторический опыт народов России, что в первую очередь связано с задачами по сохранению общероссийской гражданской идентичности, необходимой для эффективного противостояния новым вызовам и угрозам, включая попытки подрыва государственного суверенитета и навязывание чуждых ценностных ориентиров. На нормативном уровне ответом на подобные вызовы стало принятие

Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». На практике же страна была вынуждена приступить в том числе к проведению СВО.

В данной статье рассматривается динамика отношения населения, различных его социальных групп к вопросу о степени участия государства, как одного из основных субъектов управления, в реализации культурной политики в стране, на основе анализа данных трендового социологического исследования по проблемам управления сферой культуры, проведенного при непосредственном участии и руководстве автора в 2021–2025 годах.

Методология исследования

В рамках изучения региональных управленческих процессов в сфере культуры научным коллективом при участии автора было проведено социологическое исследование «Проблемы управления сферой культуры» в Республике Башкортостан. Исследование носит трендовый характер: опросы осуществлялись по единой программе, основанной на системном подходе, в три временных периода: 2001/02 г. (1-й этап), 2016/17 г. (2-й этап) и 2024/25 г. (3-й этап).

Основной исследовательской проблемой выступает отношение различных социально-профессиональных групп к социокультурным процессам в сфере культуры и возможности оптимизации регионального управления. Единобразие исследовательской программы, методики и инструментария на всех этапах позволило провести сравнительный анализ в динамике с минимальными методологическими потерями [Sagitov, Nasibullin 2020].

На момент проведения исследования генеральная совокупность составляла 4 080 тыс. человек. Выборочная совокупность сформирована с соблюдением методологических требований по многоступенчатой квотной схеме. Квотируемые признаки включали: пол, возраст, тип поселения. В структуре выборки 62 % респондентов представляли городское население, а 38 % сельское. Распределение по полу и возрасту соответствовало структуре генеральной совокупности. Зональ-

ное разделение осуществлялось с учетом природно-экономических характеристик, ресурсного потенциала, отраслевой структуры и производственной специализации.

Объем выборки на каждом этапе исследования составил 1 200 респондентов, включая 480 человек из г. Уфы. В выборку вошли 23 населенных пункта, распределенных по 6 социально-экономическим зонам Башкортостана [Исянбаев 1995]. Для повышения эффективности территориальной выборки были выполнены преобразования административно-территориальных районов, направленные на:

- увеличение гетерогенности между районами (в соответствии с требованиями теории выборки);
- преобразование административных единиц в естественные географические участки;
- снижение стандартной ошибки;
- сокращение полевых затрат.

В результате преобразований сформирован список из 1 006 «выборочных» районов, распределенных по 5 однородным стратам на основе географических факторов и уровня социально-экономического развития. Выборка строилась по территориальному принципу с учетом географического расположения муниципальных образований и качественного состава населения. Исходной базой послужили данные Всероссийских переписей населения 2000, 2010, 2021 годов. Статистическая погрешность не превышает 5 %. Действия интервьюеров по отбору домохозяйств строго регламентированы, маршрутные задания содержали: название улицы, стартовый номер дома, шаг отбора, размер выборки на маршруте, схему выбора респондента в домохозяйстве. При получении результатов социологического исследования соблюдались необходимые научные требования в соответствии с системой социологической эпистемологии Л.Н. Когана [Захаров 2023].

Учитывая преимущественно латентный характер управленческих процессов в сфере культуры, в качестве методологической основы исследования принят подход, рассматривающий управление как процесс массовой коммуникации [Сагитов 2022]. Данная концепция позволяет анализировать сложные взаимодействия между субъектами и управления через призму коммуникационных моделей.

В рамках предложенного подхода выделяются три ключевые группы элементов:

1. Факторы формирования культурной продукции (источник информации и культурная продукция как результат творческой деятельности).
2. Система интерпретации данных (индивидуальные фильтры восприятия и механизмы обратной связи).
3. Субъекты управления сферой культуры, категории, характеристики и функциональные роли которых отражены в таблице 1.

Основная часть

При анализе управленческого аспекта в сфере культуры мы придерживаемся субъектно-субъектного подхода, согласно которому управление представляет собой не одностороннее воздействие управляющей системы на управляемую, а диалектическое взаимодействие между субъектом и объектом управления, осуществляемое посредством многообразных прямых и обратных связей. При этом необходимо признать существенную асимметрию в распределении на практике управленческого воздействия между различными ее акторами. В рамках сферы культуры наблюдаются значительные различия в степени осознания субъектами своих функций и ролей, что создает сложную иерархическую структуру взаимодействий. В современных российских реалиях государство сохраняет статус доминирующего субъекта в сфере культуры, что подтверждается финансовым доминированием, инфраструктурным преобладанием и образовательной гегемонией [Матвеев 2022].

Таким образом, существующая асимметрия субъектности, наряду с институциональной инерцией и формальным признанием автономии организаций культуры, требует углубленного изучения для анализа, планирования и дальнейшей реализации управленческих действий со стороны субъектов управления. Анализ результатов проведенного трендового исследования, являющегося отражением в сознании населения вопросов, касающихся развития сферы культуры, позволяет в динамике оценить реакцию населения на проводимую государством культурную политику с возможностью ее дальнейшей корректировки. Одним из определяющих показателей является восприятие населением как создателем и потребителем культурной продукции значения культуры в жизни социума, а также роли государства в управленческих процессах.

Культура обладает множеством определений, которые варьируются в зависимости от объекта и предмета исследований. Однако не только в научной литературе, но и в двух ключевых нормативно-правовых актах России (Закон Российской Федерации от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» и Указ Президента от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики») представления о культуре и ее трактовка существенно разнятся; аналогичные противоречия проявляются и в восприятии культуры населением. Результаты исследования позволяют дифференцировать социокультурные установки населения на три основные категории (см. табл. 2):

Таблица 1

Функционально-ролевая структура субъектов управления сферой культуры

Категория субъектов	Коммуникаторы	Коммуникационные каналы	Потребители
Характеристика	Социальные организации и отдельные лица, принимающие управленческие решения	Производители культурных ценностей, реализующие основные направления культурной политики	Основная масса населения и/или целевые социальные группы
Функциональная роль	Формулирование и доведение до исполнителей обязательных к исполнению решений	Обладают особыми диспозициями и дефинициями восприятия и суждения, отличающими их от рядового потребителя	Конечные адресаты культурной продукции, на которых ориентирована деятельность всей системы

– интегративный подход – восприятие культуры как системообразующего элемента социальной организации и фактора общественного развития;

– функционально-утилитарный подход – сведение культурных практик к инструментам организации досуга;

– индифферентная позиция – отсутствие выраженного интереса к вопросам культурного развития.

Большинство респондентов идентифицируют культуру как ключевой элемент социального прогресса. Статистический анализ демонстрирует относительную стабильность данной позиции: 1-й этап – 53 %, 2-й этап – 55 %, 3-й этап – 51 %. Незначительные колебания находятся в зоне статистической погрешности, что свидетельствует о консервативном характере данной социальной установки.

Доля респондентов, ассоциирующих культуру преимущественно с досуговой функцией, демонстрирует устойчивую положительную динамику: от 26 % в 2001 г. и 27 % в 2016 г. до 35 % в 2025 году. Прирост на 9 процентных пунктов за четверть века указывает на значительную трансформацию общественного сознания в сторону инструментализации культурных практик.

Категория респондентов, демонстрирующих низкий уровень интереса к культурной тематике (включены варианты ответов «Вопросы культуры мне безразличны» и «Затрудняюсь ответить»), сократилась на треть с 20 % до 13 %. Данная тенденция может интерпретироваться как повышение культурной вовлеченности населения, однако требует дополнительного анализа мотивационных факторов.

Сравнительный анализ данных 3-го этапа исследования выявил снижение доли респондентов,

рассматривающих культуру как двигатель прогресса, на 20 процентных пунктов относительно пиковых значений и рост функционально-утилитарного восприятия (увеличение на 8 процентных пунктов за последнее десятилетие).

Таким образом, выявлены следующие основные тенденции в восприятии культуры населением:

1. Устойчивый рост доли населения, воспринимающего культурные практики через призму досуговой функции.

2. Стабилизация интегративного подхода – относительная неизменность позиции о культуре как факторе социального развития.

3. Снижение культурной индифферентности – сокращение группы, демонстрирующей отсутствие интереса к культуре.

В ходе нашего трендового исследования еще одним из интересующих нас вопросов было мнение населения о роли государства в процессах управления сферой культуры. Предлагалось пять возможных категорий ответов:

1. Государство должно проводить культурную политику согласно интересам населения.

2. Государство должно способствовать формированию художественного, эстетического вкусов населения.

3. Культура должна развиваться сама, без вмешательства в процесс развития.

4. Проблемы культуры мне безразличны.

5. Другое.

Отметим, что за прошедшие 25 лет в России произошли значительные изменения, особенно в отношении восприятия роли государства в культурной политике. Выросла на 11 процентных пунктов и составила 93 % доля респондентов, которые отдают главенство государству в управлении сферой культуры при одновременном падении с 8 % до 2 % тех, кто

Таблица 2

Распределение дефиниций понятия «культура» в выборке респондентов, %

№	Культура – это...	1-й этап	2-й этап	3-й этап
1	Основа жизнедеятельности общества	42	45	44
2	Двигатель прогресса	11	10	7
3	Необходимый элемент в организации досуга	27	22	31
4	Культуру отлично заменяет Интернет	–	4	4
5	Пустая трата денег	3	2	2
6	Вопросы культуры мне безразличны	8	4	3
7	Затрудняюсь ответить	9	13	8

не считает данный вопрос предметом обсуждения. Также изменилось отношение населения к подходам государства в этой области. Раньше, в начале 2000-х гг., чуть более половины (56 %) полагало, что интересы населения должны быть в приоритете при определении развития сферы культуры. Однако результаты 3-го этапа показали не только значительное сокращение (–17 % результатов 3-го этапа ко 2-му; –13 % результатов 3-го этапа к 1-му) доли таких респондентов, несмотря на некоторый рост на 2-м этапе, но и переход с преобладающей позиции среди предложенных вариантов на второе место. По итогам опроса 2025 г. лидерские позиции заняло мнение респондентов, согласно которому в субъектно-субъектных взаимоотношениях по поводу культурной продукции «государство – население» лидерство оказалось у государства, и этот показатель за четверть века по сути вырос в 2 раза, достигнув 50 %. Рост в этом направлении был постепенным до 2016 г., после чего наблюдалось резкое увеличение показателей, составившее две трети от прежнего уровня к 2025 г. (рис. 1).

Уже сравнивая результаты первых двух этапов исследования, мы предполагали, что рост доли респондентов, уверенных в необходимости учитывать мнение субъектов культуры, свидетельствует об увеличении само-

осознанности участников процесса в управлении этой сферой [Сагитов 2022]. В условиях современного социокультурного развития формы духовной культуры являются не только предметом научного анализа, но и становятся инструментами идеологического воздействия, используемыми для продвижения ценностных установок, выражающих интересы определенных социальных групп. Хотя мы не утверждаем, что эти факторы прямо определяют позицию большинства респондентов, очевидно, что приоритеты в вопросе учета интересов населения и государственного формирования культурных вкусов значительно изменились.

Результаты проведенного социологического исследования свидетельствуют о значительном росте общественной поддержки культурной политики на федеральном и региональном уровнях с каждым этапом его проведения. Согласно полученным данным, 79 % респондентов выразили положительное или преимущественно положительное отношение к федеральной культурной политике и 82 % участников исследования аналогичным образом оценили региональные культурные инициативы. Сравнительный анализ динамики общественного мнения демонстрирует устойчивую положительную тенденцию: на втором этапе исследования соответствующий показатель

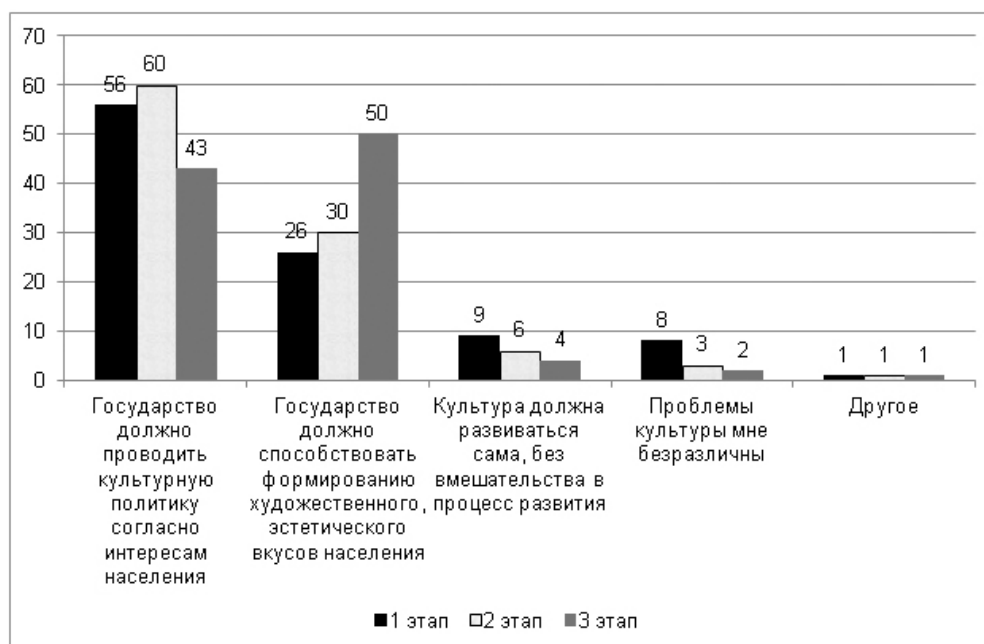

Рис. 1. Мнение населения о роли государства в проведении культурной политики

составлял 70 %, а на начальном этапе – немногим более 50 %. Данная динамика позволяет констатировать существенное увеличение уровня общественной поддержки культурных мероприятий за период проведения исследования (рис. 2).

Параллельно с ростом позитивных оценок наблюдается сокращение доли негативных суждений. Если в начале XXI в. показатель негативного восприятия культурной политики находился в диапазоне 15–17 %, то к первой четверти столетия он снизился до 6–7 %. Показатель равнодушного отношения снизился с 20–21 % в период 2001–2022 гг. до 6 % к 2024–2025 годам. Доля респондентов, затруднившихся с оценкой культурной политики, незначительно уменьшилась с 9–10 % до 6–8 %. Позитивная оценка населением уровня развития отечественной культуры подтверждается и рядом иных исследований, в том числе Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ [Артемова web].

Можно предположить, что высокий уровень общественного одобрения проводимой культурной политики, несмотря на продолжающиеся процессы оптимизации, которая в современном российском контексте приобрела негативную коннотацию, зачастую выступая эвфемизмом для реорганизации или ликвидации [Швыдкой web], непосредственно коррелирует с результатами реализации национальных проектов в сфере культуры. Данные проекты были ориентированы на решение комплекса задач, включая модернизацию материально-технической базы культурных учреждений, внедрение цифровых технологий в культурные практики, стимулирование посещаемости культурных и художественных объектов,

популяризацию достижений отечественной культуры, что играет ключевую роль в формировании социальных и культурных ценностей [Адамьянц 2021].

Так, в период с 2019 по 2024 г. в Республике Башкортостан осуществлен масштабный комплекс мероприятий в рамках региональных направлений национального проекта «Культура». Реализация проекта «Культурная среда» обеспечила возведение 11 новых учреждений культуры, капитальный ремонт 100 объектов культурного назначения, реконструкцию 6 культурных объектов, открытие 19 современных модельных библиотек, приобретение 11 автоклубов, модернизацию 49 кинозалов, а также оснащение более 160 образовательных учреждений культуры современным музыкальным инструментарием, оборудованием и учебными материалами.

Проект «Творческие люди» принес следующие результаты: государственная поддержка оказана 201 ведущему учреждению культуры, финансовая помощь предоставлена 152 работникам сельских культурных учреждений, реализовано 85 творческих проектов некоммерческими организациями в сферах музыки, театра и изобразительного искусства, направленных на укрепление российской гражданской идентичности. Особое внимание уделено популяризации русского языка и литературы, а также народных промыслов и ремесел. На портале «Волонтеры культуры. РФ» зарегистрировалось более 18 тыс. чел. для участия в волонтерских инициативах. Повышение квалификации прошли более 5,5 тыс. специалистов творческой и административной сфер на базе 14 Центров непрерывного об-

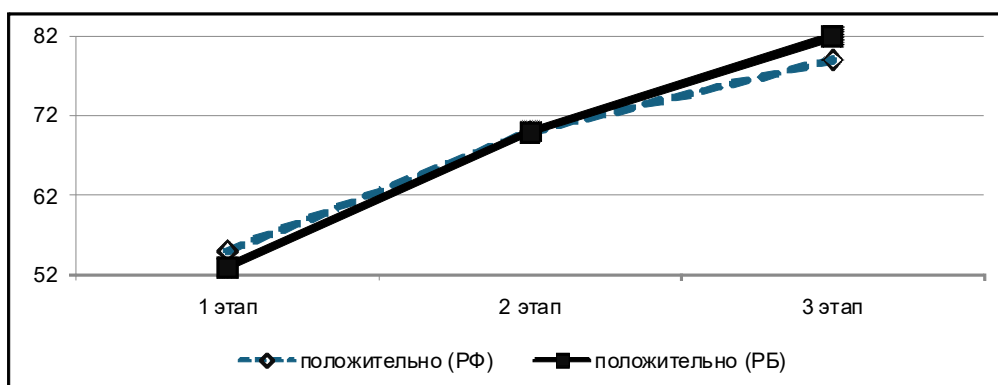

Рис. 2. Мнение населения о проводимой государством культурной политике (по уровням управления)

разования. Организовано 20 культурно-образовательных программ для 62 тыс. посетителей исторического парка «Россия – моя история» и почти 50 фестивалей творчества различных жанров.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что реализация национального проекта «Культура» и сопутствующих региональных программ не только способствует повышению доступности культурных благ, но и существенно улучшает качество их восприятия населением. Устойчивая положительная динамика общественных оценок свидетельствует об эффективности проводимой культурной политики и ее соответствии общественным ожиданиям.

Заключение

Таким образом, можем отметить, что в общественном сознании за последние 25 лет произошли заметные изменения как в оценке деятельности, так и в оценке роли государства в развитии сферы культуры. Поддержка населением проводимой федеральной и региональной культурной политики, согласно данным исследования, увеличивается с каждым этапом и стала в 2025 г. преобладающей. Более того, у населения, как одного из субъектов управления, отмечается рост потребности усиления институтов государственного управления: в два раза увеличилось число тех, кто отдает приоритет государству (50 %) с одновременным снижением доли респонден-

тов, отдающих предпочтение мнению населения, причем и в количественном плане (с 60 до 43 %), и в качественном – данный вариант ответа по итогам 3-го этапа опустился на 2-е место.

Вместе с тем результаты исследования выявили парадоксальную динамику: при общем снижении уровня культурной индифферентности наблюдается усиление инструментальных подходов к восприятию культуры. Данная тенденция, если она не будет скорректирована системными мерами, может привести к формированию упрощенной модели культурного взаимодействия, при которой досуговая функция доминирует над развивающей и интегрирующей.

Анализ результатов исследований в целом демонстрирует, что все больше россиян осознают важность государственного регулирования в сфере культуры и признают актуальность этой проблемы. Сегодня в социуме наблюдается постепенное усиление осознания значимости и даже неизбежности формирования российской государственной системы ценностей, в рамках которой культура занимала бы центральное положение как ключевой компонент духовного развития, одна из определяющих сфер жизнедеятельности общества. Необходимость разработки сбалансированной культурной политики, учитывающей как традиционные ценности, так и вызовы цифровой эпохи, представляется актуальной задачей для сохранения культурного потенциала общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адамьянц 2021 – *Адамьянц Т.З.* Социальная коммуникация как сфера конструирования социальных смыслов // Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 13–15 мая 2021 г. Минск: БГУ, 2021. С. 6–11.
- Артемова web – *Артемова Д.* Большинство россиян довольны уровнем отечественной культуры [Ведомости] // https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/04/16/1032016-bolshinstvo-rossiyan-dovolni-urovnem-otechestvennoi-kulturi?from=copy_text
- Астафьева 2014 – *Астафьева О.Н.* Теория и практика культурной политики: смыслы – образы – действия // Государственная служба. 2014. № 1 (87). С. 71–78.
- Горшков 2019 – *Горшков М.К.* О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 14–16.
- Захаров 2023 – *Захаров Н.Л.* Вклад Л.Н. Когана в социологическую эпистемологию // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. № 16 (3). С. 30–40. DOI: <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-3-30-40>
- Исянбаев 1995 – *Исянбаев М.Н.* Экономические подрайоны Республики Башкортостан: проблемы формирования и развития. Уфа, 1995.

- Матвеев 2022 – *Матвеев В.В.* Финансирование сферы культуры в аспекте реализации государственной культурной политики: аналитический обзор // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2022. № 4. С. 59–69.
- Сагитов 2022 – *Сагитов С.Т.* Управление сферой культуры: социологический анализ. М.: Наука, 2022.
- Швыдкой web – *Швыдкой М.Е.* О том, почему нельзя экономить на культуре [Российская газета] // <https://rg.ru/2017/10/10/mihail-shvydkoj-o-tom-pochemu-nelzia-ekonomit-na-kulture.html>
- Sagitov, Nasibullin 2020 – *Sagitov S., Nasibullin R.* On the Priority of Social Systems in the Management of Socio-Cultural Processes // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Humanistic Practice in Education in a Postmodern Age*. 2020. № 93. P. 827–837. DOI: 10.15405/epsbs.2020.11.85

REFERENCES

- Adamyants T.Z., 2021. Social Communication as a Sphere of Constructing Social Meanings. *Kommunikaciya v socialno-gumanitarnom znanii, ekonomike, obrazovanii: materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, May 13–15, 2021*. Minsk, BGU, pp. 6-11.
- Artemova D., 2024. Most Russians Are Satisfied with the Level of Domestic Culture. *Vedomosti*. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/04/16/1032016-bolshinstvo-rossiyan-dovolni-urovne-otechestvennoi-kulturi?from=copy_text
- Astafyeva O.N., 2014. Theory and Practice of Cultural Policy: Meanings – Images – Actions. *Gosudarstvennaya sluzhba*, no. 1 (87), pp. 71-78.
- Gorshkov M.K., 2019. On the Social Results of Post-Soviet Transformations. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 11, pp. 14-16.
- Zaharov N.L., 2023. L.N. Kogan's Contribution to Sociological Epistemology. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Socialno-ehkonomicheskie nauki*, no. 16 (3), pp. 30-40. DOI: <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-3-30-40>
- Isyanbaev M.N., 1995. *Economic Subregions of the Republic of Bashkortostan: Problems of Formation and Development*. Ufa.
- Matveev V.V., 2022. Financing the Cultural Sphere in Terms of the Implementation of State Cultural Policy: An Analytical Review. *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika*, no. 4, pp. 59-69.
- Sagitov S.T., 2022. *Managing the Cultural Sphere: Sociological Analysis*. Moscow, Nauka Publ.
- Shvydkoy M.E., 2017. Why It Is Impossible to Skimp on Culture. *Rossiyskaya gazeta*. URL: <https://rg.ru/2017/10/10/mihail-shvydkoj-o-tom-pochemu-nelzia-ekonomit-na-kulture.html>
- Sagitov S., Nasibullin R., 2020. On the Priority of Social Systems in the Management of Socio-Cultural Processes. *European Proceedings of Social and Behavioral Sciences. Humanistic Practice in Education in a Postmodern Age*, no. 93, pp. 827-837. DOI: 10.15405/epsbs.2020.11.85

Information About the Author

Salavat T. Sagitov, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Rector, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Oktyabrskoy Revolyucii St, 3a, 450077 Ufa, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-7211-1004>

Информация об авторе

Салават Талгатович Сагитов, кандидат социологических наук, доцент, ректор, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, ул. Октябрьской Революции, 3а, 450077 г. Уфа, Российская Федерация, salavatst@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7211-1004>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.2>UDC 316.4.05
LBC 60.524Submitted: 15.01.2026
Accepted: 10.02.2026

ASSESSMENT OF BIRTH RATE DYNAMICS AS A BASIS FOR THE FORMATION OF FAMILY AND DEMOGRAPHIC POLICY (ON THE EXAMPLE OF THE VOLGOGRAD REGION)

Ekaterina N. VasilievaInstitute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation**Evgeniy S. Vasiliev**

Autonomous Non-Commercial Organization Institute "Tsargrad", Moscow, Russian Federation

Abstract. The relevance of the study is determined by the specifics of demographic changes in the Russian Federation that affect the size and structure of the population. The basis for the implementation of long-term family-demographic policy in Russia is the national project "Family", aimed at increasing the birth rate and the number of families with children. Support measures are being developed at the federal and regional levels, while the effectiveness of regional policy requires consideration of the specifics of local socio-economic and demographic processes. The Volgograd Region is a region with lower fertility rates compared with the national average. The purpose of our research is to determine the specifics of the birth rate dynamics and the resources for the formation of an effective family and demographic policy in the Volgograd region. The methodological basis of the research is the theory of demographic transition. The research methods include statistical analysis of the following indicators: population size, number of births, birth order by mother's age, total fertility rate, etc. The novelty of the study is determined by the search for resources to increase fertility in the regional context. The analysis of statistical data was carried out for 2012–2024. Correlations in terms of population size (urban/rural), the number of births (by order and age of the mother), and the total fertility rate are calculated. The approximation of significant correlations (0.79–0.99) was validated; values above 0.92 were considered as a significant dependence reflecting stable trends. The results obtained made it possible to identify areas for improving family-demographic policy in the Volgograd region. The need to stimulate the birth of second children under the age of 30 has been identified, which makes it possible to strengthen the basis for the formation of large families and the birth of third and subsequent children among women over 30 years. A strategy for overcoming negative demographic trends requires the integration of family and demographic policy measures with mechanisms aimed at enhancing the economic sustainability of families, which entails reducing the debt burden on households and developing infrastructural support for both rural and urban areas.

Key words: family-demographic policy, demography, population size, reproductive age, total fertility rate.

Citation. Vasilieva E.N., Vasiliev E.S. Assessment of Birth Rate Dynamics as a Basis for the Formation of Family and Demographic Policy (On the Example of the Volgograd Region). *Logos et Praxis*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 14-25. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.2>

УДК 316.4.05
ББК 60.524Дата поступления статьи: 15.01.2026
Дата принятия статьи: 10.02.2026

ОЦЕНКА ДИНАМИКИ РОЖДАЕМОСТИ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ СЕМЕЙНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Екатерина Николаевна Васильева

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, г. Москва, Российская Федерация

Евгений Сергеевич Васильев

Научно-исследовательская автономная некоммерческая организация «Институт “Царьград”»,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность исследования определяется спецификой демографических изменений в Российской Федерации, влияющих на численность и структуру населения. Базой реализации долгосрочной семейно-демографической политики в России выступает национальный проект «Семья», нацеленный на рост рождаемости и числа семей с детьми. Меры поддержки разрабатываются на федеральном и региональном уровнях, при этом эффективность региональной политики требует учета специфики локальных социально-экономических, демографических процессов. Волгоградская область является регионом с показателями рождаемости ниже, чем среднероссийские. Цель нашего исследования – определить специфику динамики рождаемости и ресурсы формирования эффективной семейно-демографической политики в Волгоградской области. Методологической базой исследования является теория демографического перехода. Методы исследования – статистический анализ следующих показателей – численность населения, число рождений, очередность рождений по возрасту матери, суммарный коэффициент рождаемости и т. д. Новизна исследования определяется поиском ресурсов повышения рождаемости в региональном разрезе. Анализ статистических данных проведен за 2012–2024 годы. Рассчитаны корреляции по численности населения (городское / сельское), числу рождений (по очередности и возрасту матери), суммарному коэффициенту рождаемости. Значимые корреляции (0,79–0,99) проверялись на достоверность аппроксимации; значения выше 0,92 рассматривались как существенная зависимость, отражающая устойчивые тенденции. Полученные результаты позволили определить направления совершенствования семейной и демографической политики в Волгоградской области. Выявлена необходимость стимулирования рождений вторых детей в возрасте матери до 30 лет, что позволяет укреплять базу формирования многодетности и рождений третьих и последующих детей у женщин старше 30 лет. Стратегия преодоления негативных демографических тенденций требует интеграции мер семейно-демографической политики с механизмами повышения экономической устойчивости семей, что предполагает снижение долговой нагрузки семей, а также формирование инфраструктурной поддержки сельских и городских территорий.

Ключевые слова: семейно-демографическая политика, демография, численность населения, репродуктивный возраст, суммарный коэффициент рождаемости.

Цитирование. Васильева Е. Н., Васильев Е. С. Оценка динамики рождаемости как основа формирования семейно-демографической политики (на примере Волгоградской области) // *Logos et Praxis*. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 14–25. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.2>

Введение

Основой реализации долгосрочной семейно-демографической политики в современной России является национальный проект «Семья» [Паспорт национального проекта... web]. Целью семейно-демографической политики становится рост рождаемости, увеличение количества семей с детьми, многодетных семей. Формируемая долгосрочная семейно-демографическая политика реализуется на федеральном уровне и усиливается разработкой и внедрением мер поддержки семей на региональном уровне. В то же время для повышения эффективности региональной семейно-демографической политики необходимо учитывать специфику социально-экономических и демографических процессов в конкретном социокультурном пространстве. Цель данного исследования – охарактеризовать специфику динамики рождаемости в Волгоградской

области, что позволит выявить ресурсы формирования эффективной семейно-демографической политики в регионе.

Методологическая база исследования – теория демографического перехода [Landry web], оказавшая большое влияние на современные исследования [Реэр 2014]. Теория демографического перехода позволяет выявить причины сокращения рождаемости, но не ориентирована на выявление ресурсов повышения рождаемости. В концепциях отечественных ученых исследуются условия изменения рождаемости [Калабихина и др. 2020], факторы, определяющие динамику рождаемости [Андреев и др. 2025; Козлова, Макарова, Архангельский 2024]. К факторам, определяющим динамику рождаемости, относятся брачность, разводимость [Архангельский, Золотарева, Кучмаева 2025; Ростовская, Синельников 2025; Синельников 2021], институциональные условия [Полтавская и др. 2024],

инфраструктура [Васильева Е.Н., Васильева Е.Е., 2025]. В рамках данного исследования, осуществляется поиск как причин снижения, так и факторов роста показателей рождаемости, для этого необходимо проанализировать тенденции рождаемости в отдельные временные периоды. Полученные данные позволят сделать обоснованные выводы о формировании эффективной семейно-демографической политики, направленной на повышение уровня рождаемости в Волгоградской области [Алпатов, Митрофанова 2023] и регионах России.

Методика работы строится на обработке статистических данных за период, анализе, статистике, расчете корреляций (общая численность и численность городского и сельского населения, число родившихся, очередность рождений в зависимости от возраста матери, суммарный коэффициент рождаемости (далее – СКР), в том числе в разрезе очередности рождений). Выявленные корреляции с высокими значениями (в интервале от 0,79 до 0,99) дополнительно оценивались с учетом достоверности аппроксимации. Корреляция, превышающая 0,92, интерпретировалась как сильная зависимость, не нуждающаяся в дополнительных обоснованиях и указывающая на устойчивые тенденции в развитии демографических процессов. Полученные результаты позволили определить приоритетные направления для совершенствования мер семейной и демографической политики.

Результаты исследования

Базовым индикатором оценки динамики рождаемости является СКР. Изменения СКР по Волгоградской области представлены в таблице 1. Наблюдается сокращение разры-

ва показателей СКР в сельских (1,184) и в городских (1,096) территориях. Снижение СКР за 2012–2024 гг. составило в Волгоградской области 26,8 %, в том числе по сельской местности 42,2 %, по городской местности – 20,6 %, что позволяет прогнозировать – при сохранении текущей динамики рождаемость в городской местности через десять лет будет выше, чем в сельской.

Традиционно рождаемость в городах, наоборот, ниже, чем в сельской местности [Синельников 2023], благоприятно на рождаемость в сельской местности влияет доступность жилья и рост доходов населения. Повышению уровня доходов населения способствует развитие сельских территорий. Так, Волгоградская область занимала по объему сельскохозяйственной продукции на душу населения в 2019–2021 гг. 18-е место в Российской Федерации [Мхитарян, Попова 2023]. Однако динамика снижения рождаемости падает не только в Волгоградской области, тенденция характерна для всего Южного федерального округа (ЮФО) (см. табл. 2).

По данным, представленным в таблице 2, можно сделать вывод, что в большинстве регионов ЮФО динамика снижения СКР в сельской местности выше, чем в городской. Например, высокая интенсивность снижения СКР наблюдается в Республике Адыгея, в Краснодарском крае, умеренная в Астраханской, Ростовской, Волгоградской областях и Республике Калмыкия. Сегодня одним из важных инструментов повышения рождаемости являются жилищные программы, в том числе программы развития ИЖС (индивидуального жилищного строительства), ориентированные на развитие строительства в сельских территориях и пригородах, что ставит воп-

Таблица 1

Динамика изменения СКР в Волгоградской области за период 2012–2024 годов

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2012 / 2024
СКР. Население в целом	1,525	1,512	1,546	1,558	1,537	1,404	1,349	1,239	1,198	1,226	1,139	1,119	1,117	–26,8 %
СКР. Городское население	1,381	1,356	1,402	1,486	1,471	1,327	1,282	1,177	1,139	1,164	1,082	1,070	1,096	–20,6 %
СКР. Сельское население	2,050	2,076	2,063	1,798	1,758	1,672	1,594	1,471	1,419	1,465	1,355	1,305	1,184	–42,2 %

Примечание. Источник: [Суммарный коэффициент рождаемости web].

рос о перспективах формирования данных программ в сельской местности в рамках семейно-демографической политики.

Существенное падение СКР в сельских территориях Волгоградской области не оказывает существенного влияния на общий СКР, так как структура распределения населения в Волгоградской области за 2012–2025 гг. отражает снижение в общей численности доли сельского населения (см. табл. 3, 4).

Устойчивая тенденция миграции населения из сельских территорий в городские является результатом современных социально-экономических процессов. Если в 2012–2019 гг. уменьшение общей численности населения составляло от года к году 0,3–0,4 %, то с 2022 г. данный процесс ускорился в два раза, составив 0,7–0,8 %. Численность сельского населения в начале анализируемого периода уменьшалась почти на 1 % в год, а с 2020 г. динамика тренда составила 1,3 %.

На воспроизводство населения большое влияние оказывает снижение численности женщин репродуктивного возраста (см. табл. 5), например, за 2012–2025 гг. число женщин репродуктивного возраста (15–49 лет) снизилось на 13,6 %, а средний возраст данной возрастной группы женщин увеличился с 32,2 лет до 34,2 года, то есть на два года, что свидетельствует о неблагоприятных тенденциях уменьшения резервов роста рождаемости

(см. табл. 6). Из представленных в таблице 6 данных следует, что увеличилась на 12,1 процентных пунктов (далее – п. п.) доля женщин в возрасте 35–49 лет, а доли возрастных групп 15–24 лет и 25–34 лет снизились на 5,4 п. п. и 6,8 п. п. соответственно, учитывая, что основная доля рождений приходится на возраст 24–36 лет, можно констатировать, что потенциал рождаемости снижается.

Число рождений снижается, так как снижается численность женщин, но СКР, если формировать эффективные программы семейно-демографической политики, для этого необходимо выявить, какие факторы влияют на число рождений детей по очередности 2012–2023 гг. (см. табл. 7).

На основе произведенных расчетов можно заключить, что снижение численности женщин репродуктивного возраста имеет прямую корреляцию со снижением числа рождения первых и вторых детей (корреляция 0,98 и 0,9, величина достоверности аппроксимации 0,97 и 0,8 соответственно, см. рис. 1–2); обратные зависимости представлены на рисунках 3–4 (корреляция –0,99 и –0,94, величина достоверности аппроксимации 0,99 и 0,89 соответственно).

Негативные тенденции уменьшения числа рождений первых и вторых детей формируются на фоне увеличения рождений третьих и последующих детей, их доля за 2012–2023 гг. выросла почти вдвое, на 13,7 п. п.

Таблица 2

Динамика изменения СКР в ЮФО, 2024 г. в сравнении с 2012 г., %

Регион	Население в целом	Городское население	Сельское население
Республика Адыгея	–17,9	–2,4	–31,2
Республика Калмыкия	–32,4	–22,9	–40,7
Краснодарский край	–10,3	–2,5	–20,5
Астраханская область	–16,2	–10,3	–25,9
Волгоградская область	–26,8	–20,6	–42,2
Ростовская область	–13,8	–7,3	–27,2

Примечание. Источник: [Суммарный коэффициент рождаемости web].

Таблица 3

Структура распределения населения по типу поселения в Волгоградской области, 2012–2025 гг., %

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Городское население	76	76	76	76	77	77	77	77	77	77	77	78	78	78
Сельское население	24	24	24	24	23	23	23	23	23	23	23	22	22	22

Примечание. Источник: [Численность... мужчин... web; Численность... женщин... web].

(см. табл. 8). Указанная тенденция сформировалась благодаря активной поддержке в Волгоградской области многодетных семей, тем не менее семейно-демографическая политика поддержки третьих и последующих рождений пока не компенсирует снижение числа первых и вторых рождений. И если рождение первых детей планируется семьями вне зависимости от мер государственной поддержки, а снижение числа рождений определяется уменьшением числа женщин, то снижение рождаемости вторых детей – результат уменьшения размера материнского капитала, перераспределение большей части выплат на рождение первых детей. Сегодня наблюдается рост поддержки при рождении третьих и

последующих детей, что позитивно влияет на рост числа многодетных семей, но в развитии многодетности может начаться стагнация, если не поддерживать рождение вторых детей как основу развития многодетности.

Неблагоприятное влияние на рождаемость в Волгоградской области оказывает снижение численности женщин в возрасте 20–24 лет и 25–29, так как это возраст рождения первых и вторых детей в семье, о чем свидетельствуют коэффициенты корреляции выше 0,9 при достоверности выше 0,82 (см. табл. 9, рис. 5–6).

Полученные данные подтверждают необходимость разработки и реализации мер, направленных на поддержку и стимулирование рождения первых и вторых детей или незави-

Таблица 4

Динамика изменения численности населения в Волгоградской области, 2012–2025 гг., %

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Население в целом	–0,3	–0,3	–0,4	–0,3	–0,3	–0,3	–0,4	–0,4	–0,5	–0,6	–0,8	–0,9	–0,7	–0,8
Городское население	–0,2	–0,1	–0,2	–0,2	–0,1	–0,1	–0,2	–0,2	–0,3	–0,4	–0,5	–0,8	–0,5	–0,7
Сельское население	–0,8	–0,8	–0,8	–0,8	–0,8	–0,8	–1,0	–1,0	–1,2	–1,1	–1,6	–1,4	–1,1	–1,3

Примечание. Составлено автором на основе: [Численность... мужчин... web; Численность... женщин... web].

Таблица 5

Численность женщин и средний возраст женщин репродуктивного возраста на 1 января 2012–2025 гг. (Волгоградская область)

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Численность женщин, тыс. чел.	652,4	642,0	631,4	623,8	617,5	612,3	607,6	602,5	595,5	589,9	585,7	578,1	572,1	563,6
Средний возраст женщин, лет	32,2	32,4	32,5	32,7	32,9	33,1	33,3	33,5	33,7	33,8	34,0	34,0	34,1	34,2

Примечание. Составлено авторами на основе: [Число родившихся по возрасту матери... web; Численность... женщин... web].

Таблица 6

Динамика изменения численности женщин репродуктивного возраста в возрастных интервалах на 1 января 2012–2025 гг. (Волгоградская область), %

Возрастная группа	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
15–24 лет	26,6	25,2	23,9	22,6	21,3	20,6	20,2	20,0	19,9	19,7	19,7	20,4	20,9	21,2
25–34 лет	31,4	32,3	33,0	33,6	34,0	33,9	33,4	32,4	31,4	30,3	29,0	27,4	25,9	24,6

Примечание. Источник: [Численность... женщин... web].

симо от возраста рождений, или в возрасте до 30 лет. Средний возраст женщины при рождении первого ребенка составляет в Волгоградской области 29,5 лет, то есть + 8,4 % за 10–11 лет (см. табл. 10). Учитывая сложившиеся тренды, рост среднего возраста женщин при рождении детей в дальнейшем продолжится. В этом отношении следует разрабатывать меры поддержки женщин при рождении детей, эффективны программы дополнительной медицинской помощи.

Наряду с выявленными тенденциями на протяжении всего исследуемого периода увеличивается временной промежуток между рождением первого и последующих детей. В 2023 г. интервал между рождением первого и второго ребенка увеличилось до 4,5 лет (рост 6,7 %). Увеличение периода между рождением детей может быть обусловлено экономическими факторами. Для проверки данной гипотезы произведен анализ экономических условий жизнедеятельности семьи. В со-

Таблица 7

Коэффициенты корреляции показателей «Численность женщин репродуктивного возраста», «Средний возраст женщин репродуктивного возраста» и «Число родившихся по очередности рождения» по Волгоградской области

Показатель	Рожденные первые	Рожденные вторые	Рожденные третьи	Рожденные четвертые	Рожденные пятые и более
Численность женщин репродуктивного возраста	0,98	0,90	0,56	–0,69	–0,82
Средний возраст женщин репродуктивного возраста	–0,99	–0,94	–0,66	0,62	0,78

Примечание. Рассчитано авторами на основе: [Число родившихся по возрасту матери... web; Численность... женщин... web].

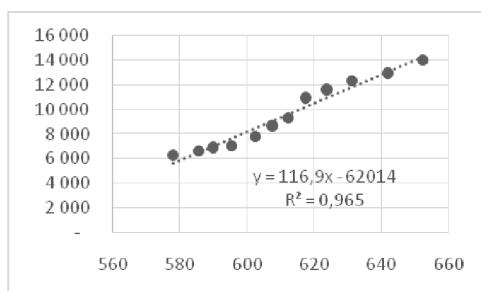

Рис. 1. Корреляция и величина достоверности аппроксимации между снижением численности женщин репродуктивного возраста и снижением числа рождений первых детей

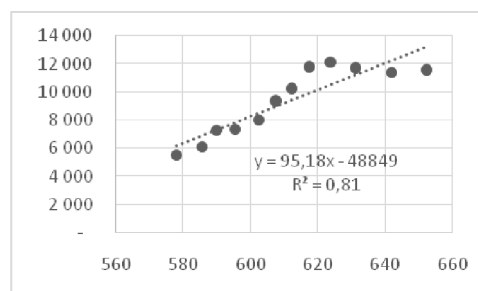

Рис. 2. Корреляция и величина достоверности аппроксимации между снижением численности женщин репродуктивного возраста и снижением числа рождений вторых детей

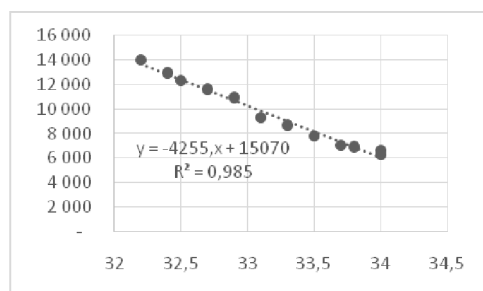

Рис. 3. Корреляция и величина достоверности аппроксимации между увеличением среднего возраста матери и снижением числа первых рождений

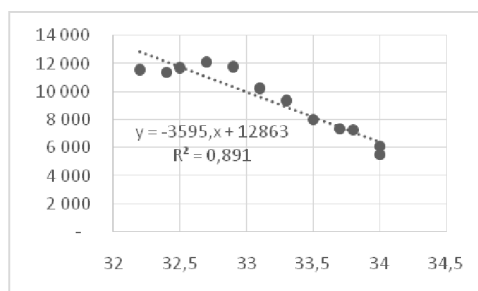

Рис. 4. Корреляция и величина достоверности аппроксимации между увеличением среднего возраста матери и снижением числа вторых рождений

временной России активно развиваются программы потребительского кредитования и «Семейной ипотеки» как наиболее востребованной семьями программы, ориентированной на улучшение жилищных условий. Анализ взаимосвязи между размером долговой нагрузки на население Волгоградской области (рассчитывается как соотношение задолженности по предоставленным кредитам к численности населения в трудоспособном возрасте и к среднегодовым номинальным денежным доходам), численностью мужчин

в возрасте 15–59 лет позволяет сделать вывод о формировании неблагоприятных тенденций (см. табл. 11–12).

Представленные в таблице 11 статистические ряды свидетельствуют о следующих тенденциях, характеризующих социально-экономические условия реализации репродуктивного поведения. На протяжении 2012–2023 гг. наблюдается устойчивое сокращение численности не только женщин репродуктивного возраста, но сокращение мужского населения 15–59 лет, что связано с тем, что в активный реп-

Таблица 8

Изменение в Волгоградской области структуры рождаемости в зависимости от очередности рождений, 2012–2023 гг., %

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Влияние рождения 1-го и 2-го ребенка на общую рождаемость	84,3	82,5	81,0	80,9	80,0	77,7	76,5	75,2	73,3	72,6	72,2	70,6
Влияние рождения 3-го и последующих детей на общую рождаемость	15,7	17,5	19,0	19,1	20,0	22,3	23,5	24,8	26,7	27,4	27,8	29,4

Примечание. Рассчитано авторами на основе: [Число родившихся по возрасту матери... web].

Таблица 9

Коэффициенты корреляции показателей «Численность женщин» и «Число родившихся по очередности рождения» по Волгоградской области

Возрастные группы	Первые	Вторые	Третьи	Четвертые	Пятые и последующие
15–19 лет	0,79	0,54	0,04	–0,86	–0,92
20–24 лет	0,97	0,81	0,43	–0,77	–0,93
25–29 лет	0,91	0,98	0,82	–0,41	–0,53

Примечание. Рассчитано авторами на основе: [Число родившихся по возрасту матери... web; Численность... женщин... web].

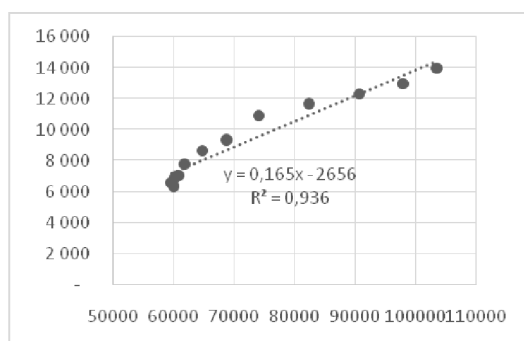

Рис. 5. Корреляция и величина достоверности аппроксимации между снижением численности женщин в возрасте 20–24 лет и снижением числа рождений первых детей

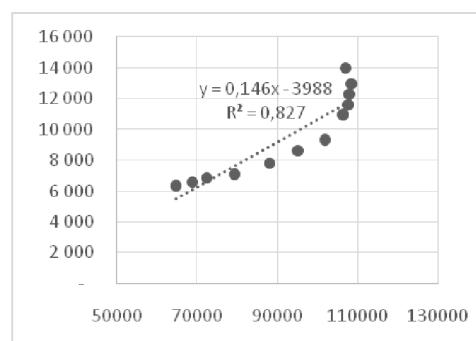

Рис. 6. Корреляция и величина достоверности аппроксимации между снижением численности женщин в возрасте 25–29 лет и снижением числа рождений первых детей

родуктивный и трудоспособный возраст вступили малочисленные поколения, рожденные в 1990–2000-х годах. Стабилизация экономической ситуации в 2010-х гг. и рост уровня жизни способствовали трансформации экономического, в том числе финансового, поведения. Сегодня фиксируется существенный рост долговой нагрузки на население: соотношение среднедушевого долга по кредитам к годовой заработной плате увеличилось с 22,5 % до 53,7 %, то есть возросло на 31,2 п. п. Особенно показательна динамика ускорения данного процесса после 2018 г., когда показатель преодолел 40-процентный рубеж и к 2020 г. достиг 54,1 %, стабилизировавшись в последующие годы на уровне 53–54 %, что свидетельствует о возрастающей закредитованности населения, а это не может не отражаться на семейных и репродуктивных планах.

В таблице 12 представлены статистически значимые взаимосвязи, имеющие принципи-

альное значение для понимания детерминант рождаемости. Обнаруживается сильная отрицательная корреляция между численностью мужчин 15–59 лет и средним возрастом матери при рождении детей всех очередностей (за исключением пятых и последующих рождений, где связь ослабевает). Наиболее высокие значения корреляции фиксируются при рождении вторых детей (–0,99) и при рождении первых детей (–0,89), что указывает на особую значимость демографического потенциала населения именно для рождений детей младших очередностей.

Значимыми являются корреляционные связи между уровнем долговой нагрузки и параметрами рождаемости. Выявлена устойчивая положительная корреляция между ростом закредитованности населения и увеличением среднего возраста материнства. Это может объясняться тем, что первые рождения в большей части реализуются независимо от экономических факторов в силу их большей

Таблица 10

Средний возраст матери по очередности рождения детей в Волгоградской области, 2012–2023 гг., лет

Средний возраст матери	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2012 / 2023
При рождении:													
1-го ребенка	24,5	24,7	25,1	25,3	25,7	25,8	26,0	26,1	26,0	26,0	25,9	25,9	5,6%
2-го ребенка	28,7	28,8	29,0	29,2	29,4	29,4	29,8	30,0	30,0	29,9	30,2	30,4	5,8%
3-го ребенка	31,0	31,1	31,2	31,3	31,6	31,5	31,6	32,0	32,2	32,3	32,6	32,6	5,3%
4-го ребенка	31,6	31,9	32,1	31,8	32,0	32,3	32,6	32,5	32,8	33,0	33,1	33,5	6,0%
5-го и последующих детей	33,4	33,6	33,4	33,2	33,0	33,4	33,4	33,5	33,6	34,1	34,1	34,6	3,5%
По всем детям	27,2	27,5	27,9	28,1	28,5	28,7	28,9	29,1	29,2	29,3	29,4	29,5	8,4%

Примечание. Рассчитано авторами на основе: [Число родившихся по возрасту матери... web].

Таблица 11

Изменение в Волгоградской области численности мужчин возрастной группы 15–59 лет и показателя «Соотношение среднедушевого долга по кредитам к среднегодовым доходам» по Волгоградской области, 2012–2023 годы

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2012 / 2023
Численность мужчин 15–59 лет	818,7	808,6	798,9	789,1	780,7	772,5	765,5	758,4	749,4	743,2	736,9	728,3	–11 %
Соотношение среднедушевого долга по кредитам к среднегодовым доходам, %	22,5	29,8	36,3	36,7	36,2	35,6	40,5	47,2	54,1	54,4	53,7	53,7	31,2 п. п.

Примечание. Рассчитано авторами на основе: [Численность... мужчин... web; Среднедушевые денежные доходы... web; Сведения о задолженности по кредитам... web].

социально-психологической обусловленности, но под влиянием экономических факторов откладываются на более поздний возраст.

Таким образом, проблемы снижения рождаемости в Волгоградской области имеют под собой демографические основания, обусловлены экономическими факторами, проблемами пространственного развития территорий и т. д. Преодоление демографического кризиса требует широкого инструментария мер поддержки, направленных на разные аспекты деятельности жителей региона. Проведенный анализ не является исчерпывающим, исследовательская работа будет продолжена с целью более глубокого анализа причин снижения рождаемости в сельской и городской местностях.

Обсуждение и выводы

Проведенный анализ динамики рождаемости в Волгоградской области позволяет зафиксировать ряд значимых тенденций, характеризующих специфику современных демографических процессов в регионе и определяющих направления совершенствования семейно-демографической политики.

Прежде всего, при разработке семейно-демографической политики необходимо учитывать трансформацию традиционной модели рождаемости в разрезе «город – село». Фиксируемое на протяжении последнего десятилетия сокращение суммарного коэффициента рождаемости в сельской местности темпами, более чем вдвое превышающими снижение данного показателя в городах и город-

ских поселениях, ведет к постепенному нивелированию дифференциации репродуктивного поведения жителей городов и сел. При сохранении сложившихся тенденций можно прогнозировать, что в среднесрочной перспективе показатели рождаемости в городской местности Волгоградской области превысят уровень рождаемости в сельской, что ставит под сомнение эффективность семейно-демографической политики, ориентированной только на активизацию ресурсного потенциала села.

Существенное влияние на параметры рождаемости оказывают изменения структуры женского населения. За исследуемый период численность женщин репродуктивного возраста сократилась на 13,6 % при одновременном увеличении среднего возраста рождения детей на два года, что свидетельствует о сужении демографической базы рождаемости. Выявленные корреляционные зависимости подтверждают, что снижение численности женщин репродуктивного возраста выступает ключевым фактором, детерминирующим падение числа первых и вторых рождений, при росте третьих и последующих рождений.

Позитивным следствием реализуемых мер семейно-демографической политики выступает двукратный рост третьих и последующих рождений, что свидетельствует о формировании устойчивого тренда на увеличение численности многодетных семей в регионе. Вместе с тем современный потенциал многодетного родительства не перекрывает масштабов снижения первых и вторых рождений, что актуализирует проблему бес-

Таблица 12

Коэффициенты корреляции показателей «Численность мужчин 15–59 лет», «Соотношение среднедушевого долга по кредитам к среднегодовым доходам» и «Средний возраст женщин при рождении детей» в Волгоградской области

Показатель	Средний возраст матери					
	по всем детям	при рождении				
		1-го ребенка	2-го ребенка	3-го ребенка	4-го ребенка	5-го и последующих детей
Численность мужчин 15–59 лет	–0,98	–0,89	–0,99	–0,97	–0,95	–0,69
Соотношение среднедушевого долга по кредитам к среднегодовым доходам	0,94	0,83	0,94	0,94	0,92	0,67

Примечание. Рассчитано авторами на основе: [Численность... мужчин... web; Численность... женщин... web; Среднедушевые денежные доходы... web; Сведения о задолженности по кредитам... web].

печения непрерывности демографического воспроизводства.

Характерной особенностью региональной модели рождаемости становится увеличение среднего возраста матери при рождении первого ребенка, а также интервала между рождением первого и второго ребенка, который составляет 4,5 лет, что объективно снижает вероятность реализации репродуктивных намерений супружеских пар в отношении последующих детей.

Проведенный анализ выявил наличие значимых корреляционных связей между параметрами рождаемости и факторами, выходящими за пределы традиционно рассматриваемого спектра мер демографической политики. Важно учитывать при формировании семейно-демографической политики возрастающую долговую нагрузку населения, которая способствует откладыванию рождений. Выявленные корреляционные зависимости подтверждают влияние долговой нагрузки домохозяйств на возрастные параметры материнства. Рост закредитованности населения выступает значимым предиктором увеличения среднего возраста женщины при рождении детей. Наиболее сильные корреляционные связи фиксируются для вторых и третьих рождений, что указывает на особую чувствительность репродуктивных планов семей в отношении последующих рождений. Это имеет принципиальное

значение для разработки мер семейно-демографической политики, которая должна учитывать не только прямые меры стимулирования рождаемости, но и необходимость социально-экономической поддержки семей как фактора, влияющего на репродуктивные стратегии.

Таким образом, ресурсы повышения эффективности семейно-демографической политики в Волгоградской области связаны с необходимостью разработки комплекса мер, дифференцированных по очередности рождений и возрасту матери. Приоритетного внимания требует стимулирование первых и вторых рождений, развитие жилищных программ, включая поддержку индивидуального строительства в пригородных и сельских территориях, а также адресное усиление мер поддержки при рождении второго ребенка. Растет потребность в поддержке рождений в старших возрастных группах, что актуализирует развитие специализированных программ поддержки женского здоровья. В целом преодоление негативных демографических тенденций требует интеграции мер семейно-демографической политики с механизмами повышения экономической устойчивости семей, снижения долговой нагрузки, улучшения социально-экономического положения семей и инфраструктурной поддержки сельских и городских территорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев и др. 2025 – Андреев Е.М., Чурилова Е.В., Родина О.А., Чертенков К.О. Российская рождаемость в XXI веке и перспективы ее повышения // Демографическое обозрение. 2025. Т. 12, № 2. С. 87–107. DOI: 10.17323/demreview.v12i2.27495
- Алпатов, Митрофанова 2023 – Алпатов А.В., Митрофанова И.В. Трансформация возрастной модели рождаемости в Волгоградской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 6. С. 95–117. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2424>
- Архангельский, Золотарева, Кучмаева 2025 – Архангельский В.Н., Золотарева О.А., Кучмаева О.В. Показатели вступления в первый брак в реальных поколениях: методические и аналитические возможности данных текущего учета // Вопросы статистики. 2025. Т. 32, № 6. С. 57–77. DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2025-32-6-57-77>
- Васильева Е.Н., Васильева Е.Е. 2025 – Васильева Е.Н., Васильева Е.Е. Факторы изменения численности населения в Российской Федерации в 2000–2021 гг. // Факторы и механизмы демографического развития: сб. науч. ст. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2025. С. 259–265. DOI: 10.17059/udf-2025-3-1
- Калабихина и др. 2020 – Калабихина И.Е., Банин Е.П., Архангельский В.Н., Абдуселимова И.А., Клименко Г.А., Колотуша А.В., Николаева У.Г., Шамсутдинова В.Ш. Краткосрочное прогнозирование демографических тенденций на основе данных Google Trends // Прикладная информатика. 2020. Т. 15, № 6 (90). С. 91–118. DOI: 10.37791/2687-0649-2020-15-6-91-118
- Козлова, Макарова, Архангельский 2024 – Козлова О.А., Макарова М.Н., Архангельский В.Н. Методический подход к оценке факторного влияния на рождаемость в России // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20, № 1. С. 76–90. DOI: https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_7_76_90

- Мхитарян, Попова 2023 – Мхитарян В.С., Попова Г.Л. Классификация регионов России по уровню развития сельского хозяйства в 2019–2021 годах // Вопросы статистики. 2023. Т. 30, № 4. С. 43–53. DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-4-43-53>
- Паспорт национального проекта... web – Паспорт национального проекта «Семья» [Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации] // <https://mintrud.gov.ru/uploads/editor/5b/f9/Национальный%20проект%20Семья.docx>
- Полтавская и др. 2024 – Полтавская М.Б., Васильев Е.С., Гуляев С.Б. Современная российская семья: потребности и институциональные ресурсы поддержки (на примере Волгоградской области) // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 4. С. 77–92. DOI: <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-4-77-92>
- Резр 2014 – Резр Д. Экономические и социальные последствия демографического перехода // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1, № 4. С. 41–67.
- Ростовская, Синельников 2025 – Ростовская Т.К., Синельников А.Б. Ценности брака как основа благополучия российских семей // Вопросы управления. 2025. Т. 19, № 2. С. 6–16.
- Сведения о задолженности по кредитам... web – Сведения о задолженности по кредитам, предоставленным кредитными организациями физическим лицам-резидентам [ЕМИСС] // <https://www.fedstat.ru/indicator/42861>
- Синельников 2021 – Синельников А.Б. Демографический переход и семейно-демографическая политика // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 83–93. DOI: [10.31857/S013216250017168-7](https://doi.org/10.31857/S013216250017168-7)
- Синельников 2023 – Синельников А.Б. Социально-демографическая дифференциация рождаемости в России // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 95–107. DOI: [10.31857/S013216250029340-7](https://doi.org/10.31857/S013216250029340-7)
- Среднедушевые денежные доходы... web – Среднедушевые денежные доходы населения [ЕМИСС] // <https://www.fedstat.ru/indicator/57039>
- Суммарный коэффициент рождаемости web – Суммарный коэффициент рождаемости [ЕМИСС] // <https://www.fedstat.ru/indicator/31517>
- Численность... женщин... web – Численность постоянного населения – женщин по возрасту на 1 января (человек) [ЕМИСС] // <https://www.fedstat.ru/indicator/33459>
- Численность... мужчин... web – Численность постоянного населения – мужчин по возрасту на 1 января (человек) [ЕМИСС] // <https://www.fedstat.ru/indicator/31548>
- Число родившихся по возрасту матери... web – Число родившихся по возрасту матери и очередности рождения [ЕМИСС] // <https://www.fedstat.ru/indicator/59992>
- Landry web – Landry A. Les trois théories principales de la population [Scientia. 1909. Vol. 3. № 6. art. 121] // <https://philpapers.org/rec/LANLTT>

REFERENCES

- Andreyev E., Churilova E., Rodina O., Chertenkov K., 2025. Russian Fertility in the 21st Century and Prospects for Its Increase. *Demographic Review*, vol. 12, no. 2, pp. 87-107. DOI: [10.17323/demreview.v12i2.27495](https://doi.org/10.17323/demreview.v12i2.27495)
- Alpatov A.V., Mitrofanova I.V., 2023. Transformation of Age Model of Fertility in Volgograd Region. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 6, pp. 95-117. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2424>
- Arkhangelskiy V.N., Zolotareva O.A., Kuchmaeva O.V., 2025. First Marriage Rates in Real Generations: Methodological and Analytical Potential of Current Registration Data. *Voprosy statistiki*, vol. 32, no. 6, pp. 57-77. DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2025-32-6-57-77>
- Vasilieva E.N., Vasilieva E.E., 2025. Factors of Population Change in the Russian Federation in 2000–2021. *Factors and Mechanisms of Demographic Development: Collection of Scientific Articles*. Yekaterinburg, In-t ekonomiki UrO RAN, pp. 259-265. DOI: <https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-3-1>
- Kalabikhina I., Banin E., Arkhangelskiy V., Abduselimova I., Klimenko G., Kolotusha A., Nikolaeva U., Shamsutdinova V., 2020. Short-Term Forecasting of Demographic Trends Based on Google Trends Data. *Prikladnaya informatika*, vol. 15, no. 6, pp. 91-118. DOI: [10.37791/2687-0649-2020-15-6-91-118](https://doi.org/10.37791/2687-0649-2020-15-6-91-118)
- Kozlova O.A., Makarova M.N., Arkhangelskiy V.N., 2024. Methodological Approach to Assessing Factor Influence on Fertility in Russia. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii*, vol. 20, no. 1, pp. 76-90. DOI: https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_7_76_90
- Mkhitarян V.S., Popova G.L., 2023. Classification of Russian Regions by the Level of Agricultural Development in 2019–2021. *Voprosy Statistiki*, vol. 30, no. 4, pp. 43-53. DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-4-43-53>

- Passport of the National Project "Family". *Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation*. URL: <https://mintrud.gov.ru/uploads/editor/5b/f9/Национальный%20проект%20Семья.docx>
- Poltavskaya M.B., Vasiliev E.S., Gulyaev S.B., 2024. Modern Russian Family: Needs and Institutional Support Resources (Case of Volgograd Region). *Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-Economic Sciences*, vol. 17, no. 4, pp. 77-92. DOI: <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-4-77-92>
- Reer D., 2014. Economic and Social Consequences of Demographic Transition. *Demograficheskoe obozreniye*, vol. 1, no. 4, pp. 41-67.
- Rostovskaya T.K., Sinelnikov A.B., 2025. Marriage Values as the Basis for the Russian Families Well-Being. *Management Issues*, vol. 19, no. 2, pp. 6-16.
- Data on Loan Arrears of Resident Individuals Owed to Credit Institutions. *EMISS (Unified Interdepartmental Information and Statistical System of Federal State Statistics Service)*. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/42861>
- Sinelnikov A.B., 2021. Demographic Transition and Family Demographic Policy. *Sociologicheskiye issledovaniya*, no. 10, pp. 83-93. DOI: 10.31857/S013216250017168-7
- Sinelnikov A.B., 2023. Socio-Demographic Differentiation of Fertility in Russia. *Sociologicheskiye issledovaniya*, no. 12, pp. 95-107. DOI: 10.31857/S013216250029340-7
- Average Per Capita Money Income of the Population. *EMISS (Unified Interdepartmental Information and Statistical System of Federal State Statistics Service)*. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57039>
- Total Fertility Rate. *EMISS (Unified Interdepartmental Information and Statistical System of Federal State Statistics Service)*. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517>
- Resident Population – Women by Age as of January 1 (Persons). *EMISS (Unified Interdepartmental Information and Statistical System of Federal State Statistics Service)*. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33459>
- Resident Population – Men by Age as of January 1 (Persons). *EMISS (Unified Interdepartmental Information and Statistical System of Federal State Statistics Service)*. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31548>
- Number of Live Births by Mother's Age and Birth Order. *EMISS (Unified Interdepartmental Information and Statistical System of Federal State Statistics Service)*. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59992>
- Landry A., 1909. Les trois théories principales de la population. *Scientia*, vol. 3, no. 6, art. 121. URL: <https://philpapers.org/rec/LANLTT>

Information About the Authors

Ekaterina N. Vasilieva, Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, Chief Researcher, Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Krzhizhanovskogo St, 24/35, Bld. 5, 117218 Moscow, Russian Federation, vasilevaen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0460-5539>

Evgeniy S. Vasiliev, Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Scientific Research Autonomous Non-Commercial Organization Institute "Tsargrad", Partiyiny Lane, 1/57/3, 115093 Moscow, Russian Federation, evasilyevs@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8798-9880>

Информация об авторах

Екатерина Николаевна Васильева, доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, ул. Кржижановского, 24/35, к. 5, 117218 г. Москва, Российская Федерация, vasilevaen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0460-5539>

Евгений Сергеевич Васильев, кандидат экономических наук, научный сотрудник, Научно-исследовательская автономная некоммерческая организация «Институт "Царьград"», Партийный пер., д. 1, к. 57, стр. 3, 115093 г. Москва, Российская Федерация, evasilyevs@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8798-9880>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.3>

UDK 316.36

LBC 60.561.52

Submitted: 15.10.2025

Accepted: 10.02.2026

FATHERLY LOVE: CONTRADICTION IN ADJECTO?

Ekaterina B. Khitruk

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Abstract. This article explores contemporary transformations of fatherhood and fathering. Particular attention is paid to the concept of “fatherly love,” reflecting both the growing awareness of the significance of emotional warmth and openness in the father-child relationship within the context of social science development and the recognition of love as a profound dimension of the father’s experience in a non-scientific, social discourse developed by men and fathers themselves. The article presents the results of a sociological study dedicated to the exploration of the phenomenon of “engaged fatherhood” in contemporary Russian society. The findings reveal the complex process by which men are re-evaluating their own experiences of fatherhood, as well as the experiences of building relationships in their families of origin, leading them to recognize the significance of fatherly love as a fundamental foundation of parent-child relationships. The article concludes with the following points: 1. “Fatherly love” is one of the most important effects of the so-called “fatherhood revolution,” expressed in the transformation of the institution of fatherhood in the last quarter of the 20th and the first quarter of the 21st centuries. 2. “Fatherly love” is a concept rapidly entering both scientific and social discourse. 3. Legitimizing the concept of “fatherly love” within contemporary social sciences, and its gradual and conscious inclusion in scientific discussions, could positively contribute to curbing the trend of “father absence” in modern society. The concept of “fatherly love,” therefore, can, among other things, serve as an effective resource for “shaking up” binary-defining categorical schemes of emotionality and empowering men themselves to understand and embrace emotional warmth as one of the most important dimensions of their own masculine identity.

Key words: fatherhood, engaged fatherhood, fatherly love, emotional warmth, men’s studies.

Citation. Khitruk E.B. Fatherly Love: contradictio in adjecto? *Logos et Praxis*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 26-37. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.3>

УДК316.36

ББК 60.561.52

Дата поступления статьи: 15.10.2025

Дата принятия статьи: 10.02.2026

ОТЦОВСКАЯ ЛЮБОВЬ: CONTRADICTION IN ADJECTO?

Екатерина Борисовна Хитрук

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

Аннотация. Работа посвящена исследованию современных трансформаций норм и практик отцовского поведения. Особое внимание уделяется концепту «отцовская любовь», отражающему одновременно осознание значимости эмоциональной теплоты и открытости в отношениях между отцом и ребенком в контексте развития социальных наук и осознание значимости любви как глубинного измерения отцовского опыта во внеакадемическом, социальном дискурсе, развиваемом самими мужчинами и отцами. В статье представлены результаты социологического исследования феномена «вовлеченное отцовство» в современном российском обществе. Раскрывается сложный процесс переосмысления мужчинами собственного опыта отцовства, а также опыта построения отношений в родительской семье, в результате которого мужчины приходят к осознанию значимости отцовской любви как фундаментального основания детско-родительских отношений. В статье делаются следующие выводы: 1. «Отцовская любовь» представляет собой один из важнейших эффектов так называемой «отцовской революции», выражающейся в трансформации института отцовства в последней четверти XX – первой четверти XXI века. 2. «Отцовская любовь» представляет собой концепт, стремительно внедряющийся одновременно и в научный, и в социальный дискурс. 3. Легитимация концепта «отцовская любовь» в

пространстве современных социальных наук, постепенное и осознанное включение этого концепта в поле научных дискуссий могли бы оказать положительное влияние на сдерживание тенденции «потери отца» в современном обществе. Концепт «отцовской любви», таким образом, помимо прочего, может выступать в качестве действенного ресурса, «распатывающего» бинаризирующие эмоциональность категориальные схемы и дающего самим мужчинам возможность осмыслить и принять эмоциональную теплоту как одно из важнейших измерений собственной мужской судьбы.

Ключевые слова: отцовство, вовлеченное отцовство, отцовская любовь, эмоциональная теплота, мужские исследования.

Цитирование. Хитрук Е. Б. Отцовская любовь: *contradictio in adjecto*? // *Logos et Praxis*. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 26–37. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.3>

Поскольку очень важная часть функционирования человека в качестве родителя – это нежность, забота, постоянная эмоциональная поддержка, потребность часто обнимать ребенка и говорить ему, что любишь его, то многим мужчинам сложно даются такие и подобные действия, так как они связывают их с женственностью, а социализация учила их избегать любых проявлений женственности. В результате многие люди подрастают, оставаясь в неведении, любили ли их отцы по-настоящему или нет.

Максим Костенко

Основная цель нашего исследования заключается в том, чтобы структурировать фундаментальную логику развития концепций отцовства в течение последних десятилетий, выявив индикаторы эмоциональной теплоты, проследить, как менялось отношение к практикам вовлеченного отцовства. Кроме того, важно ответить на вопрос, как изучение феномена вовлеченного отцовства способствовало легитимации концепта «отцовская любовь» в современном социологическом дискурсе? Эмпирическую базу исследования составляют результаты качественного социологического опроса, проведенного методом фокус-группы ($n = 38$, выборка целевая), позволившего ответить на вопрос, как именно современные отцы, рефлексировав по поводу неопределенности внутрисемейных ролей в современном российском обществе, приходят к осознанию важности «отцовской любви»?

Отцовство, нормы (fatherhood) и практики (fathering) мужского генеративного поведения изучаются в контексте мужских исследований (men's studies) как одного из направлений социальных наук в последней четверти XX столетия. Изначально междисциплинарное исследование отцовства исходило из пробле-

матизации участия мужчин в воспитании детей, делая акцент на значимости таких родительских компетенций, как включенность, доступность и ответственность [Pleck 2012, 243]. Предполагалось, что развитие в мужчинах чувства ответственности за благополучие своего ребенка, выражающегося в заботе о его нуждах, непосредственное взаимодействие с ним в повседневных делах, включая игры и необходимый уход, а также открытость (доступность) отца для ребенка в те моменты, когда ребенок действительно в нем нуждается, представляют собой необходимый и достаточный базис для успешного выполнения мужчиной своей отцовской роли. На основании именно таких убеждений формировалась в 80-е гг. XX в. концепция отцовской вовлеченности (the construct of paternal involvement), предложенная такими учеными, как Джозеф Плек, Майкл Лэмб, Джеймс Левайн и Эрик Чарнов [Lamb et al. 1985; Pleck, Lamb, Levine, 1985; Pleck 1987]. Однако дальнейшие исследования феномена отцовской вовлеченности привели к выводу о том, что увеличения количества времени, проведенного отцом во взаимодействии с ребенком, а также возрастания сознания ответственности по отношению к его благополучию еще недостаточно для достижения ощутимого положительного эффекта. Джозеф Плек в своих более поздних статьях, подводя итоги развития концепции отцовской вовлеченности, отмечал, что в процессе исследований стал очевидным тот факт, что указанные выше характеристики отцовского поведения способны оказать положительное влияние на развитие ребенка только в том случае, если они будут сопряжены с эмоциональной открытостью и теплотой [Pleck 2012, 249]. Отсутствие эмоциональной теплоты во взаимодействии с ребенком, таким образом,

было признано отрицательным фактором отцовского поведения.

На данном этапе эмоциональная теплота рассматривалась как значимая ценность без отсылки к такому важному культурному корреляту как любовь. До некоторых пор это обстоятельство не вызывало вопросов, хотя очевидно, что, если бы речь шла об эмоциональной теплоте в отношениях между матерью и ее ребенком, понятие «любовь» присутствовало бы в таком дискурсе изначально. Это обстоятельство стало предметом особого интереса примерно через 10 лет после описанного выше замечания Джозефа Плека – в исследовании румынского социолога Александры Махт. В своей замечательной работе 2020 г. «Отцовство и любовь. Социальное конструирование мужских эмоций» А. Махт обращает внимание на то, что употребление в контексте отцовских исследований концепта «эмоциональная теплота» вместо понятия «любовь» не является случайным. Дело в том, что в научном дискурсе (в том числе и социологическом), так же, как и в обыденном словоупотреблении, «любовь» рассматривалась ранее и продолжает рассматриваться в современности как эмоция феминизированная. Именно по этой причине и общественные дискуссии, и социологические исследования допускают рассуждения о так называемой романтической любви или любви материнской, но выражение «отцовская любовь» до последнего времени представляло собой недопустимый («антинаучный») оксюморон. А. Махт характеризует такой подход как «социологически близорукий» [Macht 2020, 13], опирающийся на устоявшиеся и в научном плане недостоверные стереотипы. Классический эссенциальный дискурс поддерживает представление об эмоциональной сдержанности и закрытости мужчин в противовес «естественной» женской эмоциональности. Такое распределение «эмоциональности» между полами, с точки зрения А. Махт, является идеологически ангажированным, поскольку символически удерживает мужественность в контексте дискурса доминирования, предполагающего отстраненный и авторитарный стиль поведения, а следовательно, его нерефлексивная поддержка препятствует развитию и внедрению в социальное пространство концепта отцовской

вовлеченности. В конечном итоге именно освобождение научного подхода от оптики доминирования (в контексте описываемой ситуации от фемининных коннотаций любви) должно способствовать приближению к пониманию новой реальности, воплощающейся в современных практиках вовлеченного отцовства, и корректной ее концептуализации. Отцовство, согласно А. Махт, не представляет собой социальную роль в традиционном значении некоторого образа, который человек принимает в процессе социализации и затем транслирует в неизменном виде в течение всей своей жизни. Отцовство – это динамичный процесс «делания» или «становления», в котором реализуется мужская эмоциональность, дрейфующая от власти (доминирования) к любви и обратно [Macht 2020, 19, 146]. Поэтому стремление к поддержанию (и отражению) современных социальных трансформаций отцовства в контексте актуального научного дискурса должно способствовать нормализации концепта «отцовская любовь» как обладающего значительным эвристическим потенциалом. «Отцовская любовь» должна быть, наконец, принята всерьез, должна быть включена в научный дискурс.

Необходимо отметить также, что вовлеченное отцовство и его проблемы за последние десятилетия стали предметом специального изучения и среди представителей российского научного сообщества [Безрукова 2012; Борисенко 2018; Звонарева 2019; Кон 2009; Подкладова 2016; Рождественская 2010; Шевченко 2010; Янак 2018]. В контексте развития этого направления социальных наук применительно к российскому обществу исследователи фиксируют некоторую противоречивую ситуацию. С одной стороны, общемировая тенденция, связанная с плюрализацией мужских и отцовских практик, фиксируется и в российском обществе. Благодаря этому обстоятельству исследователи могут утверждать, что в российском обществе, так же, как и в мире в целом, наблюдается некоторый «сдвиг» в сторону практик вовлеченного отцовства, а также постепенное дистанцирование от традиционных стилей отстраненного и авторитарного отцовства [Рождественская 2020, 170; Безрукова, Самойлова 2019, 104]. При этом специфика российского культурного

контекста связана с поддержанием образа традиционной маскулинности в социальном дискурсе, который применительно к пространству семейных отношений выражается в идеале отца, занятого в первую очередь реализацией функций дисциплинарного контроля, а также материального обеспечения. В результате российские мужчины сталкиваются с противоречащими друг другу социальными сигналами, порождающими растерянность и постоянную неудовлетворенность собственной ролью мужчины и отца, поскольку критерии успешности в этом вопросе (в отличие, например, от критериев профессионального роста и материального благополучия) остаются непонятными большинству мужчин. Такая ситуация «культурного микса» провоцирует развитие следующего социального парадокса: «Отцов ждут, чтобы они одновременно обеспечивали семью, и много времени уделяли ребенку и жене, а это почти невозможно физически» [Шевченко 2021, 119; Безрукова, Самойлова 2019, 92]. В результате отцы, осознающие всю сложность своего положения, становятся более рефлексивными относительно природы мужественности и отцовской роли как таковой. Таким образом, в российском обществе значительная часть мужчин выходит на новый уровень осознанного отношения к отцовству именно вследствие ощущаемых в социальном контексте фундаментальных противоречий. При этом, как отмечают российские исследовательницы отцовства О.Н. Безрукова и В.А. Самойлова, именно у отцов, прошедших через серьезный опыт рефлексии над своей социальной ролью, формируется «собственный сценарий» отцовского поведения, для которого, как правило, характерно положительное отношение к таким аспектам отцовства, как любовь к детям и радость от общения и любви ребенка [Безрукова, Самойлова 2019, 99].

Таким образом, можно констатировать, что как зарубежные, так и российские исследования современных норм и практик отцовского поведения обращаются к понятию эмоциональной теплоты в отношениях между мужчиной и его детьми как одному из самых значимых компонентов становления вовлеченного стиля родительского поведения. И тем не менее концепт «отцовской

любви» остается маргинализированным вследствие фемининных коннотаций любви в научном (социологическом, социально-философском) и, более широко, социальном контексте.

Причины рассматриваемой ситуации должны быть осмыслены в более широкой социокультурной и социально-философской перспективе, тесно связанной со становлением категорий «мужественность» и «отцовство» в классическом философском дискурсе [Хитрук, Быков 2024а; Хитрук, Быков 2024б]. Именно указанная перспектива раскрывает метафизические причины бинаризации эмоциональной сферы в контексте рассуждения о противостоянии друг другу мужского начала как воплощения разумного и духовного аспекта реальности и женского начала как воплощения чувственного, телесного и, соответственно, эмоционального аспекта. Именно эти метафизические корни, уходящие вглубь интеллектуальной истории человечества, препятствуют легитимации мужской эмоциональности и «отцовской любви» в контексте современных исследований вовлеченного отцовства и, как следствие, именно они должны быть подвергнуты в современном социально-философском и социологическом дискурсе критическому переосмыслению. Это сложная задача для профессионалов, специалистов в данных областях знания, которая требует к себе серьезного отношения и может быть решена только благодаря последовательному внедрению концепта «отцовская любовь» в пространство научного дискурса как такового. Игнорирование указанной задачи создает риск не только в плане поддержки устаревших стереотипов, но и в плане отсутствия адекватного категориального инструментария для «схватывания» одного из самых значительных явлений, касающихся современной трансформации норм и практик отцовского поведения. Это явление заключается в утверждении концепта «отцовская любовь» в ненаучном, собственно социальном дискурсе, порожденном опытом рефлексии самих отцов, активно использующих понятие «любовь» для описания глубинной значимой связи с собственными детьми, связи, делающей опыт отцовства бесценной составляющей их личного «счастья»

даже в ситуации смысловой и ценностной неопределенности.

Исследование, в рамках которого стало очевидно, что понятие «любовь» уже довольно широко применяется мужчинами для описания глубины собственного опыта отцовства, было проведено в рамках проекта РНФ «“Вовлекающая отцов”»: теоретико-методологические основания преодоления феномена “отсутствующее отцовство” в современном российском обществе». Сам проект предполагал совмещение социально-философского и собственно социологического подходов к изучению норм и практик отцовства в современном российском обществе. Социологическая составляющая проекта выражалась в проведении исследования с применением качественной методологии, включая нарративные и полуструктурированные интервью с отцами разного возраста, а также фокус-групповое интервью. Всего в исследовании приняли участие 38 человек. Была использована неслучайная целевая выборка, при этом были учтены такие параметры, как количество детей, наличие или отсутствие супруги, нахождение в предразводном состоянии или в ситуации развода, нахождение респондента в первом или повторном браке, специфика профессиональной деятельности, социальный статус и уровень дохода. Основные результаты исследования касаются разработки теоретико-методологических оснований стратегии укрепления феномена вовлеченного отцовства в современном российском обществе. И одним из немаловажных аспектов указанных результатов для коллектива стало открытие значимости для самих отцов такого компонента их отцовского опыта, как «отцовская любовь».

Таким образом, необходимо выявить связь между ситуацией смысловой неопределенности относительно сути мужской и, соответственно, отцовской роли в современной социальной ситуации и повышением уровня осознанности, рефлексии относительно отцовской роли среди респондентов. Именно осознанность и рефлексия, в свою очередь, нередко приводят мужчин к применению концепта «отцовская любовь» в отношении глубинного эмоционального основания своей отцовской привязанности.

Проблема «размытости ролей»

Сегодня все перемешалось, как будто кто-то все смешивает.

Из интервью

Начнем с описания ситуации самой смысловой неопределенности, выражающейся в некоем «смешении» социальных ролей мужчин и женщин, которое фактически в опыте респондентов ставит под сомнение традиционалистские представления о доминирующем положении мужчин в семье и обществе. Данная ситуация в процессе исследования проявлялась постепенно. В самом начале процесса интервьюирования мужчины, как правило, проговаривают именно традиционалистские представления о различиях полов и только после того, как от витиеватых «абстракций» респонденты переходили к анализу собственного жизненного опыта, можно было оценить глубоко противоречивую ситуацию того «культурного микса», о котором уже говорилось выше и который образует собой конкретный жизненный контекст отцовских практик значительной части современных российских мужчин.

Так, например, в качестве ключевых характеристик мужской социальной роли респонденты приводили такие качества, как «сила», «контроль», «материальное обеспечение», «лидерство». При этом, переходя к анализу собственной жизненной ситуации, отцы признавались, что сами не являются примером реализации подобных качеств, особенно в сравнении с супругой.

У меня представление всегда о том, что мужчина все-таки это добытчик в семье. Добытчик, человек, который должен зарабатывать и обеспечивать свою семью. Но, как ни странно, у меня это не получается... Я вот перед нашим интервью думал, зная тему интервью, я думал о том, что если бы у меня жена не зарабатывала, то мы бы, наверное, на улице реально жили просто. Мы бы, наверное, реально жили на улице просто без жилья и ни на что бы денег не хватало. Поэтому в этом плане я, как отец, не очень реализованный (м., 40 л., воспитывает троих детей, во втором браке).

Мужчина это в первую очередь человек, который ведет за собой. Это как в жизни, так и в

семье. Недавно ребенок мне задал вопрос такой: «Пап, а почему, когда мы выходим, ты забираешь все пакеты у мамы?» Либо это не мама, бабушка, ну, любая женщина, которая рядом со мной идет, я всегда забираю все тяжелое. Я ему говорю: «Сынок, потому что **по природе мужчина сильный, девушка слабая...** У меня жена – **очень сильный человек**, я бы даже сказал, во многих местах **она сильнее меня** даже, то есть она очень хороший руководитель, она большой пост занимает, как бы, руководит примерно таким же количеством людей, как и я. То есть конкурент такой довольно сильный... Мы договариваемся просто-напросто, везде и всюду, где у нас недопонимание, мы всегда договариваемся, и она принимает такую позицию, что мужчина должен быть сильный, она замужем, для нее это важно, она именно так и говорит, я замужем, то есть, она за мной, понимаешь? И ей это удобно. Она тоже девочка, хотя сильная» (м., 39 л., предприниматель, двое детей, во втором браке).

Указанная неопределенность в большой степени касается и эмоциональной сферы. В начале интервью, отвечая на вопрос о том, чем именно мужчины отличаются от женщин, большинство респондентов приводили в пример эмоциональность как отличительную черту именно женского пола, в то время как для мужчин характерны рассудительность и эмоциональная сдержанность.

Женщина она более эмоциональная, и какие бы решения она ни принимала, на первую очередь, на первый план выходят эмоции. Мужчина, как бы, может эти эмоции маленько сдерживать... (из фокус-группового интервью).

Однако, как только респонденты переходили к иллюстрации этого «очевидного» и «естественного», с их точки зрения, различия, абстрактная определенность тут же сменялась сложностью и неопределенностью конкретного жизненного опыта. В первую очередь образ женщины как эмоционально несдержанной и «руководствующейся инстинктами» иррациональной особы «таял» в повествовании респондентов при описании организации быта в семье. Отцы указывали на то, что женщины проявляют исключительные организаторские способности при планировании семейного быта, учитывая множество факторов, «держа в голове» множество нюансов. Без такого рационального планирования, по признанию мужчин, семья попросту не могла бы существовать.

У нее каждый день ежедневный такой список из 15 пунктов, что надо сделать, у нее все четко, прям поминутно все расписано. Просто это мозг реального человека (из фокус-группового интервью).

*У нас жена все-таки это как-то больше забота, она заботится обо мне, о детях заботится, то есть самые элементарные какие-то покупки там, еще что-то, там очаг вот это вот создать. Да я не говорю, что она там у меня вечно там везде и всюду убирается и готовит. Нет, она мне практически не готовит, убирается у нас экономка, но **она это организует все**. То есть мне домой комфортно приходить, я прихожу с удовольствием, у меня создан очаг. Дети ее обожают, то есть **она четко знает**, когда кому выпить какую-то витаминку там или еще что то, когда я заболел, к примеру, я практически не люблю лекарства, она мне **четко график установит**, когда мне и что выпить надо, так же и с детьми (м., 39 л., во втором браке, предприниматель, воспитывает двоих детей).*

Таким образом, противоречивые представления мужчин о распределении ролей в семье могут быть выражены примерно следующим образом: все женщины слабые, но моя жена сильная; все женщины ведомые, но моя жена – лидер; все женщины эмоциональные, но моя жена рассудительна. Противостоящие друг другу элементы этой антиномии не могут быть сняты в сознании мужчин, как нам представляется, вследствие того, что первый элемент тесно связан с самим определением мужественности, которая традиционно понимается именно как характеристика превосходства. Если мужчина откажется от такой трактовки маскулинности, он рискует потерять саму смысловую основу собственной идентичности, поскольку других категориальных схем в его распоряжении попросту нет. В то же время, если он остановится только на поддержке традиционалистского дискурса мужского доминирования, то потеряет возможность выстраивать доверительные и нежные отношения с собственной супругой, в постоянном диалоге с которой, по признанию большинства респондентов, и осуществляется их семейная жизнь. Умение договариваться друг с другом, слушать друг друга, проявлять взаимную нежность мужчины признают основой своего личного и супружеского счастья. Поэтому именно дрейф между противоречивыми смыс-

лами мужественности и представляет тот самый «культурный микс», в котором реализуются мужчинами стратегии их мужского и в частности отцовского поведения.

Но если ты находишь свое, свою женщину, ты обретаешь бесценный клад... Если бы об этом рассказывали. Если бы об этом доносили, что в этом твоя реализация как мужчины, в этом настоящее счастье. Не исходя из неких нравственных норм или еще чего-то, а потому что это правда жизни такая (м., 53 г., предприниматель, отец 5 детей, состоит во втором браке).

Концепт «отцовской любви» как необходимый элемент преодоления «размытости ролей»

Отцовская любовь — это счастье, важный вид счастья.

Из интервью

Рассмотренные выше противоречия, таким образом, находят свое разрешение в сознании современных мужчин не столько теоретическим образом, сколько практическим путем, посредством интуитивного движения в сторону подлинного (то есть конкретно-жизненного, не отвлеченно-теоретического) «мужского счастья». И одной из основных составляющих этого движения является осознание значимости эмоционального измерения отношений между отцами и детьми, измерения, которое сами отцы обозначают выражением «отцовская любовь».

Подходя к описанию этой важнейшей компоненты отцовского опыта, хотелось бы избежать традиционного романтизированного контекста при употреблении понятия «любовь». «Отцовская любовь» вовсе не означает «восторженное» и «иррациональное» состояние, преобразующее сложный и противоречивый жизненный опыт, образно выражаясь, в безоблачную страну розовых единорогов. Напротив, будучи глубинным измерением жизненного опыта как такового, осознание значимости «отцовской любви» зачастую оказывается связано для мужчин со сложным путем становления отцом через разочарования, боль, отчаяние, тоску и разлуку (в последнем случае речь идет о переживаниях в си-

туации развода). В своих интервью некоторые отцы рассуждали о том, как их поверхностное ощущение «счастья» («крылья за спиной», «кайфово было») непосредственно после рождения первого ребенка постепенно по мере усложнения самой жизненной ситуации (развод, второй брак, появление третьего и более ребенка) преобразовывалось в ощущение усталости, безысходности, неудовлетворенности («ощущение мясорубки многолетнее», «жгучая боль», «распятие»). И уже эти тяжелые переживания заставляли задуматься и переосмыслить порой весь свой жизненный опыт, включая и опыт детства, отношения в родительской семье, что и приводило в итоге к пониманию важности эмоциональной сферы в детско-родительских отношениях, важности «отцовской любви».

В своих поисках, что такое человеческое счастье, что такое целостный человек, ну, если ты чуть-чуть в глубину идешь, опять же, возвращаешься, ну, ты приходишь к тому, что мы все родом из детства, и образ любящего отца, образ любящей матери, это то, что закладывает основу, ну, любого человека, целостного человека, не травмированного, реализованного в жизни, гармоничного, спокойного, наполненного (м., 53 г., предприниматель, отец 5 детей, состоит во втором браке).

Открывая, таким образом, для себя значение «отцовской любви», мужчины начинают стремиться к тому, чтобы сделать это открытие не только достоянием своей собственной семьи, но и достоянием своих родителей, отцов, которые зачастую, по воспоминаниям респондентов, в их детстве были слишком закрытыми эмоционально, «зажатыми», отстраненными, авторитарными, жестокими.

Мой отец, он очень далек был от идеального отца всегда — в моем детстве, в моем отрочестве, и только сейчас он начал раскрываться как дедушка, уже после появления внуков, то есть больше стал контактировать с этими детьми, реально уделять время им, потому что никогда времени не хватало, и по-настоящему стал раскрываться как отец, в том числе и для меня. Мой отец никогда не проявлялся в словах, вообще никогда, только сейчас я его раскрыл, и потихоньку раскрываю, раскрываю, раскрываю, и он научился обниматься, такого никогда не было. Он на прошлом дне рождения, вот так я его раскры-

вал потихоньку, даже на дне рождения у мамы он открыто сказал, что вот «я тебя люблю» (м., 40 л., воспитывает троих детей, состоит в браке).

Таким образом, именно любовь постепенно начинает осмысляться как ключ к обретению подлинного человеческого и в частности мужского (отцовского, сыновнего) счастья. Еще раз подчеркну, речь не о «бабочках в животе», но о глубине отношений, глубине жизни, «правде» жизни.

Все на любви строится, это основа. Ну а дальше, не знаю, стараться, стараться с каждым новым днем становиться, наверное, лучше, чем ты был еще вчера, это, по крайней мере, наверное, работает (м., 37 л., в браке, воспитывает двоих детей, индивидуальный предприниматель).

Интересно, что вместе с открытием важности эмоционального измерения отношений между отцами и детьми, многие мужчины приходят и к осознанию значимости тактильного проявления любви. Нежность, выражаемая в объятьях и прикосновениях, как важная составляющая мужской эмоциональной открытости без всякого сомнения должна быть отнесена к достижениям того социального и культурного «сдвига» в развитии норм и практик отцовского поведения, который в современной научной литературе принято называть «отцовской революцией». Сами отцы, рассуждая вне собственно научного контекста, понимают глубину и серьезность этого культурного «сдвига». Фактически этот процесс базируется на нарушении целого комплекса «табу», связанных с представлением о мужественности и отцовстве как категориях, предполагающих эмоциональную и тактильную отстраненность.

Вот я Милане, дочке младшей, рассказал, что она про деда спросила. Я говорю: «Вот смотри, когда дедушка твой был маленький, у него был папа, мой дедушка. И он был очень строгий, он никогда не обнимал твоего деда, не говорил ему, что он любит, и он, потом, когда вырос, он меня никогда не обнимал и тоже мне не говорил об этом». Я говорю: «Поэтому ты его обнимай и говори, что ты любишь, и ему этого не хватает». И она к нему подходит, обнимает деда и ему рассказывает: «Вот я теперь тебя буду обнимать» (м., 40 л., во втором браке, воспитывает троих детей).

Таким образом, для значительной части современных отцов становится очевидным тот факт, что любовь и нежность представляют собой фундамент детско-родительских отношений. Кроме того, отцы сами признают, что такое представление об отцовстве является достижением (открытием) именно их поколения, обретенным в результате серьезной и глубокой рефлексии относительно собственного жизненного опыта, а также опыта своих родителей. Это открытие должно, по их мнению, в итоге преобразить не только их собственный жизненный путь, но и повлиять на жизнь их детей, а также на жизнь их еще здравствующих родителей.

Я считаю, что я, ну это, конечно, субъективно, но я считаю, что я один из лучших отцов сейчас, потому что я уделяю много внимания детям и даю много любви, много общения, ну, как минимум, там, я много раз это делал, больше, чем мне давали в детстве (м., 40 л., воспитывает троих детей, состоит в браке).

Одной из серьезных проблем для отцов становится вопрос о том, как именно можно передать это открытие следующим поколениям. В процессе интервью респонденты нередко сетовали на то, что в современном российском обществе отсутствуют механизмы передачи такого рода опыта от одного поколения другому. Система образования, например, перегружает, по мнению отцов, ребенка самой разной информацией, оставляя при этом в стороне самое важное.

Мы в школе все знаем, блин, сороконожку, треножку, как там что отслаивается, спирт, все знаем. Но мы не знаем, как строить отношения. Мы не знаем ни черта про любовь, про чувства (м., 40 л., предприниматель, отец двоих детей).

Одним из выходов в этом отношении некоторые отцы признают формирование некой «мужской среды», где мужчины, обладающие «правильными» взглядами на жизнь, становятся примерами для представителей более младшего поколения, не воспитывая и поучая, но «вдохновляя» и «пробуждая» молодых мужчин перенимать у старших положительный опыт, выстраивать собственную жизнь, изначально ориентируясь не только на материальные блага и профессиональное со-

вершенство, но и на построение отношений, основанных на любви с родителями, супругой, детьми.

Отец должен передать умение любить, любить своих близких, свою семью, свою жену, своих родителей. Любовь это одно из очень важных качеств. Если, допустим, дети не видят любви в семье, как мать с отцом обнимаются, как они общаются, то есть именно этого душевного общения в семье, то они, на мой взгляд, как раз таки могут неполноценно расти. То есть, может быть даже это не родители, но хотя бы кто-то должен быть, бабушка, дедушка, любящие. То есть они должны испытывать любовь (м., 40 л., воспитывает троих детей, состоит в браке).

Заключение

Подводя итог исследованию норм и практик отцовского поведения в контексте осмысления концепта «отцовская любовь», можно сформулировать несколько значимых выводов:

1. «Отцовская любовь» представляет собой один из важнейших эффектов так называемой «отцовской революции», выражающейся в трансформации института отцовства в последней четверти XX – первой четверти XXI века. Как отмечала в своей установочной работе «Мужская сущность» знаменитая французская исследовательница мужественности Элизабет Бадентэр, смысл «отцовской революции» заключается в том, чтобы «произвести большие перемены для будущих поколений и принести новую мужественность, более разностороннюю и более тонкую, чем традиционная» [Бадентэр 1995, 289–290]. Тот опыт рефлексии, переосмысления детско-родительских отношений, который демонстрируют современные российские мужчины, выводит на первый план значимость эмоциональной открытости и теплоты как базиса выстраивания межличностных отношений в семье, в прямом смысле раскрывая ранее маргинализированные аспекты мужской идентичности, создавая более «тонкий» и «разносторонний» образ мужского и в частности отцовского поведения. Кроме того, вопреки распространенным в обществе и закрепленным в социальных науках стереотипам мужчины смело связывают эмоциональную теплоту и от-

крытость с понятием любви, трансформируя, таким образом, само смысловое поле отцовства, формировавшееся ранее в контексте биаризации эмоционального опыта и феминизации понятия «любовь».

2. «Отцовская любовь» представляет собой концепт, стремительно внедряющийся одновременно и в научный, и в социальный дискурс, можно наблюдать, как осознание значимости эмоционального аспекта отношений между отцами и детьми, с одной стороны, постепенно вызревало в рамках исследования феномена отцовской вовлеченности в контексте социальных наук при поддержке как зарубежных, так и российских исследователей мужественности и отцовства. С другой стороны, проведенное исследование показывает, как независимо от трансформаций в социальных науках осознание значимости «отцовской любви» формировалось в последние десятилетия и среди самих мужчин, которые, сталкиваясь в повседневном опыте смысловой неопределенности относительно понимания мужской и отцовской социальных ролей с необходимостью самостоятельного переосмысления опыта детско-родительских отношений, решительно обращаются к понятию «любви» для описания глубины своей эмоциональной связи с детьми, для описания своей надежды на мужское и отцовское счастье.

3. Указанные выше процессы, связанные с внедрением концепта «отцовская любовь» в социальный и научный дискурс последних десятилетий, происходят на фоне более сложного и глобального процесса распространения феномена «отсутствующего отцовства». Отечественная исследовательница И.С. Клецина определяет данное явление следующим образом: «“Отсутствующий отец” – это отец, который практически не включен в повседневную жизнь своего ребенка (детей) либо утратил контакт с детьми вследствие развода; другими словами, отсутствующий отец – это мужчина, не имеющий психологического или физического контакта со своими детьми» [Клецина 2009, 38]. Исследованию философских и социокультурных корней этого сложного феномена посвящено немало работ зарубежных и российских авторов. В смысловом ключе данная тенденция не может быть признана по-настоящему новым явлением, поскольку

ку продолжает и развивает традиционное представление об отстраненном и дистанцированном отцовстве, хотя и в новых социально-экономических условиях. Традиционно нацеленный на карьерный рост, профессиональное совершенствование и увеличение материального благосостояния мужчина отстраняется от взаимодействия с собственными детьми, от деятельного и вовлеченного участия в их жизни, не видит ценности эмоциональной связи с ними, кроме прочего и по той причине, что в его арсенале отсутствуют такого рода смысловые коннотации мужественности. Классическая бинарная полоролевая схема предполагает противопоставление мужественности как нацеленности на внесемейную самореализацию и эмоциональную отстраненность и женственности как воплощения «материнского инстинкта», эмоциональной открытости, нацеленно-

сти на внутрисемейную реализацию. Представляется, что сама по себе легитимация концепта «отцовская любовь» в пространстве современных социальных наук, постепенное и осознанное включение этого концепта в поле научных дискуссий могли бы оказать положительное влияние и на сдерживание тенденции «потери отца» в современном обществе. Таким образом, мог бы быть сформирован более корректный категориальный аппарат, отражающий актуальные трансформации норм и практик отцовского поведения. Концепт «отцовской любви», таким образом, помимо прочего, может выступать в качестве действенного ресурса, «расшатывающего» бинаризирующие эмоциональность категориальные схемы и дающего самим мужчинам возможность осмыслить и принять эмоциональную теплоту как одно из важнейших измерений собственной мужской судьбы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадентэр 1995 – Бадентэр Э. Мужская сущность. М.: Новости, 1995.
- Безрукова 2012 – Безрукова О.Н. Практики ответственного отцовства: «Папа-школа» и социальный капитал // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2012. № 3. С. 266–275.
- Безрукова, Самойлова 2019 – Безрукова О.Н. Самойлова В.А. «Папы по любви» и «папы поневоле», или Почему российские отцы не идут в отпуск по уходу за ребенком? // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 90–101.
- Борисенко 2018 – Борисенко Ю.В. Особенности ценностного отношения к отцовству детей вовлеченных и невовлеченных отцов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2018. Т. 24. С. 23–33.
- Звонарева 2019 – Звонарева А.Е. Теоретико-методологические основы исследования отцовских практик // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 2 (54). С. 127–134.
- Клецина 2009 – Клецина И.С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе. 2009. № 3 (52). С. 29–41.
- Кон 2009 – Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009.
- Подкладова 2016 – Подкладова Т.Д. Мужчина-отец в семье и обществе: вовлеченность vs. исключенность // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 1 (33). С. 107–112.
- Рождественская 2010 – Рождественская Е.Ю. Отцовство: либеральный тренд от «отца» к «папе»? // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 75–89.
- Рождественская 2020 – Рождественская Е.Ю. Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 155–185.
- Хитрук, Быков 2024а – Хитрук Е.Б., Быков Р.А. Отцовство Божественное и отцовство человеческое: социально-философские основания «отцовской революции» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 152–164. DOI: 10.17223/1998863X/81/14
- Хитрук, Быков 2024б – Хитрук Е.Б., Быков Р.А. Теоретико-методологические основания исследования отцовства // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 165–180. DOI: 10.17223/1998863X/79/15
- Шевченко 2010 – Шевченко И.О. Институт отцовства: актуальные проблемы в поле социологических исследований // Вестник РГТУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2010. № 3 (46). С. 278–286.

- Шевченко 2021 – Шевченко И.О. Тенденции и противоречия в развитии института отцовства в современной России / III Всерос. демограф. форум с междунар. участием: материалы форума, Москва, 3–4 декабря 2021 года. М.: Федер. науч.-исслед. социол. центр РАН, 2021. С. 117–120.
- Янак 2018 – Янак А.Л. Отцовская вовлеченность в семьях различных типов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 2 (50). С. 124–131.
- Lamb et al. 1985 – Lamb M.E., Pleck J.H., Charnov E.L., Levine J.A. Paternal Behavior in Humans // *American Zoologist*. 1985. № 25. P. 883–894.
- Macht 2020 – Macht A. *Fatherhood and Love. The Social Construction of Masculine Emotions*. Oxford. Palgrave Macmillan, 2020.
- Pleck 1987 – Pleck J.H. *American Fatherhood: A Historical Perspective* // *Changing Men: New Directions in Research on Men and Masculinity*. 1987. Newbury Park, CA: Sage. P. 83–97.
- Pleck, Lamb, Levine 1985 – Pleck J.H., Lamb M.E., Levine J.A. Facilitating Future Change in Men's Family Roles // *Marriage and Family Review*. 1985. № 9 (3–4). P. 11–16.
- Pleck 2012 – Pleck J.H. *Integrating Father Involvement in Parenting Research* // *Parenting: Science and Practice*. 2012. № 12 (2–3). P. 243–253.

REFERENCES

- Badentèr È., 1995. *The Male Identity*. Moscow, Novosti Publ.
- Bezrukova O.N., 2012. Practice of Responsible Fatherhood: “Daddy-School” and Social Capital. *Vestnik SPbGU. Seriya 12. Sociologiya*, no. 3, pp. 266–275.
- Bezrukova O.N. Samoylova V.A., 2019. “Eager Dads” and “Dads Against Their Will”, or Why Russian Dads Are Reluctant to Go on Parental Leave? *Sociologicheskiye issledovaniya*, no. 7, pp. 90–101.
- Borisenko Yu.V., 2018. Specificity of Value Attitude Towards Paternity of Children of Engaged and Non-Engaged Fathers. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psihologiya*, vol. 24, pp. 23–33.
- Zvonareva A.Ye., 2019. Theoretical and Methodological Foundations of Research into of Paternity Practices. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Socialnye nauki*, no. 2 (54), pp. 127–134.
- Kletsina I.S., 2009. Fatherhood in Analytical Approaches to the Study of Masculinity. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*, no. 3 (52), pp. 29–41.
- Kon I.S., 2009. *A Man in a Changing World*. Moscow, Vremya Publ.
- Podkladova T.D., 2016. The Man-Father in the Family and in the Society: Involvement vs. Exclusion. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, no. 1 (33), pp. 107–112.
- Rozhdestvenskaya Ye.Yu., 2010. Fatherhood: A Liberal Trend from “Father” to “Daddy”? *Sociologicheskij zhurnal*, no. 3, pp. 75–89.
- Rozhdestvenskaya Ye.Yu., 2020. Involved Fatherhood, Nurturing Masculinity. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i socialnye peremeny*, no. 5, pp. 155–185.
- Khitruk E.B., Bykov R.A., 2024a. Divine Fatherhood and Human Fatherhood: Socio-Philosophical Foundations of the “Paternal Revolution”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, no. 81, pp. 152–164. DOI: 10.17223/1998863X/81/14
- Khitruk E.B., Bykov R.A., 2024b. Theoretical and Methodological Foundations for the Study of Fatherhood. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, no. 79, pp. 165–180. DOI: 10.17223/1998863X/79/15
- Shevchenko I.O., 2010. Fatherhood: Actual Problems of Sociological Researches. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Iskuststvovedenie*, no. 3 (46), pp. 278–286.
- Shevchenko I.O., 2021. Trends and Contradictions in the Development of the Institution of Fatherhood in Modern Russia. *The 3rd All-Russian Demographic Forum with International Participation: Forum Materials, Moscow, December 3–4, 2021*. Moscow, Feder. nauch.-issled. sotsiol. tsentr RAN, pp. 117–120.
- Yanak A.L., 2018. Father Involvement in Different Types of Families. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Socialnye nauki*, no. 2 (50), pp. 124–131.
- Lamb M.E., Pleck J.H., Charnov E.L., Levine J.A., 1985. Paternal Behavior in Humans. *American Zoologist*, no. 25, pp. 883–894.
- Macht A., 2020. *Fatherhood and Love. The Social Construction of Masculine Emotions*. Oxford, Palgrave Macmillan.
- Pleck J.H., 1987. *American Fatherhood: A Historical Perspective. Changing Men: New Directions in Research on Men and Masculinity*. Newbury Park, CA, Sage, pp. 83–97.

Pleck J.H., Lamb M.E., Levine J.A., 1985. Facilitating Future Change in Men's Family Roles. *Marriage and Family Review*, no. 9 (3-4), pp. 11-16.

Pleck J.H., 2012. Integrating Father Involvement in Parenting Research. *Parenting: Science and Practice*, no. 12 (2-3), pp. 243-253.

Information About the Author

Ekaterina B. Khitruk, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Ontology, Theory of Knowledge and Social Philosophy, National Research Tomsk State University, Prosp. Lenina, 36, 634050 Tomsk, Russian Federation, lubomudreg@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2522-3070>

Информация об авторе

Екатерина Борисовна Хитрук, доктор философских наук, профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии, Национальный исследовательский Томский государственный университет, просп. Ленина, 36, 634050 г. Томск, Российская Федерация, lubomudreg@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2522-3070>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.4>

UDC 316.653:351.74

LBC 60.561.3-7

Submitted: 22.12.2025

Accepted: 10.02.2026

**PUBLIC TRUST AS A MANAGEMENT CONSTRUCT:
SYMBOLIC FUNCTIONS AND REAL EFFECTIVENESS
OF DEPARTMENTAL MONITORING
IN THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA**

Olga V. Zuyeva

Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to a critical analysis of departmental monitoring of public opinion in the Ministry of Internal Affairs of Russia. Based on comparative and discourse analysis of regulatory documents, as well as secondary analysis of departmental and independent sociological research data (from the All-Russian Center for the Study of Public Opinion and the Public Opinion Foundation), it is proved that the monitoring system functions primarily as a management construct with a dominant symbolic function. It has been established that the purpose of the system is to demonstrate formal accountability and create the appearance of taking into account the opinions of citizens rather than obtaining objective data for management decisions. Empirical data reveal a persistent discrepancy between high confidence rates in departmental reports (up to 90–95% at the regional level) and significantly lower estimates from independent studies. At the macro level, the VCIOM and FOM data, although more objective, capture a generalized, forced-loyalty attitude rather than a belief in the real effectiveness of the police. A set of systemic barriers has been identified that limit the real effectiveness of monitoring: organizational and personnel shortages (lack of full-time sociologists and data collection by non-core employees), methodological limitations of tools (superficial formulations that do not identify the causes of trust/distrust), and a managerial and cultural gap (focus on formal reporting rather than using data for decision-making). These problems lead to the ritualization of information collection and the systematic overestimation of indicators. The author concludes that the institutionalization of monitoring has not overcome the inherited focus on controlling public opinion. The symbolic function of demonstrating legitimacy prevails over the managerial one, which undermines trust as a real resource for the legitimacy of the police. In order to increase efficiency, measures are proposed related to the elimination of personnel shortages, overcoming methodological limitations and the formation of a management culture focused on the obtained sociological data.

Key words: public trust, police, Ministry of Internal Affairs of Russia, monitoring of public opinion, symbolic policy, management construct, legitimacy.

Citation. Zuyeva O.V. Public Trust as a Management Construct: Symbolic Functions and Real Effectiveness of Departmental Monitoring in the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Logos et Praxis*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 38-48. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.4>

УДК 316.653:351.74

ББК 60.561.3-7

Дата поступления статьи: 22.12.2025

Дата принятия статьи: 10.02.2026

**ОБЩЕСТВЕННОЕ ДОВЕРИЕ КАК УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ:
СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ И РЕАЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ
ВЕДОМСТВЕННОГО МОНИТОРИНГА В МВД РОССИИ**

Ольга Владимировна Зуева

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации им. А.Я. Сухарева,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В работе представлен критический анализ ведомственного мониторинга общественного мнения в МВД России. На основе компаративного и дискурс-анализа нормативных документов, а также вторичного анализа данных ведомственных и независимых социологических исследований (Всероссийский центр изучения общественного мнения, Фонд общественного мнения) выявлено, что система мониторинга функционирует преимущественно как управленческий конструкт с доминирующей символической функцией. Установлено, что целью системы является скорее демонстрация формальной подотчетности и создание видимости учета мнения граждан, чем получение объективных данных для управленческих решений. Эмпирические данные выявляют устойчивое расхождение между высокими показателями доверия в ведомственных отчетах (до 90–95 % на региональном уровне) и значительно более низкими оценками независимых исследований. На макроуровне данные ВЦИОМ и ФОМ, хотя и объективнее, фиксируют обобщенную, вынужденно-лояльную установку, а не веру в реальную эффективность полиции. Выявлен комплекс системных барьеров, ограничивающих реальную эффективность мониторинга: организационно-кадровый дефицит (отсутствие штатных социологов, сбор данных непрофильными сотрудниками), методологическая ограниченность инструментария (поверхностные формулировки, не выявляющие причины доверия / недоверия) и управленческо-культурный разрыв (ориентация на формальную отчетность, а не на использование данных для принятия решений). Эти проблемы приводят к ритуализации сбора информации и систематическому завышению показателей. Автор приходит к выводу, что институционализация мониторинга не преодолела унаследованную ориентацию на контроль над общественным мнением. Символическая функция демонстрации легитимности превалирует над управленческой, что подрывает доверие, как реальный ресурс легитимности полиции. Для повышения эффективности предлагаются меры, связанные с ликвидацией кадрового дефицита, преодолением методологических ограничений и формированием управленческой культуры, ориентированной на полученные социологические данные.

Ключевые слова: общественное доверие, полиция, МВД России, мониторинг общественного мнения, символическая политика, управленческий конструкт, легитимность.

Цитирование. Зуева О. В. Общественное доверие как управленческий конструкт: символические функции и реальная эффективность ведомственного мониторинга в МВД России // *Logos et Praxis*. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 38–48. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.4>

Введение

Современная парадигма функционирования правоохранительных органов претерпевает значительные изменения, смещая фокус с исключительно силовых и репрессивных функций в сторону сервисной модели, ориентированной на запросы граждан. В этом контексте общественное доверие перестает быть абстрактным понятием, трансформируется в ключевой ресурс легитимности и эффективности полиции. Как справедливо отмечают Хаф, Джексон и Бредфорд, «легитимность полиции – это валюта, без которой она не может функционировать в демократическом обществе» [Hough et al. web]. Именно доверие определяет готовность граждан к сотрудничеству, соблюдению закона и признанию авторитета правоохранителей. Принятие в 2011 г. Федерального закона «О полиции» [Федеральный закон от 07.02.2011... web] закрепило курс на качественные показатели оценки, среди которых ключевым стало общественное мнение.

В ответ на этот запрос в МВД России была создана разветвленная система мони-

торинга общественного мнения, институционализированная в соответствии с ключевыми приказами. Однако, несмотря на развитую нормативную базу и системно организуемые количественные исследования, практическая ценность получаемых данных и их влияние на управленческие решения остаются предметом дискуссий, а ведомственный мониторинг общественного мнения в МВД России в значительной степени функционирует как управленческий конструкт, выполняющий в первую очередь символические функции демонстрации подотчетности и обратной связи, в то время как его реальная эффективность в повышении доверия и легитимности полиции ограничена системными, организационными и методическими проблемами. Цель данной статьи – выявить институциональные и методические барьеры, приводящие к расхождению между официальными данными ведомственного мониторинга доверия к МВД России и результатами независимых социологических исследований.

Для достижения цели исследования был использован комплекс методов. Основу составил дискурс-анализ нормативных правовых

актов МВД России, который позволил охарактеризовать эволюцию официальных подходов к изучению общественного мнения и заложенные в них управленческие и символические смыслы. Компаративный анализ был использован для сопоставления данных ведомственного мониторинга с результатами исследований независимых социологических служб (ВЦИОМ, ФОМ) и данными, полученными российскими учеными. Эмпирическую базу исследования составили открытые данные ВЦИОМ и ФОМ за период 2018–2024 гг., а также данные, представленные в научных работах, посвященных оценке деятельности полиции. Критерием отбора эмпирического материала служили задачи исследования, направленные на измерение доверия к полиции и оценки ее эффективности. Для анализа были выбраны ключевые годы, характеризующие этапы институционализации мониторинга (2013 г. – введение вневедомственной оценки, 2016 г. – новый регламент мониторинга), а также современный период для оценки текущего состояния проблемы.

Теоретическая проработанность проблемы общественного доверия и ведомственного мониторинга в МВД России

Понятие доверия в социальных науках представляет собой сложный многогранный конструкт. Классические труды Н. Лумана [Luhmann 1979, 19] и П. Штомпки [Штомпка 2012, 12] определяют доверие как ключевой социальный механизм, функцией которого является снижение неопределенности во взаимодействиях между индивидами и социальными системами. Российский социолог Ю. Латов понимает доверие (особенно институциональное) как социальный капитал, который способствует стабильности, консолидации и субъективному благополучию и зависит от политико-экономического контекста и восприятия гражданами государственных институтов [Латов 2024]. Применительно к правоохранительной сфере доверие граждан выступает фундаментальным индикатором легитимности, базируясь на убежденности в справедливости, законности и эффективности действий полиции. По мнению Т. Тайлера, «до-

верие граждан – это не просто следствие эффективной работы полиции, а ее фундамент. Без доверия даже формально правильные действия могут не получить общественной поддержки и не привести к устойчивому правопорядку» [Tyler... web]. Т. Тайлер дает научное обоснование тому, что легитимность правоохранительных органов зависит от процедурной справедливости, коллективного участия, социальных ожиданий и доверия. Таким образом, укрепление доверия к полиции – это не просто «мягкая» социальная задача, а стратегический приоритет, напрямую влияющий на ее способность выполнять свои функции и поддерживать правопорядок [Tyler... web].

Исторический контекст России наложил глубокий отпечаток на саму парадигму изучения общественного мнения о власти. Как показывает исторический анализ, российская традиция формировалась в условиях перманентного напряжения между государством и формирующимся гражданским сознанием. В дореволюционный период мнение «низов» не рассматривалось как самостоятельная политическая сила, а в советскую эпоху утвердилась монополия партии на истину, что делало любую попытку измерить реальный уровень доверия прямым вызовом государственной идеологии [Туманов 2010]. Это наследие предопределило изначальную ориентацию соответствующих практик скорее на контроль над общественным мнением, нежели на диалог с ним.

Эволюция системы изучения общественного мнения в МВД России, демонстрирующая переход от закрытой ведомственной модели к гибридной, должна рассматриваться именно в этом ключе. Теоретической основой для ее анализа служат концепция символической политики и теория Пьера Бурдьё, согласно которым изучение общественного мнения зачастую используется не столько для получения объективных данных, сколько в качестве инструмента символической легитимации [Бурдьё 1993]. Сам факт проведения опросов создает для граждан иллюзию обратной связи и учета их позиции, которая может не подкрепляться реальными управленческими решениями.

Применительно к ведомственным исследованиям МВД России возникает феномен, который в теории институционального изомор-

физма М. Пауэлла и Д. Димаджо описывается как принудительный изоморфизм [DiMaggio, Powell... web]. Согласно их концепции, современные организации становятся более однородными не столько в результате конкурентной борьбы за эффективность, сколько под влиянием процессов принудительного изоморфизма, заставляющего их перенимать схожие структуры и практики.

В случае МВД России такой изоморфизм проявляется в заимствовании практики мониторинга общественного мнения. Это заимствование обусловлено не внутренней потребностью в данных для реформ, а «внешним давлением». Ведомство стремится соответствовать формальным ожиданиям и критериям вышестоящих инстанций, которые продвигают «диалог с обществом» и «обратную связь» как ключевые признаки современного государственного управления. Таким образом, движущей силой изменений выступает не поиск эффективности, а стремление к символической легитимации.

Этот процесс приводит к ритуализации проводимых исследований. Сам факт организации опросов создает для граждан иллюзию учета их позиции, которая может не подкрепляться реальными управленческими решениями. Исследования превращаются в церемониальный акт, призванный продемонстрировать правильность выбранного курса и обеспечить формальную отчетность. Как отмечают Димаджо и Пауэлл, подобные изменения, вызванные институциональным давлением, часто носят формальный характер и слабо связаны с техническими задачами и реальной эффективностью организации [DiMaggio, Powell... web].

В итоге, несмотря на видимую эволюцию от закрытой модели к гибридной, внедрение практики изучения общественного мнения в МВД России может служить наглядным примером того, как организация становится структурно более похожей на другие в своем поле, повышая свою формальную легитимность, но не обязательно совершая изменения в своей деятельности.

Таким образом, ведомственный мониторинг общественного доверия в МВД России может быть проанализирован в двух взаимосвязанных, но не всегда совпадающих плоскостях:

1. Реальная эффективность – мониторинг как инструмент обратной связи, диагностики

проблем и выработки конкретных управленческих решений.

2. Символическая функция – мониторинг как инструмент конструирования управленческой реальности, демонстрации легитимности и имитации деятельности, направленной на диалог с обществом.

Эмпирические результаты: институционализация и расхождение в данных

Институционализация ведомственного мониторинга общественного мнения в МВД России прошла сложный путь, характеризующийся как формальными достижениями, так и системными противоречиями. Начало этому процессу положила реорганизация Академии МВД России в 1992 г., в результате которой Всероссийский научно-исследовательский институт (ВНИИ) МВД России стал головным координатором формирования ведомственной системы изучения общественного мнения. Фундаментальную роль сыграло издание ряда приказов, создавших нормативную базу. Оправданной точкой стал приказ МВД России от 22 августа 1992 г. № 295 «Об организации изучения общественного мнения о деятельности органов внутренних дел» [Приказ МВД России от 22.08.1992...]. Он впервые на нормативном уровне предписывал организацию изучения общественного мнения в регионах. Кульминацией этого этапа стал приказ МВД России № 337 от 4 июня 1997 г. «О мерах по совершенствованию организации изучения общественного мнения о деятельности органов внутренних дел» [Приказ МВД России от 04.06.1997... web]. Им были заложены основы единой ведомственной системы, установлен порядок проведения мониторинга и обработки данных через территориальные информационные центры. Итоговыми целями, вытекающими из утвержденной приказом анкеты, являлись: количественная оценка уровня доверия, виктимизации и удовлетворенности; определение конкретных проблем в работе ОВД (например, непринятие заявлений, отсутствие обратной связи с заявителем); анализ причин, по которым люди избегают контакта с милицией, для разработки мер по повышению доверия; построение дифференцирован-

ного портрета различных социальных групп для адресной кадровой и информационной политики. Полученная информация использовалась для уточнения и стандартизации инструментария для будущих опросов, как того требовал приказ МВД России. Таким образом, анкета была комплексным инструментом, который позволял не просто измерить абстрактное «доверие», а получить детальную картину взаимодействия общества и правоохранительных органов, выявить системные проблемы и обосновать управленческие решения.

Однако к началу 2000-х гг. в этой, казалось бы, отлаженной системе проявились системные изъяны. Ключевой проблемой стала катастрофическая потеря достоверности данных. Возложение ответственности за проведение опросов на штабы территориальных органов и другие непрофильные подразделения, притом что результаты стали критерием оценки их деятельности, породило практику «приукрашивания» результатов [Ситковский, Борисов, Латов 2024]. Независимая экспертиза 2005 г. наглядно продемонстрировала колоссальное расхождение: по данным ОВД, деятельность милиции удовлетворяла 46 % населения, в то время как по данным Российской академии госслужбы – лишь 28 % [Ситковский, Борисов, Латов 2024]. Отсутствие организационного контроля, непригодность общероссийской методики для локального анализа и дефицит независимой экспертизы привели к глубокому кризису доверия к ведомственному мониторингу, что предопределило смену парадигмы.

Кардинальный поворот был ознаменован принятием приказа МВД России № 1246 от 30 декабря 2007 г. «О повышении эффективности изучения общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности ОВД Российской Федерации на основе использования вневедомственных источников социологической информации», который провозгласил переход к использованию вневедомственных источников социологической информации [Приказ МВД России от 30.12.2007... web]. Основной идеей стало привлечение профессиональных независимых служб – Всероссийский центр изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ) и Фонд общественного мнения (далее – ФОМ) – для обеспечения

объективности. Этот шаг позволил существенно повысить научно-методический уровень исследований. Работа по единой, тщательно проработанной методике, предоставляемой ВЦИОМ и ФОМ, обеспечила сопоставимость результатов в разных регионах и выявление общенациональных тенденций. Инструментарий стал более сложным и многогранным, фокусируясь не только на общих оценках, но и на глубоком анализе причин доверия / недоверия, виктимизации населения, оценке конкретных услуг и направлений деятельности полиции. Регламент приказа допускал использование как количественных (анкетирование), так и качественных методов (фокус-группы, экспертные интервью). Это давало возможность оперативно исследовать актуальные проблемы, такие как «Образ преступника», «Граждане и полиция: характер отношений», «Безопасность на транспорте» и многие другие. Результаты исследований стали более открытыми, поскольку аналитические материалы и обзоры размещались на официальном сайте МВД России, озвучивались на пресс-конференциях и использовались для информирования общественности.

Дальнейшая институционализация общественного мнения как управленческого конструкта была закреплена Федеральным законом «О полиции» [Федеральный закон от 07.02.2011... web], провозгласившим принцип «общественного доверия» ключевым, и приказом МВД России № 1040 от 31 декабря 2013 г. «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации». Последний ввел формальную «вневедомственную оценку» с весом 20 % в общую систему оценки деятельности территориальных органов. Данный акт можно рассматривать как формальную интеграцию социологических данных в управленческий цикл, создавшую институциональный канал для учета «голоса населения» [Приказ МВД России от 31.12.2013... web]. Однако закрепленное соотношение 80/20 в пользу ведомственных показателей изначально нивелировало потенциальное влияние общественного мнения на кадровые и управленческие решения. Кроме того, система столкнулась с методологическими рисками (зависимость от добросовестности подрядчиков),

проблемой агрегации разнородных показателей в единый индекс и их формальным использованием в отчетности.

Современный этап, регламентированный приказом МВД России № 777 от 1 декабря 2016 г. «Об организации постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности полиции» [Приказ МВД России от 01.12.2016... web], характеризуется формированием комплексной многоуровневой системы мониторинга. На общероссийском (макро-) уровне ключевую роль играют данные масштабных вневедомственных исследований, которые проводят независимые социологические центры, такие как ФОМ и ВЦИОМ, а также Федеральная служба охраны (ФСО), чьи закрытые отчеты, по мнению ряда экспертов, могут отличаться большей объективностью в силу их закрытого характера и ориентации на узководственные цели, что, однако, является точкой зрения, требующей дальнейшей верификации и не подкрепленной публичными сравнительными исследованиями. На региональном и местном (мезо- и микро-) уровнях исследования проводятся силами рабочих групп на базе образовательных учреждений МВД России и подразделениями территориальных органов МВД России. Именно здесь системные проблемы проявляются наиболее остро: организационная неразбериха, отсутствие четкого разграничения ответственности (к опросам могут привлекаться даже участковые уполномоченные полиции) и, как следствие, крайне низкая достоверность данных.

Несмотря на прогрессивную нормативную базу, эмпирические данные демонстрируют устойчивый и значительный разрыв между показателями, получаемыми из разных источников [Ситковский, Латов 2021]. Так, в 2023 г. ФОМ фиксировал уровень доверия к полиции на уровне 63 %, а ВЦИОМ сообщал о 68 % положительных оценок работы органов внутренних дел [Профессия: полицейский... web]. При этом лишь 43 % респондентов ФОМ считали, что полиция способна защитить их от преступников, что указывает на фундаментальный разрыв между обобщенным, часто вынужденно-лояльным «доверием – недоверием» и верой в реальную эффективность института [ФОМ. Работа полиции... web]. На региональном уровне этот разрыв приоб-

ретает драматический характер. Научные сотрудники НИЦ Академии управления МВД России констатируют, что ведомственные отчеты нередко демонстрируют статистически маловероятный уровень одобрения в 90–95 %, в то время как данные альтернативных источников, включая экспертные оценки и академические исследования, по тем же регионам оказываются существенно ниже [Латов, Ситковский, Костин 2021]. Это свидетельствует о том, что организационно-кадровые проблемы и ведомственная замкнутость на местах превращают сбор социологической информации в ритуал, ориентированный не на получение объективной обратной связи, а на формальное соответствие отчетным показателям. Таким образом, институционализация мониторинга, несмотря на все усилия, не преодолела ключевого противоречия. Декларируемый учет общественного мнения на практике зачастую остается символическим конструктом, маскирующим разрыв между управленческими решениями и реальными запросами населения.

Организационные и методические проблемы изучения общественного мнения

Несмотря на формальную институционализацию системы изучения общественного мнения в МВД России, ее практическая эффективность ограничивается комплексом взаимосвязанных организационных и методических проблем. Эти проблемы носят системный характер и воспроизводятся на различных уровнях управленческой иерархии.

Фундаментальным препятствием является организационно-кадровый дефицит. Несмотря на существующую нормативную базу, в структуре территориальных органов МВД России, как правило, отсутствуют штатные профессиональные социологи. В результате сбор данных возлагается на непрофильные подразделения – сотрудников пресс-служб, управлений по работе с личным составом или, в наиболее проблематичных случаях, на участковых уполномоченных полиции. Это приводит к грубым методологическим нарушениям. Опросы проводятся без обеспечения репрезентативности, выборки формируются

стихийно, а анкетирование зачастую осуществляется в обстоятельствах, полностью исключающих анонимность и добровольность участия. Подобная практика, когда опрос проводит сам участковый у вверенного ему населения, систематически завышает показатели доверия и создает у руководства искаженную, излишне оптимистичную картину, что в конечном итоге дискредитирует саму идею обратной связи с обществом.

Методологическая ограниченность исследовательского инструментария составляет вторую ключевую проблему. Применяемые на местах анкеты зачастую ориентированы на поверхностную констатацию, а не на глубокий анализ. Они фиксируют общее отношение к полиции («Доверяете ли вы полиции?»), но не выявляют причины, факторы и тенденции формирования этого доверия или недоверия. Отсутствуют блоки вопросов, направленные на оценку конкретных аспектов работы, связанные с личным опытом взаимодействия, восприятием процедурной справедливости (честности, уважительного отношения, беспристрастности), эффективностью реагирования на заявления граждан. Такой констатирующий подход не позволяет понять, какие именно действия или бездействие полиции сильнее всего влияют на общественное мнение. Следовательно, управленческие решения принимаются без достаточных аналитических оснований. При этом важно признать функциональное разделение труда. ВЦИОМ и ФОМ эффективны для измерения макропоказателей и отслеживания общих трендов, что является их прямой задачей. Их методики, безусловно, включают внутренние валидационные процедуры, направленные на минимизацию эффекта социальной желательности (например, использование косвенных вопросов, шкал-фильтров). Однако для глубокого анализа причин низкого доверия и разработки конкретных управленческих решений необходимы точечные качественные и специализированные количественные исследования, иницируемые самим ведомством. В настоящее время имеются наработки и предложения по совершенствованию методик изучения общественного мнения о деятельности полиции [Передня, Левкин 2019], изучив которые можно оптимизировать имеющиеся исследовательские подходы. Таким образом, ключе-

вой проблемой является системный пробел – отсутствие в МВД России собственной развитой системы глубоких, проблемно ориентированных исследований, а не только недостаток методик подрядчиков.

Эта проблема усугубляется на федеральном уровне, где, несмотря на более сложный и профессиональный инструментарий ведущих социологических служб, сохраняются существенные методические риски, а сами данные демонстрируют содержательные противоречия.

Так, методика ФОМ, обладая несомненными достоинствами (репрезентативность, многомерность, лонгитюдный характер), зачастую оперирует общими формулировками, провоцирующими поверхностные оценки. Например, вопрос «Как, по вашему мнению, работает сегодня полиция, как она справляется в целом со своими обязанностями?» без детализации по конкретным функциям (работа с заявлениями, расследования, патрулирование) не позволяет выявить узкие места [Восприятие профессии полицейского... web]. Это приводит к результатам, которые на первый взгляд выглядят парадоксально. Так, в 2023 г. ФОМ зафиксировал уровень доверия к полиции на отметке 63 %, однако лишь 43 % респондентов считали, что полиция способна защитить их от преступников [Работа полиции... web]. Данное расхождение указывает на фундаментальный разрыв между обобщенным, часто вынужденно-лояльным «доверием – недоверием» и верой в реальную эффективность института, который методология ФОМ фиксирует, но не всегда может до конца объяснить без дополнения качественными методами.

Аналогичные ограничения присущи и методике ВЦИОМ. Закрытый характер ключевого вопроса – «Скажите, пожалуйста, вы доверяете или не доверяете сотрудникам полиции вашего региона?» – и его общая формулировка усиливают эффект социальной желательности, особенно в отношении такого государственного института, как полиция. Индекс доверия, рассчитываемый как разница между положительными и отрицательными оценками, не включает ответы «затрудняюсь с ответом» и не показывает степень выраженности отношения, из-за чего картина оказывается упрощенной и усредненной. Хотя методика ВЦИОМ и предусматривает оцен-

ку дополнительных параметров, таких как престиж и доходность профессии (по 5-балльной шкале), она остается в рамках количественной парадигмы и не раскрывает причинно-следственные связи, стоящие за цифрами [Профессия: полицейский... web].

Таким образом, даже репрезентативные и методически выверенные опросы крупных центров, будучи ориентированы на отслеживание общих трендов, могут страдать от поверхностности формулировок и социальной желательности. Это приводит к тому, что получаемые данные, хотя и являются более объективными по сравнению с ведомственными отчетами, зачастую фиксируют скорее публично декларируемые установки, нежели глубинные мотивации и реальный опыт взаимодействия граждан с полицией. Данное обстоятельство необходимо учитывать при интерпретации официально объявляемых высоких показателей доверия и их использовании в управленческой практике.

Управленческо-культурный разрыв между сбором данных и их практическим использованием образует третью системную проблему. Зачастую работа с общественным мнением сводится к формальной отчетности («отчитаться о проведенных опросах») и информированию населения, а не к системному анализу для принятия кадровых, организационных или методических решений. Это свидетельствует о несформированности у части руководящего состава культуры использования социологических данных как инструмента управления. Данные воспринимаются не как руководство к действию, а как еще одна ведомственная статистика, которую нужно «представить в выгодном свете». Интеграция разнородных показателей в единый индекс, как это предписано приказом МВД России № 1040 от 31 декабря 2013 г. «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации» [Приказ МВД России от 31.12.2013... web], хотя и упрощает отчетность, но нивелирует значимые дисбалансы, скрывая за усредненной цифрой острые локальные проблемы.

Наконец, существует проблема функционального искажения, связанная с символической функцией мониторинга. В определенной степени изучение общественного мнения

используется не только (и не столько) для получения объективных данных, сколько в качестве инструмента символической политики. Сам факт проведения опросов демонстрирует гражданам, что их мнение якобы изучается и учитывается. Это создает иллюзию обратной связи и может использоваться как механизм легитимации, формируя у граждан ощущение причастности, не подкрепленное реальными изменениями. Особенно остро стоит проблема отсутствия специализированных и глубоких опросов среди потерпевших – той группы, чей опыт взаимодействия с полицией является наиболее релевантным и критичным для оценки качества ее работы.

Таким образом, организационные и методические проблемы образуют замкнутый круг: отсутствие кадровых социологов порождает некачественные данные, примитивный инструментарий не позволяет выявить причины проблем, а управленческая культура, ориентированная на отчетность, не стимулирует использовать даже те данные, которые имеются. Это приводит к тому, что потенциально мощный инструмент управления – ведомственный мониторинг общественного мнения – во многом сохраняет свою символическую функцию, будучи не в состоянии стать эффективным механизмом обратной связи и реального повышения доверия к полиции.

Заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать, что ведомственный мониторинг общественного мнения в МВД России функционирует в значительной степени как управленческий конструкт, реальная эффективность которого в повышении доверия и легитимности полиции ограничена системными проблемами, в то время как его символическая функция является доминирующей.

Достигнута и цель исследования – через призму символических функций выявлены ключевые институциональные и методические барьеры, приводящие к фундаментальному расхождению между официальными данными и реальным состоянием общественного доверия. Институционализация мониторинга, несмотря на прогрессивную нормативную базу и привлечение независимых социологических служб, не преодолела унаследованной

от советской эпохи ориентации на контроль над общественным мнением, а не на диалог с ним.

Эмпирические данные наглядно демонстрируют, что система страдает от внутренних противоречий. На макроуровне данные независимых служб (ВЦИОМ, ФОМ), хотя и являются более объективными, подвержены влиянию социальной желательности и отражают скорее обобщенную, вынужденно-лояльную установку, нежели веру в реальную эффективность полиции. На микроуровне, где происходит непосредственное взаимодействие с гражданами, сбор данных де-факто ритуализируется. Отсутствие профессиональных социологов, возложение этих функций на непрофильных сотрудников, включая участковых, и методологически несостоятельный инструментарий приводят к систематическому завышению показателей и созданию у руководства искаженной картины.

Таким образом, организационные и методические проблемы образуют порочный круг. Символическая функция мониторинга – демонстрация подотчетности и создание иллюзии обратной связи – превалирует над управленческой. Данные используются не столько для глубокого анализа и принятия решений, сколько для формальной отчетности и символической легитимации ведомственного курса. В результате мониторинг не становится эффективным каналом обратной связи, а доверие как реальный ресурс легитимности не накапливается, а подрывается сохраняющимся разрывом между декларациями и практикой.

Перспективы повышения реальной, а не символической, эффективности ведомственного мониторинга видятся в преодолении выявленных барьеров. Для этого необходима реализация конкретных мер:

1. Ликвидация организационно-кадрового дефицита, например, через создание независимых аналитических отделов при территориальных органах МВД России со штатом профессиональных социологов, ответственных за методологию, анализ и интерпретацию данных.

2. Преодоление методологической ограниченности за счет разработки и внедрения стандартизированного, но при этом гибкого исследовательского инструментария. В его состав целесообразно включить обязательный специализированный опрос потерпевших, а также регулярную внешнюю проверку качества региональных опросов, проводимую центральным аппаратом МВД России либо независимыми исследовательскими организациями.

3. Формирование управленческой культуры, ориентированной на данные, что предполагает введение в систему оценки территориальных органов не только индекса доверия, но и показателей, основанных на анализе жалоб и обращений граждан, а также данных о процедурной справедливости.

Только при таком системном подходе социологические данные станут восприниматься не как угроза или формальность, а как руководство к действию и ключевой ресурс для укрепления доверия и легитимности полиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурдые 1993 – Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
- Восприятие профессии полицейского... web – Восприятие профессии полицейского и оценка работы полиции // <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/15243>
- Латов 2024 – Латов Ю.В. Тренды изменения институционального доверия как социального капитала российского общества // Социологические исследования. 2024. № 11. С. 59–73.
- Латов, Ситковский, Костин 2021 – Латов Ю.В., Ситковский А.Л., Костин С.Г. Сравнение исследований общественного мнения о деятельности полиции на региональном уровне: ФСО versus МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 2 (58). С. 194–206.
- Передня, Левкин 2019 – Передня Д.Г., Левкин А.Е. Новый подход к исследованию общественного мнения о деятельности полиции // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 2. С. 158–166.
- Приказ МВД России от 22.08.1992... – Приказ МВД России от 22.08.1992 № 295 «Об организации изучения общественного мнения о деятельности органов внутренних дел» (утратил силу) // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств. 1993. № 1. С. 25–33.
- Приказ МВД России от 04.06.1997... web – Приказ МВД России от 04.06.1997 № 337 «О мерах по совершенствованию организации изучения общественного мнения о деятельности органов внутренних дел» (утратил силу) // <https://base.garant.ru/1350162>

- Приказ МВД России от 30.12.2007... – Приказ МВД России от 30.12.2007 № 1246 «О повышении эффективности изучения общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности ОВД Российской Федерации на основе использования вневедомственных источников социологической информации» (утратил силу) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2007. № 12. С. 34–45.
- Приказ МВД России от 31.12.2013... web – Приказ МВД России от 31.12.2013 № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации» // <https://docs.cntd.ru/document/499078939>
- Приказ МВД России от 01.12.2016... web – Приказ МВД России от 01.12.2016 № 777 (в ред. от 22.11.2022) «Об организации постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности полиции» // <https://media.mvd.ru/files/embed/4944197>
- Профессия: полицейский... web – Профессия: полицейский // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professija-policeiskii-1>
- Работа полиции... web – Работа полиции. Отношение к полицейским // <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14363>
- Ситковский, Борисов, Латов 2024 – Ситковский А.Л., Борисов А.В., Латов Ю.В. Отечественная полиция и милиция в зеркале общественного мнения: XVIII–XXI вв. М.: Проспект, 2024.
- Ситковский, Латов 2021 – Ситковский А.Л., Латов Ю.В. Парадоксы оценки российской полиции с помощью опросов общественного мнения // Социологические исследования. 2021. № 2. С. 49–56.
- Туманов 2010 – Туманов С.В., Гаспаров А.Т. К вопросу об изучении общественного мнения в России // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 3. С. 262–274.
- Федеральный закон от 07.02.2011... web – Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/32615>
- ФОМ. Работа полиции... web – ФОМ. Работа полиции. Отношение к полицейским // <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14363>
- Штомпка 2012 – Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012.
- DiMaggio, Powell web – DiMaggio P.J., Powell W.W. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields [American Sociological Review. 1983. Vol. 48, № 2. P. 147–160] // [http://www.iot.ntnu.no/innovation/norsi-pims-courses/harrison/DiMaggio%20&%20Powell%20\(1983\).PDF](http://www.iot.ntnu.no/innovation/norsi-pims-courses/harrison/DiMaggio%20&%20Powell%20(1983).PDF)
- Hough et al. web – Hough M., Jackson J., Bradford B., Myhill A., Quinton P. Procedural Justice, Trust and Institutional Legitimacy [Policing: A Journal of Policy and Practice. 2010] // <https://eprints.lse.ac.uk/27713/1/Procedural%20justice%20C%20trust%20and%20institutional%20legitimacy%20%28Isero%29.pdf>
- Luhmann 1979 – Luhmann N. Trust and Power. Chichester: John Wiley and Sons Inc., 1979.
- Tyler... web – Tyler T.R. Why People Obey the Law. Princeton: Princeton University Press, 2006 // https://www.researchgate.net/publication/220011500_Why_do_People_Obey_the_Law

REFERENCES

- Bourdieu P., 1993. *Sociology of Politics*. Moscow, Socio-Logos.
- Perception of the Police Profession and Evaluation of Police Performance. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/15243>
- Latov Yu.V., 2024. Trends in the Transformation of Institutional Trust as Social Capital of Russian Society. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 11, pp. 59–73.
- Latov Yu.V., Sitkovskiy A.L., Kostin S.G., 2021. Comparison of Regional Public Opinion Surveys on Police Performance: Federal Protective Service Versus Ministry of Internal Affairs of Russia. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*, no. 2 (58), pp. 194–206.
- Perednya D.G., Levkin A.E., 2019. A New Approach to the Study of Public Opinion on Police Performance. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya*, no. 2, pp. 158–166.
- Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of August 22, 1992 No. 295 “On the Organization of Studying Public Opinion on the Activities of Internal Affairs Bodies” (Repealed). *Byulleten normativnykh aktov ministerstv i vedomstv*, 1993, no. 1, pp. 25–33.
- Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of June 4, 1997 No. 337 “On Measures to Improve the Organization of Studying Public Opinion on the Activities of Internal Affairs Bodies” (Repealed). URL: <https://base.garant.ru/1350162>
- Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of December 30, 2007 No. 1246 “On Increasing the Effectiveness of Studying Public Opinion on Personal Security and Activities of Internal Affairs Bodies of the Russian

- Federation Using External Sociological Sources (Repealed)". *Byulleten normativnykh aktov federalnykh organov ispolnitelnoy vlasti*, 2007, no. 12, pp. 34-45.
- Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of December 31, 2013 No. 1040 "Issues of Evaluation of Activities of Territorial Bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation". URL: <https://docs.cntd.ru/document/499078939>
- Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of December 1, 2016 No. 777 (As Amended November 22, 2022) "On Organizing Continuous Monitoring of Public Opinion on Police Activity". URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/4944197>
- Profession: Police Officer. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professija-policeiskii-1>
- Police Work. Attitudes Toward Police Officers. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14363>
- Sitkovskiy A.L., Borisov A.V., Latov Yu.V., 2024. *Domestic Police and Militia in the Mirror of Public Opinion: 18th – 21st Centuries*. Moscow, Prospekt Publ.
- Sitkovskiy A.L., Latov Yu.V., 2021. Paradoxes of Assessing Russian Police Using Public Opinion Polls. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 2, pp. 49-56.
- Tumanov S.V., Gasparishvili A.T., 2010. On the Issue of Studying Public Opinion in Russia. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya*, no. 3, pp. 262-274.
- Federal Law of the Russian Federation No. 3-FZ of February 7, 2011 "On Police". URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/32615>
- FOM. Police Work. Attitudes Toward Police Officers. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14363>
- Sztompka P., 2012. *Trust: A Foundation of Society*. Moscow, Logos Publ.
- DiMaggio P.J., Powell W.W., 1983. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. *American Sociological Review*, vol. 48, no. 2, pp. 147-160. URL: [http://www.iot.ntnu.no/innovation/norsi-pims-courses/harrison/DiMaggio%20&%20Powell%20\(1983\).PDF](http://www.iot.ntnu.no/innovation/norsi-pims-courses/harrison/DiMaggio%20&%20Powell%20(1983).PDF)
- Hough M., Jackson J., Bradford B., Myhill A., Quinton P., 2010. Procedural Justice, Trust and Institutional Legitimacy. *Policing: A Journal of Policy and Practice*. URL: <https://eprints.lse.ac.uk/27713/1/Procedural%20justice%2C%20trust%20and%20institutional%20legitimacy%20%28Isero%29.pdf>
- Luhmann N., 1979. *Trust and Power*. Chichester, John Wiley and Sons Inc.
- Tyler T.R., 2006. *Why People Obey the Law*. Princeton, Princeton University Press. URL: https://www.researchgate.net/publication/220011500_Why_do_People_Obey_the_Law

Information About the Author

Olga V. Zuyeva, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Humanities and Social and Economic Disciplines, Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee, Vrubelya St, 12, 125080 Moscow, Russian Federation, olgazueva-l@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1727-7279>

Информация об авторе

Ольга Владимировна Зуева, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации им. А.Я. Сухарева, ул. Врубеля, 12, 125080 г. Москва, Российская Федерация, olgazueva-l@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1727-7279>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.5>

UDC 316.43+316.422.42+316.334.56
LBC 60.524+60.82

Submitted: 10.01.2026
Accepted: 10.02.2026

THE SOCIAL RESPONSIBILITY OF RUSSIAN COMPANIES IN THE CONTEXT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Natalia M. Lavrenyuk-Isaeva

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

Daniil D. Nikolaev

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

Abstract. The research focus of the article is a substantive analysis of the social responsibility of Russian companies in sustainable social development. The authors have shown that modern sustainable social development directly depends on the social responsibility of business. Employees of Russian companies demonstrate social responsibility, and a secondary analysis of the VCIOM data, "Business Social Responsibility: Monitoring," has been implemented to assess it. Based on a comparative analysis, conclusions are drawn about the dynamics of public opinion among Russians about business social responsibility as well as about the perception of business social responsibility by respondents who work in the commercial and public sectors. The social responsibility of Russian companies in sustainable social development is manifested in expanding the focus of business goals from making a profit to simultaneously implementing internal social policy towards employees and interacting with the external social environment. This shows sustainable social development. It is determined that the social responsibility of Russian companies develops asynchronously. Some companies are at the stage of indifference towards solving social issues, while others are at the stage of implementing active social practices aimed at companies inside and outside. It is shown that respondents associate the prospects for sustainable social development with the social responsibility of businessmen and with the institutional development of Russian business. It is concluded that commercial sector employees focus on the internal content of business responsibility (taking care of staff and increasing wages and working conditions), while public sector employees more often associate business social responsibility with external environmental impacts, providing social assistance to the public and paying taxes. The prospects for further research are related to the study of the impact of internal processes in Russian companies on the activity of social business practices in relation to local communities.

Key words: sustainable social development, Russian companies, employees, social responsibility, sustainable development goals.

Citation. Lavrenyuk-Isaeva N.M., Nikolaev D.D. The Social Responsibility of Russian Companies in the Context of Sustainable Development. *Logos et Praxis*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 49-59. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.5>

УДК 316.43+316.422.42+316.334.56
ББК 60.524+60.82

Дата поступления статьи: 10.01.2026
Дата принятия статьи: 10.02.2026

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Наталья Михайловна Лавренюк-Исаева

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация

Даниил Дмитриевич Николаев

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация

Аннотация. В исследовательском фокусе в статье предметно анализируется содержание и состояние социальной ответственности российских компаний в устойчивом социальном развитии. Авторы показали,

что современное устойчивое социальное развитие прямо зависит от социальной ответственности бизнеса. Социальную ответственность проявляют работники российских компаний, для ее оценки реализован вторичный анализ данных ВЦИОМ «Социальная ответственность бизнеса: мониторинг». На основе сравнительно-сопоставительного анализа сделаны выводы о динамике общественного мнения россиян о социальной ответственности бизнеса, а также о восприятии социальной ответственности бизнеса респондентами – работниками коммерческих предприятий и организаций бюджетной сферы. Социальная ответственность российских компаний в устойчивом социальном развитии проявляется в расширении фокуса целей бизнеса от извлечения прибыли к одновременной реализации внутренней социальной политики по отношению к работникам и взаимодействию с местными сообществами и целевыми группами по достижению ЦУР. Определено, что социальная ответственность российских компаний развивается асинхронно. Часть компаний находится на стадии индифферентного отношения к решению социальных вопросов, другая часть – на стадии реализации активных социальных практик, направленных внутрь и вовне компаний. Показано, что респонденты перспективы устойчивого социального развития связывают с социальной ответственностью бизнесменов и институциональным развитием российского бизнеса. Сделаны выводы о том, что работники коммерческих предприятий акцентируют внимание на внутреннем содержании ответственности бизнеса (заботе о персонале и повышении уровня оплаты и качества условий труда), а работники организаций бюджетной сферы чаще связывают социальную ответственность бизнеса с внешним воздействием на экологию, оказанием социальной помощи населению и с уплатой налогов. Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением влияния внутренних процессов в российских компаниях на активность социальных практик бизнеса в отношении местных сообществ.

Ключевые слова: устойчивое социальное развитие, российские компании, работники, социальная ответственность, цели устойчивого развития.

Цитирование. Лавренюк-Исаева Н. М., Николаев Д. Д. Социальная ответственность российских компаний в рамках концепции устойчивого развития // *Logos et Praxis*. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 49–59. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.5>

Постановка исследовательской задачи

Ход человеческой истории К. Поппер связывал с движением людей к определенным значимым для них целям [Поппер 1992]. Несмотря на декларацию Программой развития Организацией объединенных наций в 2015 г. семнадцати Целей устойчивого развития (далее – ЦУР) и работу по их достижению, в мире и России наблюдается общая неустойчивость в социальном развитии [Доклад web]. Эксперты отмечают, что сложившаяся модель развития и соответствующий характер производства и потребления не являются устойчивыми для развитых стран и не могут быть повторены бедными странами. Создание внешних стимулов для минимизации нагрузки на окружающую среду с целью сохранения богатств для будущих поколений станет эффективным при условии их интериоризации работниками организаций и предприятий.

Среди ЦУР пять имеют непосредственное социальное значение и направлены на достижение социальной устойчивости в развитии: повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах и голода, а также обеспечение продо-

вольственной безопасности, здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте; всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех; гендерного равенства и расширения прав и возможностей всех женщин и девочек. Остальные 12 ЦУР имеют в той или иной степени опосредованную, но социально значимую смысловую нагрузку. Ориентир одновременно на ряд целей осложняет деятельность и требует от участников особого ответственного поведения. Российские компании и экономически активное население участвуют в устойчивом социальном развитии с позиции своих представлений об ответственности. Поэтому поставленная цель – охарактеризовать социальную ответственность бизнеса на основе вторичного анализа данных ВЦИОМ «Социальная ответственность бизнеса: мониторинг» (2006–2023 гг.) в рамках концепции устойчивого развития.

Природа устойчивого социального развития на уровне компаний. Во Всемирной стратегии охраны природы (Международный союз охраны природы и природных ре-

сурсов, 1980) определено, что устойчивое развитие призвано обеспечить реальное улучшение качества жизни людей при сохранении природного многообразия для будущих поколений. Устойчивое человеческое развитие «означает одновременный экономический рост и справедливое распределение его результатов, которое восстанавливает окружающую среду, а не уничтожает ее, которое повышает ответственность людей, а не превращает их в бездушных исполнителей» [Бобылев (ред.) 2013, 16]. В качестве ключевого фактора эксперты выделили ответственность людей, в нашем случае, это ответственность, проявленная работниками российских компаний.

Устойчивое социальное развитие по достижению ЦУР через ответственность объясняет концепция А. Тойнби «Вызов – Ответ» (закон вызова и ответа). С этой позиции развитие цивилизации происходит через работу общества с вызовами, которые ставит перед ним окружающая среда [Тойнби 2002]. Социальная функция здесь связана с выработкой адекватных реакций на вызовы меньшинства, которое вовлекает остальных в работу с ними. На уровне компаний социальная функция проявляется в общих вопросах ответственного поведения руководителей по отношению к занятым и в общих социальных практиках, транслируемых во внешнюю среду.

Социальная ответственность компаний в логике корпоративной социальной ответственности и социализации бизнеса. С.К. Альтер предложила типологию предпринимательского спектра, в которую включила традиционные прибыльные предприятия, традиционные НКО, НКО с генерацией доходов; социальные предприятия, а также компании с практикой социальной ответственности [Alter 2007]. Такая типология позволяет социальную ответственность компаний конкретизировать через концепцию корпоративной социальной ответственности (далее – КСО). В сложной современной модели КСО в динамике отражаются мотивы бизнеса и формирование его социальных приоритетов от удовлетворения запросов акционеров до соблюдения интересов стейкхолдеров и общества в целом. В разных странах в развитии КСО ключевую роль играют либо государственные структуры, либо некоммерческие организации

[Habisch et al. 2004]. Эти различия обусловлены культурным и институциональным контекстом, уровнем общественного доверия и историческим опытом. В целом КСО выступает как объединяющая концепция, способная укреплять связи между экономикой, обществом и политикой, сохраняя при этом уважение к национальной специфике и разнообразию традиций.

М. Фридман еще в 1970 г. написал, что нет ответственности бизнеса, только у людей есть ответственность [Friedman 1970]. Развитие социальной ответственности у бизнесменов, руководителей и работников компаний ряд специалистов связывают с социализацией бизнеса. Однако также, как нет социальной ответственности бизнеса, нет и его социализации, но есть социализация занятых в компаниях людей. В широком понимании «...социализация есть наложение социальных паттернов на поведение» [Бергер П., Бергер Б., Коллинз 2004, 76]. Поведение работников компаний не исключение. Часть специалистов понимают социализацию бизнеса как комплекс общественных решений гуманитарного, социокультурного плана в социально-экономическом развитии [Синяева, Кузнецова 2012]. Эксперты McKinsey социализацию бизнеса рассматривают сквозь призму социальных технологий, которые позволяют перестраивать внутренние бизнес-процессы под влиянием внешних контрагентов для повышения ценности и производительности компаний [Chui et al. 2012]. С позиции историко-генетического подхода на основе динамики ценностей в ходе социализации бизнеса Ю.И. Трещевский, Л.М. Никитина, А.С. Свиридов выделили антисоциальный этап разрушения традиционных ценностей общества бизнесом, асоциальный – с четким обособлением ценностей бизнеса и интеграции ценностей различных общественных групп, где ценности бизнеса конкретизируются в зависимости от среды взаимодействия [Трещевский, Никитина, Свиридов 2014]. Г.И. Грекова, М.В. Киварина, А.Н. Макаревич практически поставили знак равенства между социализацией предпринимательства и развитием КСО [Грекова, Киварина 2017; Макаревич 2023, 147]. Специалисты считают, что компании в ходе социализации прошли эволюционный путь от социальной индифферентности предпринимательства до эк-

зогенной и эндогенной социальной ответственности предпринимательства [Грекова, Киварина 2017, 401]. А.Н. Макаревич охарактеризовала социализацию бизнеса через многообразие социальных практик путем их интенсификации. Этот процесс характеризуется ростом активности социального предпринимательства с дифференциацией примеров КСО, а также переплетением сфер ответственности в перекрестном взаимодействии участников социально-экономических процессов [Макаревич 2023, 146]. В целом дискуссионный термин «социализации бизнеса» связан с развитием социальной ответственности бизнеса. По мере становления бизнеса конкретизируются и усиливаются целенаправленность социализации, осознание и добровольное проявление бизнес-сообществом своей социальной ответственности. Она означает социальную благонамеренность и благотворительность бизнесменов, как внешнюю социальную практику, а также бережливое производство и потребление ресурсов. Участие предпринимателей в решении социальных проблем является показателем общественного развития. Как внутренняя социальная практика, социальная ответственность проявляется по отношению к занятым в компаниях.

С позиции институционального подхода, социализация бизнеса связана с удовлетворением социальных запросов на определенное качество товаров и услуг через приемлемые и повторяемые практики. Механизмы удовлетворения таких запросов предлагает социально-ответственный маркетинг. Ж.-Ж. Ламбен определил маркетинг как социальный процесс, направленный на удовлетворение потребностей и желаний людей и организаций путем обеспечения свободного конкурентного обмена товарами и услугами, представляющими ценность [Медведева 2013, 6]. С точки зрения потребителей, собственная лояльность к продуктам, брендам, производителям рассматривается в качестве гарантии предсказуемости качества жизни [Котлер, Ли 2008]. Распространение социально-этичного, ответственного маркетинга в бизнесе обусловлено процессом воспроизводства благ с дополнительной ценностью (стимулирование покупок товаров, произведенных социальными предпринимателями) и экологичными характеристиками (натуральные продукты, биоразлагаемая упаковка и пр.).

В Национальном стандарте «Социальная ответственность и устойчивое развитие» социальная ответственность определена как «ответственность организации за воздействие ее решений и деятельности на общество и окружающую среду через прозрачное и этическое поведение» [Социальная ответственность... 2023]. Таким образом, социальная ответственность компании стала инструментом для инноваций и конкурентоспособности для будущих поколений. Поэтому понимание социализации компаний как роста социальной ответственности работников, прозрачности деятельности путем предоставления нефинансовой отчетности и этичности в отношении использования природных ресурсов, сохранения качества жизни местных сообществ представляется целостным механизмом в устойчивом развитии. Наиболее корректно говорить о социальной ответственности занятых (работников) в компаниях. Поэтому проверим гипотезу о том, что суждения о социальной ответственности бизнеса в динамике покажут изменения в социализации бизнеса в России в целом, а расхождения в суждениях занятых на коммерческих предприятиях и в бюджетных организациях преимущественно будут обусловлены фактором их позиции изнутри и извне.

Материалы и методы

Для проверки гипотезы реализуем анализ вторичных данных социологических исследований ВЦИОМ «Социальная ответственность бизнеса: мониторинг» методом телефонного интервью в 2006, 2008, 2009 и 2023 гг. (далее – Мониторинг) [Социальная ответственность бизнеса web].

Анализ суждений целевой группы – респондентов из числа занятого населения – выполнен на основе открытых данных волны Мониторинга 2023 года. Выборку составили 1 600 респондентов в возрасте старше 18 лет. Для вторичного анализа был произведен отбор данных по типу занятости. Анализ реализован в отношении двух групп респондентов: 1) занятые на постоянной основе в коммерческом секторе (770 человек) и 2) занятые в бюджетной сфере (363 человека). Вторичный анализ данных Мониторинга реализован на ответах всех респондентов волн 2006, 2008, 2009

и 2023 гг. о том, является ли российский бизнес ответственным или нет, как бизнесмены расходуют средства на социальные цели, а также что им в этом мешает. Анализ суждений респондентов из числа занятых на коммерческих предприятиях и в бюджетных организациях о сути социальной ответственности бизнеса, о влиянии бизнеса на общество и окружающую среду реализован на фактологическом материале волны Мониторинга 2023 г. в связи с доступностью данных.

Основные результаты исследования

Феномен социальной ответственности бизнеса в целом и российских компаний в частности проявляется как в отношении его непосредственной деловой практики (честное отношение к сотрудникам, партнерам и государству), а также опосредованной, – связанной с дополнительными социальными обязательствами и активным участием в реализации проектов, направленных на благо людей и окружающей среды.

Восприятие россиянами социальной ответственности бизнеса зависит от таких факторов, как возраст, место проживания, уровень образования и материальное положение. Чаще

других склонны считать бизнес социально ответственным молодые респонденты 18–34 лет (65–57 % против 35 % среди лиц старше 60 лет), материально обеспеченные граждане (61 %) и жители сельской местности (49 %) [Социальная ответственность бизнеса web].

Оценка социальной ответственности российского бизнеса и барьеров для ее развития. В период с 2006 по 2023 г. количество положительных суждений о том, является ли российский бизнес социально ответственным («определенно да» и «скорее да») выросло с 29 % (в 2006 г.) до 44 % (к 2023 г.). Одновременно снизилась доля резко отрицательных ответов («определенно нет») с 25 % (2006 г.) до 13 % (2023 г.) (рис. 1). Следует заметить, что число затруднившихся дать оценку остается стабильным и составляет не менее 10 человек из ста.

За период с 2006 по 2023 г. восприятие российского бизнеса как социально ответственного изменилось в положительную сторону. В 2023 г. респонденты в равной мере оценили его как ответственный и как безответственный (по 44 %).

Суждения респондентов из числа занятых в бюджетных и коммерческих организациях, по данным опроса 2023 г., отличаются (рис. 2).

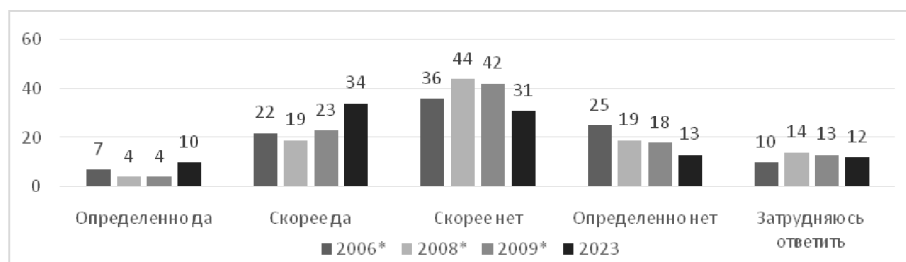

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Является ли в настоящее время российский бизнес социально ответственным или нет?», %

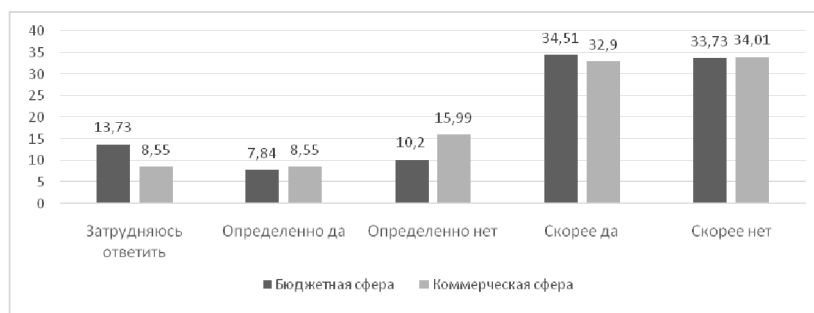

Рис. 2. Оценка социальной ответственности российского бизнеса работниками коммерческой и бюджетной сфер (2023 г.), %

В обеих группах респондентов преобладает скептическое отношение к социальной ответственности бизнеса. Совокупная доля ответов «скорее нет» и «определенно нет» составила около 50 % в период с 2008 по 2023 год.

Доля респондентов, которые считают социальные траты бизнеса рекламой, снизилась с 26 до 21 % (рис. 3). Выросла доля затруднившихся дать оценку с 13 % в 2008 г. до 22 % в 2023 году. В 2008 г. лидерами в суждениях были ответы о мотивах социально ответственного поведения бизнеса: «делают рекламу своему бизнесу» (1), «выполняют гражданский долг» (2) и «выслуживаются перед властями» (3).

В 2023 г. вариант «пытаются сделать страну лучше...» (2) вытеснил варианты «выполняют гражданский долг» и «выслуживаются перед властями» на 3-е место. Таким образом, оценка поведения бизнеса отражает мнение о российском бизнесе вообще, часть которого пытается сделать страну лучше, выполняет гражданский долг, что вызывает у респондентов признательность и благодарность. Другая часть респондентов считают, что российские бизнесмены выслуживаются перед властями и пытаются вернуть долги обществу, наконец, просто не знают, куда девать деньги. Каждый четвертый-пятый рес-

пондент уверен, что бизнесмены просто делают рекламу своему бизнесу. Это показывает, что существуют различные практики социально ответственного и социально безответственного поведения. Часть российских компаний находится на стадии индифферентного отношения к решению социальных вопросов, а другая – на стадии активных социальных практик, направленных внутрь и вовне компаний.

Главным препятствием для развития социальной ответственности бизнеса в 2023 г. (см. рис. 4) каждый четвертый респондент, занятый в бюджетной сфере, назвал отсутствие желания заниматься решением социальных вопросов, каждый пятый – коррупцию чиновников, а 16 человек из ста – эгоизм и жадность бизнесменов. Респонденты – работники коммерческих предприятий считают, что основные препятствия связаны с коррупцией чиновников, эгоизмом, жадностью и отсутствием мотивации у бизнесменов.

По мнению респондентов, препятствия институционального характера скорее вторичны и обусловлены несовершенством законодательства и отсутствием государственной системы поощрений. По мнению 11–12 респондентов из 100, преграды институционального характера тормозят участие бизнеса в социальных проектах. Работники коммерчес-

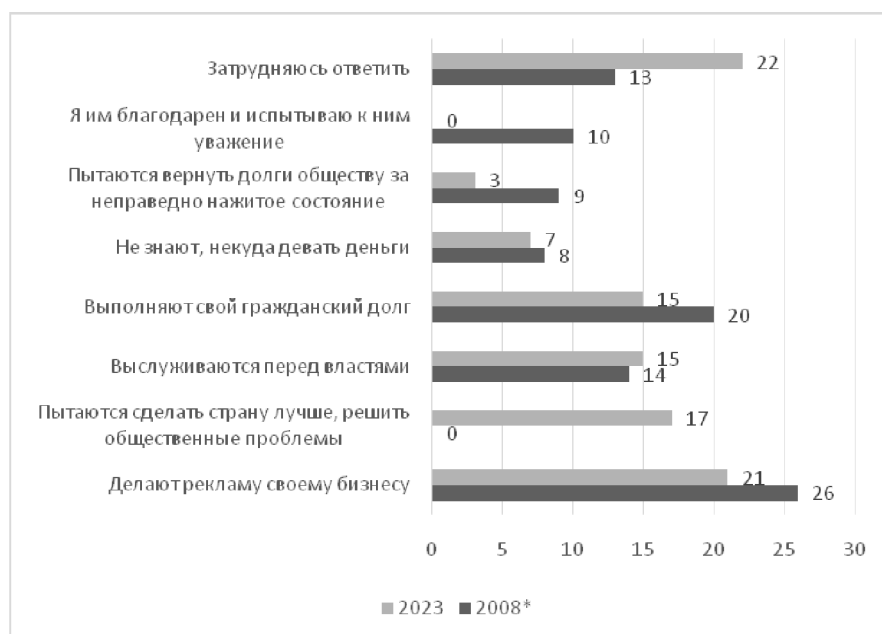

Рис. 3. Оценка поведения бизнесменов в расходовании средств на социальные цели, %

ких и бюджетных организаций едины во мнении, что наибольшие препятствия для участия в социальных инициативах связаны с коррупцией и бюрократией, с негативным опытом взаимодействия с государственными органами. Дефицит государственных поощрений и стимулов для бизнеса ограничивает его активное участие в решении социальных проблем с точки зрения респондентов – работников бюджетной сферы.

За 17 лет произошли изменения в объяснении пассивности бизнеса в проявлении социальной ответственности: от «внутренних» причин (жадность, эгоизм) к «внешним», институциональным барьерам (коррупция, бюрократия). Поэтому для повышения социальной ответственности компаний недостаточно нравственного роста бизнесменов, нужны институциональные изменения.

Барьером для социализации российских компаний может стать поведение респондентов из числа занятых, которые не задумывались о собственной и социальной ответственности предприятий и организаций, на которых работают. Высокой остается доля затрудняющихся ответить на вопросы о сущности социальной ответственности бизнеса. В бюджет-

ной сфере каждый пятый, а в коммерческой сфере каждый третий респондент не смогли дать четкую оценку (Мониторинг, 2023). Это указывает на сохранение высокого уровня неопределенности и на отсутствие достаточного понимания причин социального поведения бизнеса.

Респонденты из организаций бюджетной сферы склонны более критично воспринимать действия бизнесменов. Это может быть связано с высокими ожиданиями от социальной ответственности бизнеса. Работники коммерческих организаций ориентированы на восприятие реализации бизнесом социальных проектов как инструментов позиционирования и продвижения.

Анализ суждений респондентов о приоритетах социальной ответственности бизнеса. Анализ ответов респондентов из числа занятых об учете в деятельности организаций не только доходов, но и воздействия на социум и природу показал, что половина респондентов не смогли однозначно сформулировать, что такое социальная ответственность бизнеса. Понимание социальной ответственности чаще связано с такими социальными индикаторами, как «забота о сотрудниках»

Рис. 4. Оценка поведения бизнесменов в расходовании средств на социальные цели работниками коммерческой и бюджетной сферы, %

(11 %) и «помощь населению» (9 %), а также с экологическими индикаторами: «влияние на окружающую среду», «забота о природе», «уменьшение выбросов» по 10 %. Реже выбор респондентов был связан с такими идентификаторами социальной ответственности бизнеса, как «соблюдение законодательства», «качество продукта или услуги» и исполнение трудового кодекса в области официального трудоустройства и «белых» зарплат. Следует отметить, что среди работников организаций бюджетной сферы каждый третий респондент затруднился дать ответ на этот вопрос, а среди работников коммерческих компаний – каждый четвертый.

Отвечившие в целом демонстрируют невысокие запросы на развитие социальной ответственности бизнеса. Распределение суждений работников коммерческих предприятий и организаций бюджетной сферы о приоритетных направлениях социальной ответственности российского бизнеса приведено в таблице. На 1-м месте по приоритетности социальная защита работников. Так считают 12,1 и 9,64 % респондентов из числа занятых на коммерческих предприятиях и в бюджетных организациях соответственно. На 2-м месте забота о природе и влияние на окружающую среду (8,7 и 9,92 % соответственно). Остальные запросы менее актуальны, так как их выбрали не более 6,5 %.

Таким образом, работники коммерческих предприятий акцентируют внимание на внутреннем содержании ответственности бизнеса (заботе о персонале и повышении уровня оплаты и условий труда), а работники бюджетной сферы чаще связывают со-

циальную ответственность бизнеса с внешним воздействием на экологию, оказанием социальной помощи населению и с уплатой налогов.

Дискуссия

Полученные результаты коррелируют с результатами других исследований. По данным исследования Ассоциации менеджеров России (2003), проведенного совместно с Philip Morris International [Литовченко, Корсаков (ред.) 2003], большинство граждан (около 86 %) уверены, что демонстрация социальной ответственности выгодна компаниям. При этом уровень доверия к бизнесу остается низким. Каждый второй из числа опрошенных полагал, что заявления компаний о социальной ответственности несерьезные. Устойчивое социальное развитие российских компаний происходит под влиянием таких внешних факторов и условий, как высокий уровень теневой экономики, зависимость бизнеса от политической и административной среды, а также от ориентации многих компаний на краткосрочную экономическую выгоду. Данные обстоятельства осложняют развитие социальной ответственности российского бизнеса в целом и снижают потенциальную социальную результативность предлагаемых решений в русле достижения ЦУР.

Заключение

Российские компании сегодня трансформируются в направлении устойчивого социального развития. Это проявляется в расши-

Распределение ответов респондентов о приоритетных направлениях развития социальной ответственности российского бизнеса, %

№ п/п	Направление развития	Сфера занятости респондентов *	
		коммерческая	бюджетная
1	Социальная защита работников, забота о сотрудниках, поддержка, социальный пакет	12,10	9,64
2	Экологичность и влияние на окружающую среду, забота о природе, уменьшение выбросов	8,70	9,92
3	Повышение благосостояния работников, увеличение заработной платы	5,58	4,41
4	Уплата налогов, честно платить налоги	5,06	6,06
5	Приносить пользу обществу, развитие страны	4,81	6,34

Примечание. Источник: Данные Мониторинга 2023 года. * – сумма ответов респондентов не равна 100 %, так как направления представляют собой группы ответов на открытый вопрос.

рении фокуса целей бизнеса от извлечения прибыли к одновременному взаимодействию с внешним социальным окружением – местными сообществами. Изменения российских компаний в устойчивом социальном развитии напрямую связаны с ростом социальной ответственности, которая имеет моральную и институциональную природу. В России компании проявляют добровольную социальную активность и используют нормативные инструменты для усиления репутации.

Суждения целевой группы – респондентов из числа занятых – на основе открытых данных ВЦИОМ «Социальная ответственность бизнеса: мониторинг» показали, что основными барьерами для участия бизнеса в решении социальных проблем являются внутренние (жадность и эгоизм) и внешние причины (коррупция и бюрократия). Вместе с тем сохраняется высокий уровень скептицизма относительно мотивов бизнеса, а также слабое понимание концепции социальной ответственности. Для повышения социальной ответственности российских компаний необходимо не только нравственное развитие, но и институциональные изменения, направленные на устранение бюрократических и коррупционных барьеров.

Анализ показал, что респонденты – работники коммерческих предприятий и бюджетных организаций по-разному понимают и оценивают социальную ответственность бизнеса. В коммерческом секторе чаще акцентируют внимание на ответственности, направленной на внутренние преобразования компаний (заботе о сотрудниках и зарплате), тогда как в бюджетной сфере – на внешние прояв-

ления (экология, социальная помощь определенным категориям, уплата налогов). Доверие к социальной ответственности бизнеса невысоко, а ожидания смещаются в сторону необходимости институциональных изменений.

На этом фоне остаются актуальными и требуют дальнейшего обсуждения вопросы, связанные с пониманием содержания социальной ответственности бизнеса, а также факторов, формирующих недоверие к его мотивам. Важно также определить, как влияют на это внешние условия, такие как региональные особенности, информационная среда, а также внутренние условия в компаниях, связанные с социализацией работников, с их профессиональной принадлежностью, социальной зрелостью. Дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на более глубокое изучение восприятия социальной ответственности в разных социальных, профессиональных и возрастных группах. Особое внимание стоит уделить оценке эффективности конкретных социальных и экологических корпоративных инициатив, а также анализу влияния образования, медиа и государственной политики на формирование общественного мнения об устойчивом социальном развитии российских компаний. Кроме того, важно предметно исследовать институциональные барьеры и возможности для стимулирования участия бизнеса в решении социальных проблем разных целевых групп, помимо налоговых отчислений в бюджет. Комплексный подход позволит не только зафиксировать текущие настроения, но и будет способствовать формированию зрелой модели взаимодействия бизнеса и общества в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бергер П., Бергер Б., Коллинз 2004 – *Бергер П., Бергер Б., Коллинз Р.* Личностно-ориентированная социология. М.: Акад. Проект, 2004.
- Бобылев (ред.) 2013 – *Бобылев С.Н. (ред.).* Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г. М.: ООО «РА ИЛЬФ», 2013.
- Грекова, Киварина 2017 – *Грекова Г.И., Киварина М.В.* Социализация российской бизнес-среды: основные тенденции и перспективы // Экономика и предпринимательство. 2017. № 8-3 (85). С. 400–403.
- Доклад web – Доклад о Целях в области устойчивого развития. ООН. 2020 // <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/progress-report/>
- Котлер, Ли 2008 – *Котлер Ф., Ли Н.* Маркетинг для государственных и общественных организаций. СПб.: Питер, 2008.
- Литовченко, Корсаков (ред.) 2003 – *Литовченко С.Е., Корсаков М.И. (ред.).* Корпоративная социальная ответственность: общественные ожидания. Потребители, менеджеры, лидеры обществен-

- ного мнения и эксперты оценивают социальную роль бизнеса в России. М.: Ассоциация менеджеров, 2003.
- Макаревич 2023 – Макаревич А.Н. Социализация бизнеса: статус, необходимость или миссия // Международная научно-практическая конференция «ESG-факторы и технологии роста»: сб. докл. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2023. С. 146–149.
- Медведева 2013 – Медведева Т.П. Управленческий подход к пониманию сущности маркетинга: трактовка для руководителей предприятий // Практический маркетинг. 2013. № 5 (195). С. 4–10.
- Поппер 1992 – Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 1. Чары Платона. М.: Открытое общество «Феникс», 1992.
- Синяева, Кузнецова 2012 – Синяева И.М., Кузнецова Л.В. Маркетинговый подход к социализации бизнеса // Российское предпринимательство. 2012. Т. 13, № 4. С. 43–48.
- Социальная ответственность бизнеса web – Социальная ответственность бизнеса: мониторинг. ВЦИОМ // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-otvetstvennost-biznesa-monitoring>
- Социальная ответственность... 2023 – Социальная ответственность и устойчивое развитие: национальный стандарт Российской Федерации. ГОСТ Р 70643–2023. М.: Стандартиформ, 2023.
- Тойнби 2002 – Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Айрис Пресс, 2002.
- Трещевский, Никитина, Свиридов 2014 – Трещевский Ю.И., Никитина Л.М., Свиридов А.С. Социализация бизнеса: историко-генетический и теоретический анализ // Регион: системы, экономика, управление. 2014. № 1 (24). С. 35–42.
- Alter 2007 – Alter S.K. Social Enterprise Typology: Report. USA, Wilmington, Delaware: Virtue Ventures, 2007.
- Chui et al. 2012 – Chui M., Manyika J., Bughin J., Dobbs R., Roxburgh C., Sarrazin H., Sands G., Westergren M. The Social Economy: Unlocking Value and Productivity Through Social Technologies: Report. N. Y.: McKinsey Global Institute, 2012.
- Friedman 1970 – Friedman M. The Social Responsibility of Business Is to Increase Its Profits // The New York Times Magazine. September 13 // <http://www.colorado.edu/studentgroups/libertarians/issues/friedman-socresp-business.html>
- Habisch et al. 2004 – Habisch A., Wegner M., Schmidpeter R., Jonker J. Corporate Social Responsibility Across Europe. Berlin; Heidelberg: Springer, 2004.

REFERENCES

- Berger P., Berger B., Collins R., 2004. *Personality-Oriented Sociology*. Moscow, Akad. Proyeckt Publ.
- Bobylev S.N. (ed.), 2013. *Human Development in the Russian Federation for 2013 Report*. Moscow, ООО «RA ILF».
- Grekoa G.I., Kivarina M.V., 2017. Socialization of the Russian Business Environment: Main Trends and Prospects. *Ekonomika i predprinimatelstvo*, no. 8-3 (85), pp. 400-403.
- Sustainable Development Goals Report*. UN, 2020. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/progress-report/>
- Kotler F., Lee N., 2008. *Marketing for State and Public Organizations*. Saint Petersburg, Piter Publ.
- Litovchenko S.Ye., Korsakov M.I. (eds.), 2003. *Corporate Social Responsibility: Public Expectations. Consumers, Managers, Opinion Leaders, and Experts Assess the Social Role of Business in Russia*. Moscow, Assotsiatsiya menedzherov.
- Makarevich A.N., 2023. Socialization of Business: Status, Necessity or Mission. *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «ESG-factory i tekhnologii rosta»: sb. dokl.* Saint Petersburg, SPbGETU «LETI», pp. 146-149.
- Medvedeva T.P., 2013. A Managerial Approach to Understanding the Essence of Marketing: An Interpretation for Business Leaders. *Prakticheskii marketing*, no. 5 (195), pp. 4-10.
- Popper K., 1992. *The Open Society and Its Enemies: In 2 Vols. Vol. 1. The Charms of Plato*. Moscow, Otkrytoe obshchestvo «Feniks».
- Sinyayeva I.M., Kuznetsova L.V., 2012. Marketing Approach to Business Socialization. *Rossiiskoye predprinimatelstvo*, vol. 13, no. 4, pp. 43-48.
- Social Responsibility of Business: Monitoring*. VCIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-otvetstvennost-biznesa-monitoring>
- Social Responsibility and Sustainable Development: The National Standard of the Russian Federation*. GOST R 70643-2023, 2023. Moscow, Standartinform.
- Toynbee A.J., 2002. *Comprehension of History*. Moscow, Airis Press.

- Treshchevsky Yu.I., Nikitina L.M., Sviridov A.S., 2014. Socialization of Business: Historical, Genetic and Theoretical Analysis. *Region: sistema, ekonomika, upravleniye*, no. 1 (24), pp. 35-42.
- Alter S.K., 2007. *Social Enterprise Typology: Report*. USA, Wilmington, Delaware, Virtue Ventures.
- Chui M., Manyika J., Bughin J., Dobbs R., Roxburgh C., Sarrazin H., Sands G., Westergren M., 2012. *The Social Economy: Unlocking Value and Productivity Through Social Technologies: Report*. New York, McKinsey Global Institute.
- Friedman M., 1970. The Social Responsibility of Business Is to Increase Its Profits. *The New York Times Magazine*, September 13. URL: <http://www.colorado.edu/studentgroups/libertarians/issues/friedman-socresp-business.html>
- Habisch A., Wegner M., Schmidpeter R., Jonker J., 2004. *Corporate Social Responsibility Across Europe*. Berlin; Heidelberg, Springer.

Information About the Author

Natalia M. Lavrenyuk-Isaeva, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Deputy Director for Research at the Institute of Humanities and Social Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Z. Validi St, 32, 450072 Ufa, Russian Federation, nmlavr@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4843-4161>

Daniil D. Nikolaev, Postgraduate Student, Assistant Lecturer, Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Z. Validi St, 32, 450072 Ufa, Russian Federation, nikolaevdd09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1366-600X>

Информация об авторе

Наталья Михайловна Лавренюк-Исаева, кандидат социологических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Института гуманитарных и социальных наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью, Уфимский университет науки и технологий, ул. З. Валиди, 32, 450072 г. Уфа, Российская Федерация, nmlavr@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4843-4161>

Даниил Дмитриевич Николаев, аспирант, ассистент кафедры социологии и работы с молодежью, Уфимский университет науки и технологий, ул. З. Валиди, 32, 450072 г. Уфа, Российская Федерация, nikolaevdd09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1366-600X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.6>UDC 130.2:001(091)
LBC 87.25Submitted: 17.01.2026
Accepted: 10.02.2026**PHILOSOPHY OF SCIENCE AND BACKGROUND KNOWLEDGE****Sergey B. Kulikov**

Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation

Abstract. The article addresses the question about foundational premises that allow philosophy of science to be distinguished as a relatively independent field of research. The aim of the study is to reveal the potential for justifying philosophy of science as a specific form of theoretical consciousness, which is necessary for the critical analysis of the foundations of scientific knowledge. From this perspective, it becomes relevant to reach a generalizing level in the development of scientific methods and to clarify the internal logic of science, among other aspects. Using the method of comparative analysis in historical perspective, the main concepts of philosophy of science are compared – both as a complex of epistemological and methodological problems and as a sociocultural phenomenon. The historical stages in the formation of philosophy of science are analyzed, including its connections with cosmological and theological concepts. The diversity of approaches to defining the essence of philosophy of science is examined. This reflects a certain internal inconsistency within the field and complicates its interpretation as a distinct area of research. It is demonstrated that the emergence of philosophy of science as an autonomous discipline results from a complex interplay of historical, methodological, ontological, and systemic premises. The novelty of the research lies in substantiating the need for an interdisciplinary approach to identify a system of fundamental categories, specific for the philosophy of science. This system is presented in a systematic manner for the first time. It ensures theoretical coherence and conceptual clarity in the philosophy of science. It is shown that the system of categories of philosophy of science includes the scientific fact, law, paradigm, principle of falsification, etc. This enables one to distinguish philosophy of science from other philosophical disciplines. Finally, new challenges are identified – particularly those arising from the rapid development of digital technologies – with which philosophy of science must contend in contemporary conditions.

Key words: philosophy of science, foundational premises, categorical apparatus, methodological reflection, scientific rationality, post non-classical science.

Citation. Kulikov S.B. Philosophy of Science and Background Knowledge. *Logos et Praxis*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 60-69. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.6>

УДК 130.2:001(091)
ББК 87.25Дата поступления статьи: 17.01.2026
Дата принятия статьи: 10.02.2026**ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ПРЕДПОСЫЛОЧНОЕ ЗНАНИЕ****Сергей Борисович Куликов**

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о предпосылочном базисе выделения философии науки в относительно самостоятельную область исследований. Цель работы заключается в раскрытии возможности обоснования философии науки в качестве особой формы теоретического сознания, необходимой для критического анализа оснований научного знания. С этой точки зрения актуализируется выход на обобщаю-

щий уровень развития методов науки, прояснения внутренней логики научно-исследовательской деятельности и других аспектов. Методом сравнительного анализа в исторической перспективе сопоставлены основные концепции философии науки: как комплекса эпистемологических и методологических проблем и как социокультурного феномена. Проанализированы исторические этапы формирования философии науки, включая ее связь с космологическими и теологическими концепциями. Анализируется многообразие подходов к определению сущности философии науки. Оно отражает момент внутренней непоследовательности и затрудняет интерпретацию в качестве специфического направления исследований. Показано, что формирование философии науки как автономной дисциплины обусловлено сложным переплетением исторических, методологических, онтологических и системных предпосылок. Новизна исследования заключается в обосновании необходимости междисциплинарного подхода для выявления системы фундаментальных категорий, специфичных для философии науки. Такая система обеспечивает теоретическую целостность и концептуальную ясность философии науки. Показано, что в систему категорий входит научный факт, научный закон, парадигма, принцип фальсификации и др. Это позволяет отличить философию науки от других философских направлений. Раскрыты новые вызовы, в особенности со стороны бурного развития цифровых технологий, с которыми философия науки сталкивается в современных условиях.

Ключевые слова: философия науки, предпосылочный базис, категориальный аппарат, методологическая рефлексия, научная рациональность, постнеклассическая наука.

Цитирование. Куликов С. Б. Философия науки и предпосылочное знание // *Logos et Praxis*. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 60–69. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.6>

Введение

На протяжении последних столетий философия науки остается одной из наиболее динамичных и спорных областей философского знания. Предмет, статус и границы дисциплины до сих пор не имеют однозначного определения. В относительно самостоятельном виде она возникает во второй половине XIX – начале XX в., однако корни уходят глубоко в античную и средневековую философскую традицию. Современная философия науки включает в себя разнообразные направления: от логико-методологического анализа научных теорий до социокультурной интерпретации научной деятельности. Вместе с тем многообразие становится источником внутренней фрагментарности и теоретической нестабильности [Fuller 2002; Mitchell 2023].

Актуальность изучения предпосылочного базиса выделения философии науки как самостоятельной области знания обусловлена теоретическими и практическими соображениями. В современных условиях расхождение в подходах к пониманию побуждает видеть в ней (1) анализ научного метода и логической структуры теорий, (2) рефлексии условий возможности научного знания, (3) социологическое или историческое изучение науки как специфического института.

В то же время в рамках постнеклассической науки, где стираются границы между

наукой и техникой, возникает острая потребность в концептуальной ясности и методологической согласованности.

Цель статьи – обосновать относительную автономию философии науки как формы теоретического сознания через выявление ее историко-теоретических предпосылок. Для этого анализируются ключевые категории и традиции, лежащие в основе критического осмысления научного знания. При этом фокус рассмотрения преимущественно направлен на исторический контекст, а перспективы развития философии науки затрагиваются лишь в рамках итогового обсуждения.

Исследование выполнено на материале истории философии науки с применением методов исторического и сравнительного анализа.

Важно воспринимать философию науки в двух ракурсах: широком и узком.

В широком ракурсе философия науки охватывает любой вариант отнесения философских (онтологических, эпистемологических) интуиций к сфере достоверного знания. В этом смысле ее предпосылками выступает едва ли не вся история философии: от античных теорий истины до новоевропейских концепций познания.

Узкий ракурс трактует философию науки как специфический раздел философских исследований, сосредоточенный на законах и закономерностях развития науки. Его основания восходят к историко-научной программе

У. Уэвелла (Хьюэлл) [Whewell 1847], которая во многом опиралась на трансцендентальную эпистемологию И. Канта [Кант 1999], соотношенную с историей науки.

Эти подходы не противоречат друг другу, но требуют концептуального согласования, что открывает перспективы для углубленного понимания природы философии науки.

Таким образом, предмет данного исследования – поиск «среднего пути», который подразумевает не механическое совмещение позиций, а выработку новой оптики для понимания логики складывания философии науки как автономной дисциплины.

Статья включает три раздела, в которых (1) раскрывается многообразие подходов к философии науки в истории, (2) реконструируется система категорий, особенных для данного направления, (3) выделяются перспективы развития философии науки.

Многообразие подходов и проблема идентичности философии науки в истории

Современное понимание философии науки охватывает широкий спектр подходов. По основным акцентам их можно разделить следующим образом.

Во-первых, философия науки рассматривается как исследование эпистемологических и методологических проблем: научного метода, соответствия знания реальности, формирования научного мировоззрения и критериев научности (верификации, фальсификации и др.) [Брянник 2023].

Во-вторых, в рамках аналитической философии науки акцент делается на логическом анализе научного языка: изучении структуры научных утверждений, семантики теоретических терминов и формальной логики теорий [Витгенштейн 2018].

В-третьих, философия науки понимается как междисциплинарное исследование, включающее анализ социальных, этических, институциональных и образовательных аспектов науки [Гилберт, Малкей 1987; Гаврилина 2017].

В рамках альтернативных позиций (например, в археологии знания М. Фуко [Фуко 2004]) упомянутые подходы можно интерпре-

тировать как проявление доминирующих структур познания в рамках современной эпохи. Фуко показал, что научные подходы, которые считаются естественными, на самом деле продукты доминирующей эпистемы – исторически обусловленной структуры, определяющей, что может считаться знанием. В таком режиме развития знания нет места простому однообразию описываемых объектов; отдельные концепции науки – только варианты проявления базовой эпистемы.

Вместе с тем раскрывается глубокая противоречивость в понимании природы философии науки как реального образования. С одной стороны, дисциплина стремится к системности и теоретической завершенности, а с другой – сводится к фрагментарному анализу отдельных аспектов научной практики.

В условиях доминирования релятивистских установок, в рамках которых само место философии в науке под вопросом [Андреева 2016], не менее правомерен вопрос о возможности научного знания об изменяющихся, неустойчивых объектах – вплоть до интереса к тому, как вообще возможно научное знание и какую ценность оно может иметь. Этот вопрос указывает на кризис традиционных представлений об истине как соответствии теорий и реальности, что, в свою очередь, ставит под сомнение возможность обнаружить надежные основания самого философского понимания науки.

Формирование философии науки в качестве особой области знания не стало скачкообразным событием. Оно вызревало в рамках длительного исторического процесса.

Уже в античности философия выступала попыткой осмыслить теоретическую возможность и практическую осуществимость знания о мире и человеке в их «космической» взаимосвязи. В трудах Аристотеля [Аристотель 1978] закладываются основы логики, теории доказательства, выполняется первичная классификация наук.

В Средние века философия науки, хотя и не существовала как самостоятельная дисциплина, проявлялась в рамках богословия, где ключевым вопросом выступил анализ условий понимания божественного откровения. Но в таких условиях также вызревали принципы эмпиризма – большую роль

в этом сыграло распространение номиналистских воззрений.

В Новое время центр тяжести смещается: философы от Р. Декарта [Декарт 1989] и Дж. Локка [Локк 1985] до И. Канта [Кант 1999] и Г. Гегеля [Гегель 1970–1972] ставят вопрос об автономии человеческого разума и условиях возможности достоверного знания [Беркли 1978]. В частности, Кант в «Критике чистого разума» полагает возможным придать научный статус систематическому анализу априорных форм познания. Он закладывает основы трансцендентальной критики познания, которая позднее легла в основу методологической рефлексии в философии науки.

С конца XIX в. и особенно в XX столетии фокус меняется: под сомнением сама возможность универсальных и необходимых научных истин. Параллельно с историческим развитием науки формируется и ее философская рефлексия. Вклад Г. Фреге [Фреге 1968] и А. Тарского [Тарский 1948] в логико-методологический анализ научного знания позволил строго формализовать понятие истины и задать основания для анализа научных теорий как самостоятельного объекта.

Однако, несмотря на успехи формальной логики, стало очевидно, что научные теории не развиваются исключительно по логическим правилам. Работы И. Лакатоса [Лакатос 2008], Т. Куна [Кун 2003] и целого ряда других авторов показали историчность и относительность научных теорий, что стало поворотным моментом в понимании научного знания.

В ряде исследований представлены альтернативные подходы, расширяющие рамки традиционной философии науки. Авторы этих работ обосновывают тезис о том, что формы научного знания конституируются властными структурами и институциональными практиками. Выделение данных подходов позволяет провести более четкую демаркацию внешних границ философии науки.

Так, труды М. Хайдеггера [Хайдеггер 2007], Ж.-П. Сартра [Сартр 1993], равно как изыскания М. Фуко [Фуко 2004], указывают на необходимость интерпретации научной действительности в рамках более общих онтологических структур. Хайдеггер видел в науке инструмент «освоения мира», а Сартр – акт свободного выбора без метафизических га-

рантий. В итоге проясняется, что наука – это не просто система утверждений, а особый способ бытия человека в мире.

Но, несмотря на значительные достижения, остались дискуссионными многие вопросы. В частности, актуален вопрос о выявлении целостной системы фундаментальных категорий философии науки, раскрывающейся в ходе ее становления. Он до сих пор не выступает предметом специального исследования. Хотя в свете суждений Г.В. Черногорцевой, которая затрагивает сходную проблему в отношении всей философии [Черногорцева 2015], можно смело заявить, что без выявления системы категорий, специфичных для философии науки – научная теория, научный закон, парадигма, научно-исследовательская программа, фальсификация и другие, – статус дисциплины как самостоятельной области знания остается в достаточной мере условным.

Очерк системы категорий философии науки

Философия науки обладает собственным категориальным аппаратом, который необходимо отличать от понятийных систем смежных дисциплин – эпистемологии (более общей), социологии знания и истории науки (более конкретных). Однако систематизация этих категорий и их детальное осмысление выходят за рамки возможностей отдельной статьи: каждая из них способна стать предметом углубленного монографического исследования.

Как представляется, к решению задачи только подступаются современные авторы, выделяя проблематику в целом для философии [Черногорцева 2015], а также при соотношении категорий философии науки в разных контекстах: социальном, аналитическом, феноменологическом [Касавин 2016]. Но говорить о завершении пути здесь преждевременно.

Вместе с тем вполне реалистичным видится дать краткий очерк, чтобы, во-первых, вообще показать наличие упомянутых категорий, а, во-вторых, побудить коллег присоединиться к предложенному направлению исследований.

Итак, философия науки, вызревшая в течение столетий в самостоятельную область философского знания в XIX–XX вв., сформирова-

рвала особую систему категорий. Они позволили анализировать науку не в составе общей теории познания и не в виде социального института, а именно как уникальный философский феномен, способ рационального освоения мира, характеризуемый специфической логикой, структурой и динамикой.

В разработку системы категорий внесли вклад целый ряд ключевых мыслителей; их идеи легли в основу современного понимания науки.

Философия науки определяет свой *предмет*, исследуя науку как систематическую, рациональную и объективную форму знания, а также как практику объяснения и предсказания явлений. В рамках позитивистской программы О. Конт [Конт 2025] обосновывал автономию научного знания, противопоставляя его метафизике и религии. Его теория трех стадий – теологической, метафизической, позитивной – утверждала исключительность научного метода. Однако в системе Конта философия науки не выделялась в отдельную дисциплину. Она мыслилась как часть общей философской концепции. Данное обстоятельство имеет ключевое значение для понимания того, как складывалось представление о дисциплинарной самостоятельности философии науки, хотя углубленный анализ этого вопроса требует специального рассмотрения.

Центральное место в системе категорий философии науки занимает анализ *структуры научного знания*, включающего категории *научного факта, закона, модели и парадигмы*. Факт в науке – это не просто итог наблюдения, а идеализированное утверждение, сформулированное в рамках теории о чем-то свершившемся. Закон выражает устойчивую связь между явлениями (например, закон сохранения энергии). Теория суть целостная система понятий, законов и моделей, объясняющая определенный класс явлений.

Представленная категориальная система развивалась в рамках логического позитивизма, особенно в работах Венского кружка. Его члены стремились описать науку, как аксиоматическую систему, где теории выводятся из протокольных (эмпирических) предложений. Важную роль в анализе языка науки сыграли Р. Карнап [Карнап 2006] и, конечно же, Л. Витгенштейн [Витгенштейн 2018], чья

концепция «логического атомизма», сложившаяся в период работы над «Логико-философским трактатом», легла в основу идеи однозначного соответствия между языком и реальностью. И неважно, что сам Витгенштейн в «Философских исследованиях» от предложенной идеи отошел.

В ходе переосмысления закономерностей развития реальной науки большое значение приобрела категория *динамики научного развития*; ее радикально переосмыслил Т. Кун. В работе [Кун 2003] были введены ключевые понятия: *нормальная наука*, то есть период стабильного развития в рамках доминирующей *парадигмы*; *научная революция* или качественный скачок, связанный со сменой парадигмы; *аномалии* как факты, не укладывающиеся в существующую теорию и ведущие к кризису; и несоизмеримость теорий или невозможность полного перевода одной научной картины мира в термины другой. С этих позиций наука развивается не линейно, а через революционные перестройки, что изменило представление о научном прогрессе.

Методологические принципы науки также попали в поле философского анализа. К. Поппер предложил принцип *фальсификации* как критерий научности: теория считается научной, если она потенциально может быть опровергнута [Поппер 2004]. В противовес логическому позитивизму, настаивавшему на *верификации*, Поппер показал, что подтверждение не доказывает истинности, а вот опровержение – это решающий тест. Позже И. Лакатос разработал идею, введя понятие *научно-исследовательской программы*, состоящей из «жесткого ядра» и «защитного пояса» гипотез, что позволило объяснить устойчивость теорий перед аномалиями [Лакатос 2008].

Философия науки исследует *границы науки*, выясняя, что можно считать научным, а что таковым не является. Хотя вопрос, известный как проблема демаркации, был поставлен Поппером уже в начале XX в., дальнейшее развитие он получил во второй половине столетия в упомянутых трудах Куна, Лакатоса и работах М. Полани [Полани 1985]. Здесь же возникает осмысление соотношения научного и вненаучного – искусства, религии, мифа – как различных, но не иерархически упорядоченных форм освоения реальности.

Неотъемлемой частью является анализ *функций науки*: объяснительной, предсказательной, практической и мировоззренческой. Наука не только описывает мир, но и формирует понимание реальности, влияет на технологии и этику. Особенно остро этот вопрос встает в современных дискуссиях об ответственности ученого, что подчеркивалось еще в работах М. Вебера [Вебер 1990], а получило развитие в биоэтике и экологической философии едва ли не век спустя.

Наконец, философия науки выявляет не явные *онтологические и аксиологические предпосылки научной деятельности*: веру в причинность, объективность, рациональность и упорядоченность мира. Как показал Э. Мах [Мах 2005], эти допущения не являются логически необходимыми, но составляют основу научной деятельности – фундамент научного мировоззрения. Наука невозможна без веры в единство природы и познаваемость мира [Мамардашвили 2011; Гаспарян 2019; Орешников, Шкерина 2019]. Предпосылки не доказываются научно, но являются необходимыми условиями самой возможности научного знания.

В данном контексте отчетливо проявляется особая роль философии науки. Современная трактовка, представленная И.Т. Касавиным [Касавин 2016], отказывается от понимания философии науки как надстройки над наукой и обосновывает ее статус метанауки. В этом качестве она выполняет функцию экспликации логических, онтологических и методологических оснований научного предприятия.

Таким образом, система категорий философии науки формируется не искусственно, а как ответ на реальные проблемы научного знания: каковы его границы; как оно развивается; что делает теорию научной; как соотносятся теория и практика, разум и опыт, истина и парадигма. Вопросы не исчерпываются ни внутринаучным анализом, ни социологией, ни историей, а требуют философской рефлексии, «говорящей» на собственном языке.

Перспективы развития философии науки

Современная философия науки переживает этап глубокой трансформации. Наблюдается огромное количество исследований,

посвященных различным аспектам науки: от методов до этики научного сообщества [Тарский 1948; Кун 2003; Латур 2013]. Но, несмотря на насыщенность поля исследований, дисциплина сталкивается с рядом внутренних и внешних противоречий, решение которых открывает перспективы ее дальнейшего развития.

Во-первых, рост специализации приводит к фрагментации философии науки. Исследования по биологии, физике, социальным наукам, когнитивистике и техническим наукам все чаще ведутся в изоляции друг от друга. Это создает впечатление, что «наука» как единый объект анализа распадается на множество автономных «наук», каждая из которых требует собственной философской рефлексии. В результате теряется универсальность философского подхода и возникает риск превращения философии науки в набор узкоспециализированных дисциплин.

Во-вторых, доминирование социологического и исторического подходов (в русле работ Б. Латюра и Д. Блура) привело к смещению акцента с анализа логики научного знания на изучение научной практики как социального процесса. Безусловно, это обогатило философию науки, но породило и новую проблему: утрата критического потенциала. Если наука суть просто социальный договор, то чем руководствоваться в оценке ее истинности, рациональности, прогрессивности? Релятивизм, неизбежно вытекающий из радикального социального конструктивизма, ставит под сомнение саму возможность философского суждения о науке.

В-третьих, влияние постгуманизма и деконструкции в духе Ж. Делеза и Ж. Деррида ставит под вопрос саму идею рациональности как главной ценности науки [Делез, Гваттари 2010]. Философия науки рискует превратиться в вид литературного или культурологического комментария, теряет методологическую строгость и фундаментальную функцию – обоснование достоверности знания.

В-четвертых, влияние кибернетики и искусственного интеллекта, заложенное еще в работах Н. Винера [Винер 1968], сегодня приобретает новое измерение. Вопрос о том, может ли машина мыслить, заменяется более острым: может ли машина создавать научное знание? Это ставит под сомнение традиционные представления о субъекте науки, о твор-

ческой интуиции, о роли сознания в научном открытии. Как в таком случае понимать категорию «научного открытия» или «объяснения»? Новые вызовы требуют не просто адаптации старых категорий, но разработки новых.

Заключение

Философия науки переживает кризис идентичности, но остается необходимой и неотъемлемой частью научной культуры, хотя современный этап развития характеризуется явным парадоксом. Большое число исследований, посвященных различным аспектам науки, так и не ответили всерьез на вопрос о категориальной основе дисциплины, ограничиваясь преимущественно внешними компонентами динамики.

Разрыв проявляется в двух тенденциях. Первая из них – это редукционизм: философия науки сводится к социологии, психологии или лингвистике научного знания, как это характерно для работ западных исследователей, например, П. Фейерабенда [Фейерабэнд 1986]. Вторая тенденция показывает онтологический скачок: исследователь уходит в «чистую» онтологию или гносеологию, теряя связь с конкретной научной практикой. Такой путь хорошо прослеживается, например, в работе И.И. Блауберга и Э.Г. Юдина [Блауберг, Юдин 1973]. Синтез фундаментального и технологического знания осуществляется на высоком уровне абстракции, но с недостаточной привязкой к эмпирической реальности.

Как представляется, ключевой предпосылкой для выделения философии науки в самостоятельную область знания была и остается системная предпосылка: необходимость построения собственного категориального аппарата. Без него философия науки не сможет отличаться ни от других философских направлений, ни от смежных дисциплин.

Выявление упомянутой системы требует междисциплинарного подхода, объединяющего историко-философский анализ становления научного мышления; логико-методологическую рефлексию структуры научных теорий; онтологическую интерпретацию научной действительности; социокультурный контекст научной деятельности; наконец, анализ эволюции научной рациональности от классической к постнек-

лассической. В качестве последней предстает форма научного знания, в которой объект исследования неотделим от средств его конструирования, а научная рациональность включает ценностные и этические аспекты.

Комплексность подхода открывает перспективу преодоления фрагментарности в изучении философии науки и достижения ее целостного понимания как формы теоретического сознания. В идеале философия науки выполняет три ключевые функции: критическую (осмысление оснований науки), систематизирующую (упорядочивание ее концептуального аппарата) и предельную (выявление границ научного знания). Однако насколько эта нормативная модель соответствует реальному состоянию дисциплины?

Исторический полиморфизм эволюции философии науки, включая период предистории философии науки, то есть от античной онтологии через классическую эпистемологию к современной методологической и социальной рефлексии, единства не показывает. Но это необязательно плохо, ибо свидетельствует о способности адаптироваться к меняющимся условиям научного знания. И именно в условиях постнеклассической науки, где знание сливается с технологией, а технология оборачивается формой бытия, возрастает потребность в восстановлении фундаментальной роли философии науки.

Насущной необходимостью становится осознание автономности форм теоретического сознания, составляющего особую систему категорий, традиций и методов. «Парадигма», «фальсификация», «научная революция», «исследовательская программа» и многие другие, включая «научную рациональность», – все эти категории не являются производными от других дисциплин, ибо сформировались в ходе внутреннего развития философии науки.

Полноценное обретение автономного статуса способствует преодолению фрагментарности релятивизма и утраты критического потенциала. Только тогда философия науки сможет выполнять свою главную миссию: быть совестью науки, ее разумным началом, способным не только сопровождать научный прогресс, но и задавать ему этические и методологические границы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева 2016 – *Андреева О.С.* Возвращаясь к вопросу о научном статусе философии и ее месте в системе научного знания // *Universum: общественные науки.* 2016. № 12 (30). С. 35–40.
- Аристотель 1978 – *Аристотель.* Метафизика // *Аристотель. Сочинения.* М.: Мысль, 1978. Т. 1. С. 63–367.
- Беркли 1978 – *Беркли Дж.* Сочинения. М.: Мысль, 1978.
- Блауберг, Юдин 1973 – *Блауберг И.И., Юдин Э.Г.* Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973.
- Брянник 2023 – *Брянник Н.В.* Становление классической философии науки и эволюция ее форм // *Антиномии.* 2023. Т. 23, № 3. С. 42–61.
- Вебер 1990 – *Вебер М.* Наука как призвание и профессия // *Вебер М. Избранные произведения.* М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.
- Винер 1968 – *Винер Н.* Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. М.: Сов. радио, 1968.
- Витгенштейн 2018 – *Витгенштейн Л.* Логикофилософский трактат / пер. с нем. Л. Добросельского. М.: АСТ, 2018.
- Гаспарян 2019. – *Гаспарян Д.Э.* Необъективируемая природа сознания в трансцендентализме Мераба Мамардашвили // *Философия и общество.* 2019. № 3. С. 77–89.
- Гаврилина 2017. – *Гаврилина Е.А.* Эксперимент в социально-гуманитарном познании: становление и трансформация // *Философия науки и техники.* 2017. Т. 22, № 1. С. 30–45.
- Гегель 1970–1972 – *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. В 3 т. М.: Мысль, 1970–1972.
- Гилберт, Малкей 1987 – *Гилберт Д., Малкей М.* Открывая ящик Пандоры: Социологический анализ высказываний ученых. М.: Прогресс, 1987.
- Декарт 1989 – *Декарт Р.* Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // *Декарт Р. Сочинения.* М.: Мысль, 1989. С. 250–296.
- Делез, Гваттари 2010 – *Делез Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато: капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория. М.: Астрель, 2010.
- Карнап 2006 – *Карнап Р.* Философские основания физики. Введение в философию науки. М.: УРСС, 2006.
- Кант 1999 – *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Наука, 1999.
- Касавин 2016 – *Касавин И.Т.* Социальная философия науки и коллективная эпистемология. М.: Весь мир, 2016.
- Конт 2025 – *Конт О.* Курс положительной философии. В 6 т. / пер. с фр. С.Е. Савича. М.: ЕЕ Медиа, 2025.
- Кун 2003 – *Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
- Лакатос 2008 – *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // *Избранные произведения по философии и методологии науки.* М.: Акад. проект: Трикста, 2008. С. 281–474.
- Латур 2013 – *Латур Б.* Наука в действии: как следовать за учеными и инженерами в обществе. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2013.
- Локк 1985 – *Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении // *Сочинения.* В 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1985. С. 78–582.
- Мах 2005 – *Мах Э.* Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М.: Территория будущего, 2005.
- Мамардашвили 2011 – *Мамардашвили М.К.* Сознание и цивилизация. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2011.
- Орешников, Шкерина 2019 – *Орешников И.М., Шкерина Т.И.* Современная философия науки: предмет, круг проблем, концепции, гуманистический смысл и назначение // *История и педагогика естествознания.* 2019. № 2. С. 5–17.
- Полани 1985 – *Полани М.* Личностное знание: На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.
- Поппер 2004 – *Поппер К.Р.* Предположения и опровержения: Рост научного знания. М.: АСТ, 2004.
- Сартр 1993 – *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. М.: Республика, 1993.
- Тарский 1948 – *Тарский А.* Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М.: Изд-во иностр. лит., 1948.
- Фейерабенд 1986 – *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986.
- Фреге 1968 – *Фреге Г.* Логические исследования. М.: Республика, 1968.
- Фуко 2004 – *Фуко М.* Слова и вещи: археология гуманитарных наук. СПб.: Гуманит. акад.: Унив. кн., 2004.
- Хайдеггер 2007 – *Хайдеггер М.* Бытие и время. СПб.: Наука, 2007.
- Черногорцева 2015 – *Черногорцева Г.В.* Категории философии и науки в постижении мира и человека // *Гуманитарный вестник.* 2015. № 9 (35). С. 7.

- Fuller 2002 – Fuller S. The Changing Images of Unity and Disunity in the Philosophy of Science // Stamhuis I.H., Koetsier T., De Pater C., Van Helden A. (eds.). *The Changing Image of the Sciences*. Dordrecht: Springer, 2002. P. 37–152.
- Mitchell 2023 – Mitchell S.D. The Landscape of Integrative Pluralism // *Theoria. An International Journal for Theory, History and Foundations of Science*. 2023. Vol. 38, № 3. P. 261–297.
- Whewell 1847 – Whewell W. *The Philosophy of the Inductive Sciences, Founded upon Their History*. In 2 Vols. London: J.W. Parker, 1847.

REFERENCES

- Andreeva O.S., 2016. Returning to the Question of the Scientific Status of Philosophy and Its Place in the System of Scientific Knowledge. *Universum, Social Sciences*, no. 12 (30), pp. 35-40.
- Aristotle, 1978. *Metaphysics*. Aristotle. *Works*. Moscow, Mysl Publ., vol. 1, pp. 63-367.
- Berkeley G., 1978. *Works*. Moscow, Mysl Publ.
- Blauberger I.I., Yudin E.G., 1973. *The Formation and Essence of the Systemic Approach*. Moscow, Nauka Publ.
- Bryanyk N.V., 2023. The Formation of Classical Philosophy of Science and the Evolution of Its Forms. *Antinomies*, vol. 23, no. 3, pp. 42-61.
- Weber M., 1990. Science as a Vocation and a Profession. Weber M. *Selected Works*. Moscow, Progress Publ., pp. 707-735.
- Wiener N., 1968. *Cybernetics, or Control and Communication in the Animal and the Machine*. Moscow, Sovetskoye radio Publ.
- Wittgenstein L., 2018. *Tractatus Logico-Philosophicus*. Moscow, AST Publ.
- Gasparyan D.E., 2019. The Non-Objectifiable Nature of Consciousness in Merab Mamardashvili's Transcendentalism. *Philosophy and Society*, no. 3, pp. 77-89.
- Gavrilina E.A., 2017. Experiment in Social and Humanitarian Cognition: Development and Transformation. *Philosophy of Science and Technology*, vol. 22, no. 1, pp. 30-45.
- Hegel G.W.F., 1970–1972. *Science of Logic*. In 3 Vols. Moscow, Mysl Publ.
- Gilbert G., Mulkay M., 1987. *Opening Pandora's Box: A Sociological Analysis of Scientists' Discourse*. Moscow, Progress Publ.
- Descartes R., 1989. Discourse on Method, to Correctly Direct the Mind and Seek Truth in the Sciences. Descartes R. *Works*. Moscow, Mysl Publ., pp. 250-296.
- Deleuze G., Guattari F., 2010. *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. Yekaterinburg, U-Faktoriya Publ.; Moscow, Astrel Publ.
- Carnap R., 2006. *Philosophical Foundations of Physics: Introduction to the Philosophy of Science*. Moscow, URSS.
- Kant I., 1999. *Critique of Pure Reason*. Moscow, Nauka Publ.
- Kasavin I.T., 2016. *Social Philosophy of Science and Collective Epistemology*. Moscow, Ves Mir Publ.
- Comte A., 2025. *Course in Positive Philosophy*. In 6 Vols. Moscow, YeYe Media Publ.
- Kuhn T., 2003. *The Structure of Scientific Revolutions*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ.
- Lakatos I., 2008. Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes. *Selected Works on the Philosophy and Methodology of Science*. Moscow, Akad. proekt Publ.; Triksa Publ., pp. 281-474.
- Latour B., 2013. *Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society*. Saint Petersburg, Izd-vo Yevrop. un-ta v S.-Peterburge.
- Locke J., 1985. An Essay Concerning Human Understanding. *Works in Three Volumes*. Moscow, Mysl Publ., vol. 1, pp. 78-582.
- Mach E., 2005. *The Analysis of Sensations and the Relation of the Physical to the Psychological*. Moscow, Territoriya budushchego.
- Mamardashvili M.K., 2011. *Consciousness and Civilization*. Saint Petersburg, Azbuka Publ.; Azbuka-Attikus Publ.
- Oreshnikov I.M., Shkerina T.I., 2019. Modern Philosophy of Science: Subject, Range of Problems, Concepts, Humanistic Meaning and Purpose. *History and Pedagogy of Natural Science*, no. 2, pp. 5-17.
- Polani M., 1985. *Personal Knowledge. Towards a Post-Critical Philosophy*. Moscow, Progress Publ.
- Popper K.R., 2004. *Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge*. Moscow, AST Publ.
- Sartre J.-P., 1993. *Being and Nothingness*. Moscow, Respublika Publ.
- Tarski A., 1948. *Introduction to Logic and to the Methodology of Deductive Sciences*. Moscow, Izd-vo inostr. lit.
- Feyerabend P., 1986. *Selected Works on the Methodology of Science*. Moscow, Progress Publ.
- Frege G., 1968. *Logical Investigations*. Moscow, Respublika Publ.
- Foucault M., 2004. *The Order of Things: Archaeology of the Human Sciences*. Saint Petersburg, Gumanit. akad.; Univ. kn. Publ.

- Heidegger M., 2007. *Being and Time*. Saint Petersburg, Nauka Publ.
- Chernogortseva G. V., 2015. Categories of Philosophy and Science in the Understanding of the World and Human Being. *Humanitarian Bulletin*, no. 9 (35), p. 7.
- Fuller S., 2002. The Changing Images of Unity and Disunity in the Philosophy of Science. Stamhuis I.H., Koetsier T., De Pater C., Van Helden A. (eds.) *The Changing Image of the Sciences*. Dordrecht, Springer, pp. 37-152.
- Mitchell S.D., 2023. The Landscape of Integrative Pluralism. *Theoria. An International Journal for Theory, History and Foundations of Science*, vol. 38, no. 3, pp. 261-297.
- Whewell W., 1847. *The Philosophy of the Inductive Sciences, Founded upon Their History. In 2 Vols.* London, J.W. Parker.

Information About the Author

Sergey B. Kulikov, Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor, Professor, Department of Philosophy, Media and Journalism, Tyumen State University, Volodarskogo St, 6, 625003 Tyumen, Russian Federation, s.b.kulikov@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0913-9290>

Информация об авторе

Сергей Борисович Куликов, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, медиа и журналистики, Тюменский государственный университет, ул. Володарского, 6, 625003 г. Тюмень, Российская Федерация, s.b.kulikov@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0913-9290>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.7>

UDC 1:81'22

LBC 87.3+87.4

Submitted: 10.12.2025

Accepted: 10.02.2026

LANGUAGE AS ILLNESS AND THERAPY: NIETZSCHE AND WITTGENSTEIN THROUGH THE LENS OF THE PARATEXT

Sergey V. Sakhnevich

Institute of Business Career, Moscow, Russian Federation

Abstract. A comparative analysis of the philosophical systems of Friedrich Nietzsche and Ludwig Wittgenstein at the level of their canonical, “system-forming” texts reveals an apparently unbridgeable gap: the irrationalist, aphoristic pathos of the former is radically opposed to the analytical rigor and logical purism of the latter. However, this study, drawing on Gérard Genette’s theory of the paratext, demonstrates that behind this obvious doctrinal opposition lies a profound unity of their fundamental philosophical intentions. Shifting the research focus from the central textual core to the paratextual periphery – prefaces, drafts, diary entries, epistolary heritage, and the very aphoristic forms – makes it possible to reconstruct a common existential and methodological stance shared by both thinkers. The analysis shows that, despite the radical difference in methodological paths (Nietzsche’s concept of language as the “breath of the body” and an affective discharge of the “will to power” is contrasted with Wittgenstein’s theory of “language games” and meaning as use), their projects converge in a paradoxical yet fundamental conclusion: language is not a representation of objective reality but an instrument of practice, rooted in pre-linguistic, lived experience. The paratexts of both philosophers reveal a striking similarity in lexico-metaphorical complexes, uncovering a shared philosophical ethos: an understanding of philosophy as a therapeutic activity aimed at healing thinking from illusions generated by the grammar of language itself; intellectual asceticism and a conscious refusal of “the help of the rabble” in favor of an elitist, highly personalized practice of inquiry; and an intuitive preference for fragmentary, non-systemic, provocative forms of expression over totalizing metaphysical constructs. Thus, paratextual analysis serves as an effective methodological key for reconstructing the hidden but substantial kinship between the projects of Nietzsche and Wittgenstein, who ultimately appear not as antagonists but as creators of two different yet similarly directed modes of language criticism, united by a single ultimate goal: its clarification, the “untying of knots”, and therapeutic overcoming.

Key words: main text, paratext as a methodological key, paratextual periphery, priority of fragmentation, resistance to trivialization.

Citation. Sakhnevich S.V. Language as Illness and Therapy: Nietzsche and Wittgenstein Through the Lens of the Paratext. *Logos et Praxis*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 70-83. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.7>

УДК 1:81'22

ББК 87.3+87.4

Дата поступления статьи: 10.12.2025

Дата принятия статьи: 10.02.2026

ЯЗЫК КАК БОЛЕЗНЬ И ТЕРАПИЯ: НИЦШЕ И ВИТГЕНШТЕЙН В ОПТИКЕ ПАРАТЕКСТА

Сергей Владимирович Сахневич

Институт деловой карьеры, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Сравнительный анализ философских систем Фридриха Ницше и Людвиг Витгенштейна на уровне их канонических, «системообразующих» текстов действительно выявляет кажущуюся непреодолимой пропасть: иррационалистический, афористичный пафос первого радикально противопоставлен аналитической строгости и логическому пуризму второго. Однако данное исследование, опираясь на теорию паратекста Жерара Женетта, демонстрирует, что за этим очевидным доктринальным противостоянием скрывается глубинное единство их фундаментальных философских интенций. Смещение исследовательского фо-

куса с центрального текстового ядра на паратекстуальную периферию – предисловия, черновики, дневниковые записи, эпистолярное наследие и сами афористические формы – позволяет реконструировать общую для обоих мыслителей экзистенциально-методологическую установку. Анализ показывает, что, несмотря на радикальное различие методологических путей (ницшеовская концепция языка как «дыхания тела» и аффективной разрядки «воли к власти») противопоставляется витгенштейновской теории «языковых игр» и значения как употребления), их проекты сходятся в парадоксальном, но фундаментальном выводе: язык является не репрезентацией объективной реальности, а инструментом практики, укорененным в долингвистическом, жизненном опыте. В паратекстах обоих философов обнаруживается поразительное сходство лексико-метафорических комплексов, раскрывающее общий философский этос: понимание философии как терапевтической деятельности, направленной на исцеление мышления от иллюзий, порожденных грамматикой самого языка; интеллектуальный аскетизм и сознательный отказ от «помощи черни» в пользу элитарной, предельно персонализированной практики вопрошания; интуитивное предпочтение фрагментарных, несистемных, провокативных форм выражения тотализирующим метафизическим конструкциям. Таким образом, паратекстуальный анализ выступает эффективным методологическим ключом, реконструирующим скрытое, но существенное родство проектов Ницше и Витгенштейна, которые предстают в итоге не как антагонисты, а как создатели двух различных, но равнонаправленных способов критики языка, объединенных единой конечной целью – его прояснения, «развязывания узлов» и терапевтического преодоления.

Ключевые слова: основной текст, паратекст как методологический ключ, паратекстуальная периферия, приоритет фрагментарности, сопротивление тривиализации.

Цитирование. Сахневич С. В. Язык как болезнь и терапия: Ницше и Витгенштейн в оптике паратекста // *Logos et Praxis*. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 70–83. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.7>

Введение

Сравнительный анализ философских систем Фридриха Ницше и Людвиг Витгенштейна традиционно относится к числу наиболее сложных и парадоксальных задач в истории философии. На уровне основных текстов и доктринальных положений эти мыслители предстают как фигуры, принадлежащие к принципиально разным, если не взаимоисключающим, интеллектуальным мирам. Ницше – пророк «воли к власти», иррационалист, разбиватель скрижалей морали молотом своего стиля, призывающий к «переоценке всех ценностей». Витгенштейн – скрупулезный логик, аналитик языковых структур, стремящийся к ясности и видящий задачу философии в терапевтическом «рассеивании» метафизических туманностей. Между афористичной, пророческой страстностью одного и аскетичной, технической точностью другого, казалось бы, лежит непреодолимая пропасть. Классические сравнительные исследования, сталкиваясь с этой антиномией – атеист против (возможного) мистика, иррационалист против логики, – чаще всего констатируют их идеологическую несовместимость, оставляя за скобками вопрос о глубинном родстве их философских интенций. Однако за этой частной проблемой скрывается более фундаментальная

проблема: каким образом язык, будучи инструментом человеческой практики, искажает мышление и порождает иллюзорные представления о реальности, и возможно ли преодолеть эти искажения? Данная статья исходит из предположения, что принципиальное сходство проектов Ницше и Витгенштейна становится видимым лишь при кардинальном смещении исследовательской оптики. Если отойти от анализа их систем в законченном, каноническом виде и обратиться к периферийным, но крайне значимым слоям их наследия – к тому, что Жерар Женетт определяет как паратекст [Женетт 1998 I, 78], – то за внешним несхождением начинает проступать поразительное единство выводов. Предисловия, афоризмы, личные заметки, черновики и письма, будучи «пороговыми» элементами текста, не столько передают готовые идеи, сколько раскрывают сам философский этос автора, его экзистенциальную установку и интенциональность [Женетт 1998 II, 112]. Именно в этом пространстве, свободном от необходимости выстраивать догматическую систему, голос философа звучит наиболее непосредственно и обнаженно.

Гипотеза настоящего исследования заключается в том, что паратекстуальный анализ позволяет выявить общую для Ницше и Витгенштейна установку сознания по отношению к фундаментальным вопросам о функции

языка и цели философии: язык является не репрезентацией объективной реальности, а инструментом практики, укорененным в долингвистическом, телесном и социальном опыте. Соответственно, задача философии видится им не в построении метафизических систем, а в терапевтическом развенчании иллюзий, порождаемых самим языком, когда его грамматические формы начинают «гипнотизировать» мышление, выдавая себя за структуру мира.

1. Различие путей

Ницше:

грамматика как оружие воли к власти

Подход Фридриха Ницше к языку представляет собой радикальный переворот в понимании самой сути речи, окончательно подрывающий классическую рационалистическую традицию от картезианства до Просвещения, для которой язык был прозрачным инструментом разума или логическим зеркалом, объективно репрезентирующим мир и мысль. Однако, чтобы в полной мере оценить масштаб и специфику этого ницшевского «коперниканского переворота», недостаточно противопоставлять его лишь данной традиции. Гораздо продуктивнее рассматривать его философию языка как сознательную инверсию и радикализацию романтического проекта. Романтики, такие как Новалис и братья Шлегели, уже совершили первоначальный поворот от *ratio* к *spiritus*, видя в языке не логический конструкт, а орган «мировой души», таинственное откровение и инструмент поэтического гения [Жирмунский 1914, 28]. Ницше наследует этот антирационалистический пафос, но производит в его рамках фундаментальную подмену: на место романтического «духа» он ставит «тело». Таким образом, его жест – это не простой возврат к материи, а замещение одной метафизической основы (дух) другой, с его точки зрения, более фундаментальной и правдивой – основой физиологической. Если для романтика язык есть «дыхание мирового духа», то для Ницше он становится «дыханием тела», его аффектов и его глубинной движущей силы – воли к власти.

В рамках этой новой парадигмы слово, прежде чем оно костенеет в отвлеченное «по-

нятие» (которое есть не что иное, как «труп мысли», по его выражению), понимается как сокращенный жест, застывшая мускульная реакция, выдох внутреннего напряжения [Ницше 2005, 45]. Метафора рождается не из мистического порыва души к бесконечному, а из нервного возбуждения, ищущего разрядки в переносе одного чувственного впечатления на другое. Грамматические структуры – это не отблески божественного Логоса и не априорные схемы чистого разума, а следы жестов господства и подчинения, кристаллизовавшиеся в синтаксисе и навязавшие мышлению свою призрачную онтологию [Nietzsche 1968, 115]. Следовательно, Ницше предлагает видеть в языке не инструмент разума и не откровение духа, а, прежде всего, физиологический феномен – непосредственное продолжение тела, его инстинктивных влечений и его подлинной метафизики, которая есть не что иное, как воля к власти. Этим он завершает секуляризацию языка, начатую романтиками, доводя ее до своего логического – и биологического – предела.

В рамках ницшевской философии «тела» речь предстает не просто альтернативой разуму, а сознательной травестией романтического идеала. Если для романтика поэт – это медиум Абсолюта, чья речь есть боговдохновенное откровение «свыше», то Ницше производит переворот, обнажающий материальный субстрат этого процесса: язык оказывается откровением «снизу», симптомом и прямым следствием глубинных, зачастую темных и хаотичных процессов, происходящих в человеческом организме. Язык, по Ницше, – это не озвученная мысль, а в первую очередь звуковое испарение тела, внешнее проявление внутреннего напряжения нервной системы. Первичен не логический замысел, а аффективный импульс – энергия, требующая разрядки. Эта энергия, это физиологическое давление и есть подлинный источник вербализации. Мысль не предшествует слову как его причина; напротив, слово становится физиологической разгрузкой, желанным выдохом, которого ищет переполненное переживаниями тело [Ницше 2007, 201].

Отсюда проистекают характерные для Ницше пищеварительные и физиологические метафоры: «дух» оказывается не чем иным, как «метаболизмом», «перевариванием» впе-

чатлений, а речь – его конечным «продуктом». Это не просто риторическое сравнение, а методологическая установка, сознательная травестия романтического «духа». Там, где романтик видел парение, Ницше обнаруживает перистальтику – мышечные сокращения, переводящие внешний мир в язык внутренних состояний и обратно в речь. Таким образом, слово из божественного «логоса» или послания души превращается в материальный след работы организма, где за метафорой скрывается мышечный рефлекс, а за грамматикой – кристаллизовавшаяся иерархия аффектов.

В своей работе «Утренняя заря» Ницше афористично фиксирует этот механизм: «Слова разряжают и потребляют силу» [Ницше 2020, 128]. Эта лаконичная формула раскрывает двойственную природу речи: с одной стороны, она служит каналом для высвобождения накопленной энергии (разрядка), а с другой – сама по себе является актом ее расходования, тратой сил. Таким образом, говорение оказывается не столько творческим актом, сколько физиологической необходимостью, жестом ослабления внутреннего давления. Эта модель находит многочисленные подтверждения в других фрагментах его текстов. Так, «пессимистические представления находят себе разрядку» [Ницше 2020, 131] – здесь речь идет о том, как тяжелые, угнетающие мысли и состояния находят свой выход, свою разгрузку именно в вербализации, в оформлении в словесную форму. Само выражение «находят себе разрядку» указывает на некий произвольный, почти механистический процесс, подобный электрическому разряду.

В более масштабном, историческом ключе Ницше описывает, как целые пласты коллективного аффекта находят свой выход в языке. Он пишет о «вековой бессловесной ненависти усталых зрителей к Риму», которая, накопившись до критической массы, «разрядилась наконец в христианстве – в слове» [Ницше 2020, 64, 82, 233]. В этом примере христианская доктрина интерпретируется не как система теологических идей, а как грандиозная вербальная разрядка колоссального социально-психологического напряжения. Крайне показателен пример из «Веселой науки», где Ницше обращается к истокам поэзии. Он указывает, что у древнего человека существо-

вала потребность «освободить свою собственную душу от какого-нибудь чрезмерного гнета (тоски, мании, сострадания, мстительности) и не только свою собственно душу, но также и дух самого злобного демона – стихом» [Ницше 1882, 57]. Эта мысль, развивавшая теории происхождения языка, широко обсуждавшиеся в XIX в. (от Гердера и Гумбольдта до, например, Людвигу Нуаре), приводит Ницше к выводу, что ритмизированная речь является не формой эстетического украшения, а мощным психотехническим инструментом, своего рода заклинанием, позволяющим выплеснуть, экстернализовать непереносимый внутренний гнет.

Этот до-языковой импульс можно рассматривать как аффективный аналог беняминовского «чистого языка» – того ядра, которое «обременено тяжелым, чуждым смыслом» и которое стремится к освобождению в акте вербализации [Benjamin 1968, 15]. Однако важно провести различие: если у Ницше этот импульс укоренен в физиологии и биологии «воли к власти», то у мыслителей второй половины XX в., таких как Юлия Кристева, схожий процесс описывается через призму структурализма и марксизма. Обращаясь также к теориям деятельности, она описывает его как «долингвистическое состояние личности, ее аффективные пульсации, влечения и их архаические проявления» – то измерение («семиотическое»), которое связано не со значением, а с телесными энергиями, предшествующими установлению символического порядка [Кристева 2004, 21]. Эта модель находит свое развитие не только у Ю. Кристевой (2004), но и в психоаналитической теории Жака Лакана, для которого «язык (“символическое”) является структурой, опосредующей и формирующей само бессознательное субъекта» [Лакан 2006, 90].

Из этого понимания речи как аффективной разрядки закономерно вытекает ницшеанская критика разума. С точки зрения философа, разум, логика и сознательное мышление являются не первичными инстанциями, а производными, поверхностными явлениями, возникающими на основе гораздо более глубоких, мощных и слепых процессов. Ницшевская интуиция о первичности аффективного, телесного импульса перед вербализацией на-

ходит неожиданное подтверждение в современных исследованиях нейронаук, например, в работах Антонио Дамасио о роли телесных «маркеров» и эмоций в формировании сознания и принятии решений» [Дамасио 2018, 67].

**Витгенштейн:
язык как набор инструментов
в «формах жизни»**

Поздняя философия Людвиг Витгенштейна, сфокусированная в его «Философских исследованиях», совершает радикальный поворот от репрезентативной модели языка, где слово является картиной положения дел или именем вещи, к прагматической и функциональной его концепции. Язык предстает здесь не как статичное зеркало мира, а как подвижный набор «языковых игр», вплетенных в ткань человеческой деятельности – «форм жизни». Ключевой тезис Витгенштейна – «значение слова есть его употребление в языке» [Витгенштейн 2018, 25] – направлен против искушения искать некую сущность, стоящую за словом. Вместо этого он предлагает рассматривать слова, как инструменты в ящике с инструментами: «Представь себе инструменты в ящике: там есть молоток, клещи, пила, отвертка, линейка, горн с клеем, гвозди и винты. Сколь различны функции этих объектов, столь же разнообразны и функции слов» [Витгенштейн 2018, 11]. Такой подход позволяет преодолеть традиционную метафизическую проблему «субстанциализации» имен, когда мы, очарованные грамматической формой существительного, начинаем искать в мире соответствующий ему самостоятельный объект (например, «значение», «сознание», «истину»), что и порождает, по Витгенштейну, многие философские псевдопроблемы.

Однако именно здесь таится главная ловушка, которую Витгенштейн идентифицирует как «грамматический гипноз». Нас, по его мнению, очаровывает грамматика нашего языка. Мы попадаем в плен формы и начинаем верить, что за каждым существительным должна стоять некая субстанция, а любое грамматически корректное предложение обязано описывать некий факт. Этот гипноз возникает из фундаментального несоответствия между грамматикой и логикой практического употребления. Мы с детства усваиваем грамматические структуры

как нечто естественное и универсальное, и грамматически правильное предложение выглядит осмысленным *по определению*. Эта иллюзия заставляет нас проецировать логическую упорядоченность грамматики на сам мир, полагая, что *структура языка* является точным слепком *структуры реальности*.

Классическим примером такой работы языка, сбившегося с пути практического употребления, является разбираемая Витгенштейном фраза «Я знаю, что это моя рука». Грамматически это безупречное повествовательное предложение, содержащее личное местоимение, глагол «знать» и дополнение. Оно *выглядит* как осмысленное утверждение, несущее информацию. Практически же, в подавляющем большинстве реальных ситуаций, оно «простаивает вхолостую». Мы не используем его для передачи знания. Его произнесение либо избыточно (я и так пользуюсь рукой), либо бессмысленно (какое «знание» я демонстрирую?), либо является симптомом психического расстройства [Витгенштейн 2001, 54]. Проблема возникает, когда философ, очарованный грамматическим сходством этого предложения с утверждениями вроде «Я знаю, что поезд приходит в пять», начинает искать скрытое знание, которое оно будто бы передает, и строить теории достоверности и скептицизма. Фраза «простаивает вхолостую» не сама по себе, а в специфическом философском употреблении, где ее вырывают из живой языковой игры и заставляют работать в чужой, порождая мнимую проблему. Витгенштейн показывает, что вопрос здесь не в достоверности, а в неправильном истолковании логики употребления выражения «я знаю» [Витгенштейн 2018, 87].

Витгенштейн демонстрирует, что осмысленность любого высказывания целиком зависит от контекста, то есть от конкретной языковой игры, в которой оно произносится. В контексте хирурга после сложной операции, который, сняв повязку, с облегчением говорит пациенту: «Я знаю, что это ваша рука, и она спасена», – это осмысленное утверждение. Здесь фраза является значимым ходом в языковой игре медицинского заключения, где знание о состоянии конечности было предметом сомнения, профессиональных усилий и теперь подтверждается. Глагол «знать» здесь употребляется уместно, так как он снимает предыду-

щую эпистемическую неопределенность. Напротив, если человек, просто глядя на собственную неповрежденную руку в обыденной обстановке, заявляет: «Я знаю, что это моя рука», – высказывание теряет осмысленность. Хотя оно грамматически безупречно, оно не выполняет

никакой коммуникативной функции: не информирует, не утешает, не предупреждает. Оно не является ходом ни в одной реальной языковой игре. Его произнесение симулирует глубину там, где ее нет, и порождает философскую псевдопроблему [Витгенштейн 2018, 88].

Таблица 1

Сравнительный анализ канонических текстов Ф. Ницше и Л. Витгенштейна

Критерий сравнения	Фридрих Ницше	Людвиг Витгенштейн
Основная метафора языка	Тело и его физиология: – язык как «дыхание тела»; – слово как «сокращенный жест», «застывшая мускульная реакция»; – речь как «звуковое испарение тела», «продукт метаболизма»	Инструмент и игра: – язык как «набор инструментов» (молоток, клещи, отвертка); – язык как совокупность «языковых игр»
Происхождение и сущность языка	Аффективная разрядка «Воли к власти»: – первичен аффективный импульс, требующий разрядки; – мысль не предшествует слову; слово – это физиологическая разгрузка; – язык – это откровение «снизу», симптом глубинных телесных процессов	Практика и социальная деятельность: – язык коренится в «формах жизни» – долингвистических, социальных практиках; – «вообразить язык – значит вообразить форму жизни»; – язык вторичен по отношению к совместной человеческой деятельности
Функция языка	Выражение и оружие: – выражение внутреннего состояния витальности (силы или упадка); – оружие в перспективной борьбе различных центров «воли к власти»; – разрядка колоссального психофизиологического напряжения (индивидуального и исторического)	Коммуникация и действие: – значение слова есть его употребление в языке; – функция – быть ходом в языковой игре; – инструмент для координации действий внутри «формы жизни»
Ключевая проблема языка	Метафизические иллюзии, телос: – грамматические структуры – это кристаллизовавшиеся жесты господства и подчинения; – они навязывают мышлению призрачную онтологию (субстанцию, субъект, причинность)	«Грамматический гипноз» и псевдопроблемы: – склонность проецировать структуру языка на структуру реальности; – возникновение философских псевдопроблем, когда язык «простаивает вхолостую», оторванный от практики
Критика разума / философии	Критика разума как производного феномена: – разум, логика и сознание – вторичные инструменты «воли к власти»; – задача: разоблачить возвышенные идеи, вскрыв их низменные (физиологические) причины	Критика метафизики как заблуждения употребления: – метафизические проблемы – это «головоломки», возникающие, когда «язык праздноует»; – задача: терапевтически прояснить употребление слов, вернуть их к повседневному контексту
Родственные философские традиции	– радикализация и инверсия романтизма (замена «духа» на «тело»); – предвосхищение идей психоанализа и телесно-ориентированной философии	– разрыв с классическим рационализмом и логическим атомизмом (его ранним «трактатом»); – пересечения с прагматизмом и Феноменологией (Мерло-Понти)

Этот механизм «очарования» формой проявляется и в расцвете так называемых «глубокомысленных» высказываний, которые Ролан Барт в своей работе «Мифологии» анализировал как вторичные семиотические системы, паразитирующие на первичной [Барт 1989, 234]. Фразы вроде «Красота спасет мир» или «Отпусти прошлое» в своей первичной функции могут быть осмысленными, но, будучи тиражируемыми как риторические формулы, превращаются в чистые формы, «оболочки» знаков. Их сила – не в смысловой новизне, а в узнаваемости и комфортном подтверждении существующих культурных кодов, что Барт характеризовал как создание «текста-удовольствия», который «доставляет удовлетворение... происходит из культуры и не порывает с нею» [Barthes 1975, 13, 18]. Их работа заключается в нормализации и депроблематизации человеческого опыта, упаковывая живой, хаотичный аффективный импульс в готовые, безопасные и социально одобряемые формы. «Отпусти прошлое» не предлагает анализа травмы, а ритуально «закрывает» ее, подменяя работу памяти грамматическим императивом.

С точки зрения Витгенштейна, проблема таких высказываний заключается в том, что они утрачивают связь с конкретной языковой игрой. Они превращаются в самодостаточные грамматические формулы, которые кажутся универсально применимыми, но на деле не несут операционального смысла без восстановления утраченного контекста. Глагол «отпусти» здесь – не описание действия, а пустая форма, за которой не стоит ясного метода или критерия успеха. Смысл возвращается к таким фразам лишь тогда, когда мы отвечаем на витгенштейнианский вопрос: «В какой конкретной языковой игре это предложение является ходом?» – будь то игра психотерапевтического сеанса, игра дружеской поддержки или игра идеологического клише [Витгенштейн 2018, 123].

2. Паратекст как методологический ключ к конвертации противоречий текстов Ницше и Витгенштейна в их апории

Переход от анализа доктринального ядра философских систем к исследованию их паратекстуальной периферии. К ним относятся

предисловия, послесловия, переписка, дневники, черновики и даже сама материальная форма издания. Эти «пороговые» элементы, будучи свободными от необходимости выстраивать стройную догматическую систему, раскрывают не столько готовые идеи, сколько саму экзистенциальную установку автора, его интеллектуальные муки и интенциональность. Именно в этом пространстве «непосредственного голоса», когда автор меньше всего контролирует то, что он пишет [McCormack 1986, 18, 29], становится возможным выявить то глубинное родство проектов Ницше и Витгенштейна, которое остается невидимым при традиционном сравнительном анализе. Сравнительный анализ лемм, извлеченных из их паратекстов, позволяет реконструировать общую для обоих мыслителей установку сознания по отношению к фундаментальным вопросам о функции языка и цели философии.

Общая терапевтическая установка и позиция «врача»

Центральной для паратекстов обоих философов является медицинско-терапевтическая метафорика. Ницше последовательно выстраивает образ себя как «врача культуры», задачей которого является диагностика социального и духовного «упадка» и его радикальное «лечение». В черновиках и письмах он прямо заявляет: «Мое дело – исцеление человечества» [Ницше 2007, 312]. Его знаменитый призыв «философствовать молотом» из предисловия к «Сумеркам идолов» – это не просто риторика, а методологическая программа «испытания» и разбивания больных, декадентских ценностей, которые он идентифицирует как симптомы болезни. Эта терапия носит характер хирургического вмешательства, направленного на вскрытие и удаление «гноя» метафизических иллюзий [Nietzsche 1968, 26, 135].

С поразительной точностью эту же установку, хотя и выраженную в иной, менее воинственной тональности, мы находим у Витгенштейна. В личных дневниках и записях, позднее вошедших в «Культуру и ценность», он определяет задачу философии как «борьбу с околдовыванием нашего интеллекта средствами нашего языка» [Витгенштейн 2024, 78]. Его метафора – «показать мухе выход из му-

холовки» – является классическим терапевтическим жестом, направленным не на агрессивное разрушение, а на избавление от страдания, вызванного философскими псевдопроблемами. Понятия «болезнь» и особенно «симптом» служат концептуальной основой для противопоставления двух подходов к психологии: каузально-научного (где есть симптомы и скрытые причины) и грамматико-философского (где есть выражения и языковые игры) [Витгенштейн 2001, 7, 29, 42, 53, 102]. Если Ницше-«врач» применяет «молот» для разбиения идолов, то Витгенштейн-«терапевт» занимается тонкой «интеллектуальной гигиеной», прочищая засоры в каналах понимания. Его метод – это терапевтическое прояснение, возвращение слов из их метафизического употребления обратно к повседневному [Витгенштейн 2001, 101]. Объединяет их общая цель: *исцеление* мышления от патологий, источник которых они оба видят в языке.

Общее отношение к «черни»

Наиболее ярко единство философского этоса проявляется в паратекстуальном блоке, связанном с отношением к «черни». Этот комплекс лемм (толпа, большинство, публика, филистимляне, остальные, примитивные люди, обыватели, народ / люди как масса, публика) раскрывает глубоко аристократическую и элитистскую установку обоих мыслителей, проходящих этап строгого интеллектуального аскетизма. Для Ницше «лечение от желания помочь черни» является ключевым этапом самопреодоления философа. В письмах и набросках к «Заратустре» он пишет о необходимости «преодоления сострадания», видя в «религии сострадания» одну из главных болезней современности, ослабляющую волю [Ницше 2019, 155]. Его задача – не паллиативная помощь «страдающему стаду», а радикальное «уничтожение причин» этого страдания, что возможно лишь через переоценку всех ценностей, предпринятую «немногими» избранными.

Витгенштейн, при всей внешней скромности своего стиля, в паратекстах демонстрирует сходную позицию, которая была закалена и подтверждена его личным, крайне неудачным опытом. Его решение в 1920-х гг. оставить академическую карьеру в Кембрид-

же (лучше пасти баранов в Турции, чем преподавать в Кембридже) и отправиться учительствовать в сельских школах Австрии можно рассматривать как своеобразный аскетический жест, попытку «помочь» через приобщение к простому труду и просвещению. Однако этот опыт, подробно отраженный в его дневниках и воспоминаниях современников, обернулся горьким разочарованием. Витгенштейн столкнулся с непониманием, косностью и враждебностью как со стороны местных крестьян, так и их детей: «малопривлекательной толпе, лучшие представители которой преследуют собственные цели...» [Витгенштейн 2024, 35] (а худшие, видимо, и оказались теми самыми турецкими баранами) и полагают, что способны видеть «предел человеческого понимания»...» [Витгенштейн 2024, 51]. Его интеллектуальные и моральные требования оказались чужды и непонятны «черни», в которой он надеялся найти если не отдушину, то хоть какое-то простое человеческое понимание: «Люди сегодня считают, что ученые должны наставлять их, а поэты... развлекать» [Витгенштейн 2024, 76].

Это разочарование напрямую повлияло на его философскую установку: «Не без сопротивления я отдаю эту книгу публике» [Витгенштейн 2024, 116]. В «Культуре и ценности» он с горечью замечает: «Философия, как я ее понимаю, ничего не может сказать толпе; она обращена только к отдельному человеку» [Витгенштейн 2024, 112]. Его терапевтический метод эффективен лишь при наличии внутреннего запроса, собственного «интеллектуального дискомфорта» у пациента. Помощь возможна только тому, кто уже «бьется в мухоловке» и сам ищет выхода. Этот горький урок преподавания окончательно убедил его в тщетности и даже вредности миссионерского порыва нести философию массам, поэтому он решил запретить двери, привлекающие лишь тех, кто способен их открыть, а остальные должны идти мимо» [Витгенштейн 2024, 37].

Оба философа, каждый своим путем – Ницше через умозрительное «преодоление сострадания», а Витгенштейн через болезненный практический опыт – «примитивные люди всему поражались», «от народа этого не дождешься...» [Витгенштейн 2024, 33, 46] – приходят к выводу, что видят в философии не

социальную миссию, а строгую персональную практику, требующую разрыва с утилитарными и морализаторскими ожиданиями «большинства»: филистимляне не кричали бы» [Витгенштейн 2024, 92].

Общий метод:

фрагментарность и процессуальность

Наиболее очевидным паратекстуальным свидетельством общности философской установки Ницше и (позднего) Витгенштейна является их сознательный отказ от системности в пользу фрагментарных, афористичных и процессуальных форм выражения. Этот выбор не является лишь вопросом стиля или литературного предпочтения; он представляет собой прямое следствие их понимания самой сути философского труда как деятельности, принципиально не завершаемой в догматическую конструкцию. В паратекстах – черновиках, предисловиях, личных заметках – оба мыслителя неоднократно рефлексировали над этой формой, раскрывая ее глубокую методологическую и экзистенциальную обусловленность.

У Ницше афористичный, обрывочный стиль есть форма, адекватная содержанию его мысли о мире как о становлении, лишенном конечной цели и устойчивой субстанции. В предисловии к «Утренней заре» он прямо связывает свою манеру письма с новым способом философствования: «Я взял себе за правило... доверять любой мысли, которая рождается на ходу, в движении, на открытом воздухе» [Ницше 2020, 15]. Его черновики и письма демонстрируют, как философские концепции буквально «вырастают» из конкретных физиологических и психологических состояний – прогулки, болезни, момента творческого подъема. Этот метод он называет «подслушиванием» за собой, превращением философии в «исповедь ее создателя» [Ницше 2007, 89]. Таким образом, фрагмент у Ницше – это не просто сокращенный трактат, а след процесса, зафиксированный момент работы «воли к власти», которая никогда не останавливается и не кристаллизуется в систему. В паратекстах, особенно в набросках к «Воле к власти», эта процессуальность видна особенно ясно: мы наблюдаем не построение теории, а лабиринт развивающихся, сталкивающихся и самооп-

ровергающих интуиций. Система была бы для Ницше предательством этого потока, насильственным наложением логического порядка на хаотичную игру аффектов.

С поразительной точностью эту же логику, хотя и в совершенно иной тональности и терминологии, мы находим у Витгенштейна. Его философская эволюция от строго систематического, нумерованного афоризма «Логико-философского трактата» к свободной, диалогической структуре «Философских исследований» сама по себе является паратекстуальным свидетельством смены метода. В предисловии к «Исследованиям» Витгенштейн прямо отрекается от идеала системности: «Мне вдруг показалось, что мои результаты... должны излагаться, лишь двигаясь окольным путем, путь, которым я шел» [Витгенштейн 2015, 142] – от предмета к предмету, «переход от одного типа к другому» [Витгенштейн 2015, 125] в виде ряда... философских заметок» [Витгенштейн 2018, 46]. Он характеризует свою книгу, как «альбом эскизов», созданный в ходе «долгого и запутанного путешествия» мысли. Эта форма не случайна: она отражает его позднее понимание языка как множества независимых «языковых игр», не сводимых к единому фундаменту. Систематический трактат предполагал бы существование некой скрытой сущности языка, которую Витгенштейн в поздний период отрицает: «...не относится ни к физике, ни к психологии цвета» [Витгенштейн 2022, 20], «Мы хотим обрести не теорию цвета... но логику цветовых понятий» [Витгенштейн 2022, 16]. Поэтому фрагментарность «Исследований» – это не недостаток, а методологический императив, способ удержать внимание на конкретных случаях употребления, не поддаваясь искушению построить общую теорию: «Учение Гете... вообще не является теорией» [Витгенштейн 2022, 28]. Его дневники и заметки показывают, как философские проблемы возникают для него не как абстрактные тезисы, а как конкретные интеллектуальные затруднения, требующие проработки в форме коротких, иногда обрывистых рассуждений.

Паратекстуальный анализ позволяет увидеть, что за разными формами фрагмента (ницшевский афоризм-пророчество и витгенштейннианская заметка-терапия) стоит общая

установка на процессуальность и незавершенность. Оба философа через форму своего письма утверждают, что философская истина – это не готовый продукт, а деятельность, путь, «путешествие». Фрагмент становится орудием против «гипноза» системного мышления, которое, по их убеждению, подменяет живую мысль ее окостеневшей схемой. И Ницше, и Витгенштейн видят в систематической философии симптом метафизического заблуждения – веры в то, что структура мира соответствует структуре нашего логического или грамматического построения. Их собственная фрагментарная манера есть одновременно и следствие, и орудие критики этого заблуждения: она постоянно напоминает читателю (и самому автору) о промежуточности, ситуативности и личной укорененности любого философского высказывания: «...Доложи о том, является ли некое определенное тело более или менее светлым... На изображении... небо светлее белой бумаги» [Витгенштейн 2022, 9, 50]. Более того, эта форма глубоко связана с их общей терапевтической установкой. Терапия – это всегда процесс, а не одноразовый акт, и она требует индивидуального подхода к каждому конкретному случаю («заблуждению», «головоломке»). Афоризм у Ницше и антинумерованный параграф у Витгенштейна функционируют как точечные терапевтические вмешательства, направленные на конкретный симптом «болезни» мышления. Однако они не складываются в общую теорию болезни, а демонстрируют множество ее проявлений и возможных способов работы с ними. Следовательно, фрагментарность и процессуальность – «процесс сугубо психологический» [Витгенштейн 2015, 13] и «процесс анализа» [Витгенштейн 2015, 90], выявляемые в паратекстах, являются не второстепенным стилистическим признаком, а ключевым элементом философского этоса Ницше и Витгенштейна. Этот общий метод служит материальным свидетельством их глубинного родства: оба понимают философию как персональную, непрерывную и по сути незавершимую практику прояснения, в которой форма изложения должна быть столь же динамичной, подвижной и антидогматичной, как недоверие к грамматике языка [Витгенштейн 2015, 12], как и сама мысль, стремящаяся освободиться от пут

языка. Форма изложения должна быть столь же динамичной, подвижной и антидогматичной, как и сама мысль, стремящаяся освободиться от пут языка. Этот подход находит отклик в постструктуралистской концепции «ризомы» [Делез, Гваттари 2010, 34] и «схизоанализа» [Гваттари 2020, 56], также отстаивающих множественность, нелинейность и сопротивление тотализирующим структурам.

Сознательный отказ от системности в пользу афоризма – «образа», «картины», «модели» [Витгенштейн 2015, 38–39, 69], «набросать образ мира» [Витгенштейн 2015, 48], «пробного образа» [Витгенштейн 2015, 46] – является для них не просто стилистическим приемом, а «единственно адекватной формой выражения процессуальности, незавершенности и экзистенциальной укорененности мысли, процесс сугубо психологический» [Витгенштейн 2015, 13], «процесс анализа» [Витгенштейн 2015, 90].

Общая критика метафизики: разоблачение против прояснения

Если в паратекстах Ницше и Витгенштейна обнаруживается общее понимание философии как терапевтической деятельности, то ее главным и наиболее конкретным объектом становится для них метафизика – тот пласт философских построений, который, по их убеждению, вырастает из фундаментальных иллюзий, навязанных языком [Витгенштейн 2020, 133–134, 140–143], который «расставляет всем схожие ловушки: это огромный лабиринт с множеством неверных поворотов...» [Витгенштейн 2024, 54–55]. Их паратексты свидетельствуют, что оба мыслителя видят в метафизике не высшее достижение философского разума, а его систематическое заблуждение – «загадочные трудности» [Витгенштейн 2024, 50–51], требующие не опровержения в рамках той же игры, а радикальной деконструкции [Витгенштейн 2020, 107–110]: Ницше избирает тактику разоблачения скрытых, зачастую физиологических мотивов, стоящих за возвышенными понятиями, а Витгенштейн практикует прояснение грамматических истоков самих этих понятий, показывая их оторванность от реального употребления, например, о произвольности грамматических

правил в отличие от кулинарных [Витгенштейн 2020, 133–134].

У Ницше критика метафизики носит характер генеалогического развенчания. В его черновиках и заметках метафизика предстает как «история заблуждений о причине», напрямую вытекающая из структуры нашего языка [Nietzsche 1968, 61]. Ключевые категории западной мысли – «субстанция», «субъект», «причинность», «бытие» – интерпретируются им не как открытия о мире, а как следы жестов господства и подчинения, застывшие в синтаксисе и семантике. Грамматическая потребность в подлежащем и сказуемом порождает, по Ницше, иллюзию устойчивого «я» за потоком переживаний и независимой «вещи» за пучком свойств. Метафизика оказывается не интеллектуальной ошибкой, а симптомом определенного состояния «воли к власти» – ее ослабления, стремления к стабильным, но фиктивным опорам в мире становления. Его задача – не оспорить тезисы метафизиков, а вскрыть их низменное, телесное происхождение, показав, что за «истиной» скрывается воля к упрощению и господству, а за «моралью» – *ressentiment*. Критика метафизики у Ницше – это всегда разоблачение содержания идей через апелляцию к их генезису [Ницше 2019, 120].

Витгенштейн, напротив, оставляет вопрос о происхождении метафизических идей, которые ошибочно «делятся на два класса: хорошие и дурные, за скобками» [Витгенштейн 2024, 109]. Его интерес сосредоточен не на том, почему они возникают, а на том, как они работают – или, вернее, перестают работать [Витгенштейн 2020, 113–118]. В дневниках и заметках он описывает метафизические проблемы не как «заблуждения» в обычном смысле [Витгенштейн 2020, 41, 108, 151, 166, 171, 195, 217], а как «головоломки» или «болезни понимания», возникающие, когда «язык празднует», то есть функционирует вхолостую, оторванный от «форм жизни» [Витгенштейн 2018, 123; Витгенштейн 2024, 112]. Его метод – это грамматическое прояснение. Задача состоит в том, чтобы проследить, как метафизические термины («сознание», «абсолют», «значение-в-себе») вырываются из конкретных языковых игр, где они имеют четкую функцию и начинают использоваться как име-

на таинственных сущностей. Однако нельзя считать подлинно существующими некоторые хорошо известные философские проблемы: эти проблемы мнимые [Витгенштейн 2024, 8–11].

Проблема, таким образом, заключается не в ложности метафизических утверждений, а в их бессмысленности: они не являются ходом ни в одной реальной игре. Критика Витгенштейна направлена на форму метафизического дискурса, на демонстрацию того, что его предложения лишь симулируют осмысленность, будучи порождены «очарованием» грамматической формой [Витгенштейн 2020, 74–77].

Паратекстуальный анализ показывает, что общим полем битвы для Ницше и Витгенштейна является метафизика как продукт автономии языка. Однако их тактики радикально расходятся: Ницше атакует ее «снизу», через разоблачение аффективных и физиологических корней, Витгенштейн – «изнутри», через прояснение грамматических условий ее возможности: «Основной порок логики Рассела и моей в “Логико-философском трактате” в том, что одно предложение иллюстрируется парой банальных примеров, а потом предполагается, что мы поняли его во всей полноте» [Витгенштейн 2001, 12].

Различие между разоблачением и прояснением становится ключом к пониманию того, как единый критический импульс – освобождение мысли от диктата языка – реализуется в двух несводимых, но взаимодополнительных регистрах. Это различие не отменяет их глубинного родства, а, напротив, подтверждает его: оба видят в языке не нейтральный инструмент, а источник фундаментальных философских иллюзий, требующий не систематического преодоления, а точечного, терапевтического вмешательства, специфика которого и раскрывается в их подходах к метафизике.

Заключение

Проведенный в статье анализ демонстрирует, что паратекстуальная оптика является решающим методологическим инструментом, позволяющим выявить глубинное единство философских проектов Фридриха Ницше и Людвиг Витгенштейна, которое остается невидимым при традиционном доктринальном сравнении. Несмотря на радикальное различие их пу-

Таблица 2

Сравнительный анализ лемм в паратекстах Ницше и Витгенштейна

Тематический блок	Ключевые леммы	Контекст у Ницше	Контекст у Витгенштейна
Общая терапевтическая установка и позиция «врача»	Врач, диагноз, терапия, болезнь, симптом, исцеление, гигиена	– врач культуры; – диагностика упадка; – больная цивилизация; – лечение молотом	– терапия языка; – лечение заболевания понимания; – прояснение как исцеление; – интеллектуальная гигиена
Общее отношение к «черни»	Толпа, большинство, публика, филистимляне, остальные, примитивные люди, обыватели, народ / люди как масса, публика	– нежелание помочь черни как ключевой этап самопреодоления философа; – критика религии страдания как болезни; – не помочь страданию, а уничтожить его причины – отказ от паллиативной помощи стаду; – философ как катартик, очищающий себя от стадного инстинкта	– отказ от миссионерской позиции в философии; – критика желания спасти других от заблуждений прямым наставлением; – терапия только для тех, кто сам испытывает интеллектуальный дискомфорт; – показать выход тому, кто уже бьется в мухоловке, а не нести истину толпе
Общий метод: фрагментарность и процессуальность	Афоризм, фрагмент, эскиз, процессуальность, путь, антидогматичность	– фрагментарный стиль; – не просто манера письма, а суть философии; – мир постоянно меняется, и мысль должна быть такой же подвижной; – афоризмы – это «ментальные снимки» мысли, рожденные в движении, во время прогулок, в моменты озарений; – система для Ницше – предательство живого потока мышления	– от системного трактата он пришел к сборнику заметок и «альбому эскизов»; – для него фрагментарность – необходимость: язык состоит из множества независимых «игр», и общая теория невозможна; – его заметки – это шаги в решении конкретных головоломок, а не строительство системы
Общая критика метафизики: разоблачение против прояснения	Головоломка, головоломки языка, бессмыслица, бессмыслица метафизики, грамматические ловушки, язык празднует, прояснение, псевдопроблема, ошибка, заблуждение	– заблуждения разума; – ошибки метафизики; – критика субстанции; – грамматика как источник иллюзий	– головоломки языка; – бессмыслица метафизики; – грамматические ловушки; – язык празднует

тей – иррационально-физиологический пафос Ницше и логико-терапевтическую скрупулезность Витгенштейна – паратексты (предисловия, черновики, письма) раскрывают поразительное сходство их фундаментальной установки.

Это единство проявляется в четырех ключевых аспектах.

Оба мыслителя видят суть философии не в построении метафизических систем, а в лечении мышления от патологий, источником

которых является язык. Если Ницше использует «молот» для диагностики культурного упадка и разбивания больных ценностей, то Витгенштейн предлагает «интеллектуальную гигиену» для рассеивания грамматических иллюзий. Однако в основе обоих методов лежит установка на *исцеление*.

Сквозь призму паратекстов очевидно их общее отношение к «черни». Стратегия «лечения от желания помочь» (Ницше) и отказ

от миссионерства (Витгенштейн) указывают на понимание философии как строгой *персональной практики*, адресованной «немногим» и требующей разрыва с морализаторскими ожиданиями большинства.

Сознательный отказ от системности в пользу афоризма – «образа», «картины», «модели», «набросать образ мира», «пробного образа» – является для них не просто стилистическим приемом, а единственно адекватной формой выражения процессуальности, незавершенности и экзистенциальной укорененности мысли.

За внешним противоречием их концепций – «язык как дыхание тела» (Ницше) и «язык как набор инструментов» (Витгенштейн) – проступает общий фундаментальный вывод: язык является не репрезентацией объективной реальности, а *инструментом практики*, укорененным в долингвистическом,

телесном и социальном опыте («воля к власти» / «формы жизни»).

Паратекстуальный анализ позволяет реконструировать общий философский этос Ницше и Витгенштейна. Их проекты предстают не как взаимоисключающие доктрины, а как два различных, но равнонаправленных способа осуществления одной и той же задачи: *прояснения и исцеления человеческого мышления через радикальную критику языка*. Данный подход открывает перспективу для нового прочтения других, на первый взгляд, несопоставимых философских традиций.

Таким образом, паратекстуальный анализ позволяет реконструировать общий философский этос Ницше и Витгенштейна, предвосхитивший многие интуиции постструктуралистской мысли [Делез 2004, 78] и открывающий перспективу для нового прочтения других, на первый взгляд, несопоставимых философских традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барт 1989 – *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
- Витгенштейн 2001 – *Витгенштейн Л.* Заметки о философии психологии. Т. 1. М.: Дом интеллектуал. кн., 2001.
- Витгенштейн 2015 – *Витгенштейн Л.* Дневники 1914–1916. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015.
- Витгенштейн 2018 – *Витгенштейн Л.* Философские исследования. М.: АСТ, 2018.
- Витгенштейн 2020 – *Витгенштейн Л.* Заметки. Zettel. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020.
- Витгенштейн 2022 – *Витгенштейн Л.* Заметки о цвете. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2022.
- Витгенштейн 2024 – *Витгенштейн Л.* Культура и ценность. О достоверности. М.: АСТ, 2024.
- Гваттари 2020 – *Гваттари Ф.* Машинное бессознательное: Эссе по схизоанализу. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2020.
- Дамасио 2018 – *Дамасио А.* Самосознание и разум: Построение сознательного мозга. М.: Карьера Пресс, 2018.
- Делез 2004 – *Делез Ж.* Критическая философия Канта: Учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М.: ПЕРСЭ, 2004.
- Делез, Гваттари 2010 – *Делез Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
- Женетт 1998 – *Женетт Ж.* Фигуры. В 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998.
- Жирмунский 1914 – *Жирмунский В.* Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: Тип. Товарищества А.С. Суворина «Новое Время», 1914.
- Кристева 2004 – *Кристева Ю.* Избранные труды: Разрушение поэтики. М.: РОССПЭН, 2004.
- Лакан 2006 – *Лакан Ж.* Семинары. Кн. 10: Тревога. М.: Гнозис: Логос, 2006.
- Ницше 1882 – *Ницше Ф.* Веселая наука. М.: ОМКО, 1882. 298 с.
- Ницше 2005 – *Ницше Ф.* Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей. М.: Культур. революция, 2005.
- Ницше 2007 – *Ницше Ф.* Письма. М.: Культур. революция, 2007.
- Ницше 2019 – *Ницше Ф.* Антихрист. Эссе Homo. Сумерки идолов. М.: АСТ, 2019.
- Ницше 2020 – *Ницше Ф.* Утренняя заря: Мысли о моральных предрассудках. М.: Акад. проект, 2020.
- Barthes 1975 – *Barthes R.* The Pleasure of the Text. N. Y.: Hill and Wang, 1975.
- Benjamin 1968 – *Benjamin W.* The Task of the Translator // Venuti L. (ed.). The Translation Studies Readery. London; N. Y.: Routledge, 1968. P. 15–25.
- McCormack 1986 – *McCormack M.* What They Don't Teach You at Harvard Business School. Glasgow: Fontana Collins, 1986.
- Nietzsche 1968 – *Nietzsche F.* The Will to Power. N. Y.: Vintage Books, a Division of Random House. 612 p.

REFERENCES

- Barthes R., 1989. *Selected Works: Semiotics: Poetics*. Moscow, Progress Publ.
- Wittgenstein L., 2001. *Remarks on the Philosophy of Psychology. Vol. 1*. Moscow, Dom intelektual. kn.
- Wittgenstein L., 2015. *Diaries 1914–1916*. Moscow, Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya».
- Wittgenstein L., 2018. *Philosophical Investigations*. Moscow, AST Publ.
- Wittgenstein L., 2020. *Notes. Zettel*. Moscow, Ad Marginem Press.
- Wittgenstein L., 2022. *Remarks on Colour*. Moscow, Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya».
- Wittgenstein L., 2024. *Culture and Value. On Certainty*. Moscow, AST Publ.
- Guattari F., 2020. *The Machine Unconscious: Essays in Schizoanalysis*. Saint Petersburg, Izd-vo Ivana Limbakha.
- Damásio A., 2018. *Self-Consciousness and Reason: Building the Conscious Brain*. Moscow, Karyera Press.
- Deleuze G., 2004. *Kant's Critical Philosophy: The Doctrine of the Faculties. Bergsonism. Spinoza*. Moscow, PER SE.
- Deleuze G., Guattari F., 2010. *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. Yekaterinburg, U-Faktoriya; Moscow, Astrel Publ.
- Genette G., 1998. *Figures. In 2 Vols*. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovykh.
- Zhirmunskiy V., 1914. *German Romanticism and Contemporary Mysticism*. Saint Petersburg, Tip. Tovarishchestva A.S. Suvorina «Novoe Vremya».
- Kristeva Ju., 2004. *Selected Works: The Destruction of Poetics*. Moscow, ROSSPEN.
- Lacan J., 2006. *Seminars. Book 10: Anxiety*. Moscow, Gnozis Publ.; Logos Publ.
- Nietzsche F., 1882. *The Gay Science*. Moscow, OMIKO. 298 p.
- Nietzsche F., 2005. *The Will to Power: Attempt at a Revaluation of All Values*. Moscow, Kultur. revolyutsiya Publ.
- Nietzsche F., 2007. *Letters*. Moscow, Kultur. revolyutsiya Publ.
- Nietzsche F., 2019. *The Antichrist. Ecce Homo. Twilight of the Idols*. Moscow, AST Publ.
- Nietzsche F., 2020. *Daybreak: Thoughts on Moral Prejudices*. Moscow, Akad. proekt Publ.
- Barthes R., 1975. *The Pleasure of the Text*. New York, Hill and Wang.
- Benjamin W., 1968. The Task of the Translator. Venuti L. (ed.). *The Translation Studies Reader*. London, New York, Routledge, pp. 15-25.
- McCormack M., 1986. *What They Don't Teach You at Harvard Business School*. Glasgow, Fontana Collins.
- Nietzsche F., 1968. *The Will to Power*. New York: Vintage Books, a Division of Random House. 612 p.

Information About the Author

Sergey V. Sakhnevich, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics, Institute of Business Career, Nizhegorodskaya St, 32, Bld. 4, 109029 Moscow, Russian Federation, crash68@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2068-9250>

Информация об авторе

Сергей Владимирович Сахневич, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, Институт деловой карьеры, ул. Нижегородская, 32, стр. 4, 109029 г. Москва, Российская Федерация, crash68@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2068-9250>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.8>

UDK 141.22

LBC 87.3(4/8)

Submitted: 17.12.2025

Accepted: 10.02.2026

THE WILL TO DIE AS A BASIC METAPHYSICAL PRINCIPLE IN PHILIPP MAINLANDER'S PHILOSOPHY

Alexander V. Popkov

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Abstract. Philipp Mainlander is one of the followers of the philosophical teachings of Arthur Schopenhauer. In his treatise "The Philosophy of Redemption," he sought to bring his teacher's thought to its logical end, concluding that the will to live, upon closer examination, hides the universal will to die. Mainlander writes that God's desire for non-existence initiates the appearance of the world and the transmission of his will to die to all that exists. According to the philosopher, God desired non-existence and was able to pass from a superreal existence into non-existence only through the formation of an immanent world. In turn, every thing or phenomenon in the world, according to Mainlander, contains at its core an underlying desire to realize this desire for non-existence in the process of its existence. The Philosophy of Redemption is a consistent movement of the author's thought from the analysis of the cognitive process and physics to the political organization of public life and metaphysics. Thus, the author identifies in each of these spheres the principle of the will to die, which lies behind the "veil of Maya" of the will to live. Mainlander offers a justification for death as the most important and necessary goal of every individual and considers life itself as a threshold obstacle to achieving non-existence. This article also presents a comparative analysis of the concepts of the will of Schopenhauer, Mainlander, and Nietzsche. It is suggested that the negative nihilism built by Mainlander on the basis of Schopenhauer's philosophy could have influenced Nietzsche's views on metaphysical, philosophical, and religious systems. The author differentiates the concepts of will and complements the general context by introducing into it the concept of the will to die of the Mainlander. Working with primary sources, he conducts a comparative analysis of the will to die in relation to the views of Schopenhauer and Nietzsche.

Key words: will to die, will to live, pessimism, Mainlander, Schopenhauer, Nietzsche, metaphysics.

Citation. Popkov A.V. The Will to Die as a Basic Metaphysical Principle in Philipp Mainlander's Philosophy. *Logos et Praxis*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 84-91. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.8>

УДК 141.22

ББК 87.3(4/8)

Дата поступления статьи: 17.12.2025

Дата принятия статьи: 10.02.2026

ВОЛЯ К СМЕРТИ КАК ОСНОВНОЙ МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В ФИЛОСОФИИ ФИЛИППА МАЙНЛЕНДЕРА

Александр Вячеславович Попков

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Филипп Майнлендер является одним из продолжателей философского учения Артура Шопенгауэра. В своем трактате «Философия искупления» он стремился довести мысль своего учителя до логического конца, заключив, что воля к жизни при ближайшем рассмотрении скрывает за собой всеобщую волю к смерти. Майнлендер пишет, что стремление бога к небытию инициирует появление мира и передачу его воли к смерти всему существующему. Бог, по мнению философа, желал небытия и был способен перейти из сверхреального существования в небытие лишь посредством становления имманентного мира. В свою очередь, всякая вещь или явление в мире, по мысли Майнлендера, содержит в своей основе подспудное желание реализовать это стремление к небытию в процессе своего существования. «Философия искупления» представляет собой последовательное движение мысли автора от аналитики процесса познания и физики до политической организации общественной жизни и метафизики. Таким образом, автор выявляет в каждой из этих сфер принцип воли к смерти, который лежит за «покрывалом Майи» воли к жизни. Майнлендер предлагает обоснование

смерти как важнейшей и необходимой цели каждого индивида, а саму жизнь рассматривает как пороговое препятствие для достижения небытия. В данной статье также представляется сравнительный анализ концепций воли Шопенгауэра, Майнлендера и Ницше. Делается предположение, что негативный нигилизм, построенный Майнлендером на основе философии Шопенгауэра, мог повлиять на взгляды Ницше относительно метафизических философско-религиозных систем. Автор дифференцирует понятия воли, дополняет общий контекст, вводя в него концепцию воли к смерти Майнлендера, и, работая с первоисточниками, проводит сравнительный анализ воли к смерти относительно взглядов Шопенгауэра и Ницше.

Ключевые слова: воля к смерти, воля к жизни, пессимизм, Майнлендер, Шопенгауэр, Ницше, метафизика.

Цитирование. Попков А. В. Воля к смерти как основной метафизический принцип в философии Филиппа Майнлендера // *Logos et Praxis*. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 84–91. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.8>

Введение

Философские искания Филиппа Батца, публиковавшегося под псевдонимом Майнлендер (1841–1876), проистекают из его «лихорадочной» увлеченности Шопенгауэром. Прочтение труда «Мир как воля и представление» можно считать рубиконом, пройдя который, Майнлендер окончательно определил цель своих собственных философских исследований [Колмаков 2014]. Трактат Шопенгауэра произвел на Батца сильнейшее впечатление, которое он сравнивал с «божественным откровением». Он был воодушевлен идеей написать собственный труд, который мог бы стать последовательным продолжением и истинным завершением метафизической системы своего наставника [Ligotti 2010, 22]. Майнлендер в течение пары лет с 1874 г. усиленно работал над своей «Философией искупления», написав два тома этого сочинения. В ночь на первое апреля 1876 г. Майнлендер повесился на чердаке в собственной квартире, используя стопку недавно вышедших из печати копий «Философии искупления» как подставку.

Воля к смерти как метафизический принцип

Пред-мировое единство (*vor weltliche Einheit*) – так Майнлендер называет трансцендентную сверх-сущность, которая была необходимым источником всей суммы сил, принадлежащих имманентному миру. В главе «Аналитика процесса познания» он пишет, что охарактеризовать это единство возможно лишь апофатическим способом. Оно не временное, не составное, не подвижное, и единственное положительное, что можно выс-

казать о единстве – это факт его существования. Силы, которые действуют в мире, по своей сути идентичны и сводятся к единству как к своему истоку, которое, в свою очередь, существовало в трансцендентности, и поэтому оно не может быть познано ни разумом, ни чувственно. В главе «Физика» философ возвращается к попытке описать простое единство через противопоставление его миру. Во-первых, всякое вещество, принадлежащее имманентному миру, находится в несвободном движении. Майнлендер отрицает наличие *liberum arbitrium indifferentiae* (свободы воли) в имманентном мире. Он считает, что индивид не может желать и не желать одновременно при наличии достаточного мотива. Всякое существо необходимо движется благодаря действию достаточного мотива и внутренней склонности. В противоположность имманентному движению пред-мировое единство находится в состоянии покоя и абсолютной свободы. Во-вторых, автор определяет каждую силу как индивидуальную волю, а человека – как взаимосвязь индивидуальной воли и духа. В имманентном мире воля и дух поддаются экспликации, их наличие можно выявить при рациональном познании вещей. Но трансцендентный мир закрыт для таких понятий, и, как следствие, пред-мировое единство не может быть взаимосвязью воли и духа «*Willen und Geist*», а также ничем из них в отдельности.

Столкнувшись с непознаваемым единством-богом и невозможностью определить его сущность, мы при этом можем наблюдать следствие некоторого действия поступка бога – существование имманентного мира. Майнлендер утверждает, что поступок представлял собой распад единства, самоубийство божества и появление мира. Что именно по-

служило основанием для совершения такого действия инертной сверх-сущностью? Почему именно самоубийство послужило рождению мира? Выше мы заключили, что понятия имманентной философии, такие как воля и дух, не могут быть перенесены в пред-мировое единство и являться принципами, в полной степени объясняющими причину поступка. Майнлендер привносит понятия воля и дух, но лишь как регулятивный принцип, как если бы (als ob) поступок бога был актом воли [Майнлендер 2022, 183]¹. Это дает нам возможность для оценки действия, как мы бы оценивали любое наше действие в мире. Используя данный ход, автор открыто отсылает к методологии Канта, описанной им в «Критике чистого разума»: «...спекулятивный интерес разума заставляет рассматривать все устройство мира так, как если бы оно возникало из намерений наивысшего разума» [Кант 2015, 510].

Майнлендер пишет, что бог обладал абсолютной свободой воли и был свободен от любой мотивации извне своей сущности. Совершаемый им поступок исходил от него исключительно как мотивированный только им самим, так как до появления мира не было ничего, что могло явить ему иной мотив. Бог совершает действие распада как единственный возможный способ реализации своей свободы. Рассмотрим этот тезис подробнее.

Бог мог покоиться или быть иным, но это не могло привести к появлению мира. В первом случае действия бы не было вовсе, а во втором инобытие бога оставалось бы сокрытым во всех направлениях².

Как единственный способ реализации свободы воли божество принимает решение не быть. Неограниченная ничем свобода бога должна в таком случае предполагать возможность незамедлительного уничтожения, но этого также не происходит, ведь мы являемся свидетелями имманентного мира, но никак не абсолютного небытия. Майнлендер считает, что сила бога была не ограничена лишь по отношению к внешним мотивам, но по отношению к самой себе она не была безграничной. Бог был несвободен в своем детерминированном бытии божества и поэтому при свободе быть определенным образом у него не было возможности рассыпаться в ничто мгновенно. Это препятствие он мог преодолеть

лишь частично. Бог актом распада передает свою волю миру множественности, который является средством для достижения небытия [Майнлендер 2022, 184]³. Таким образом, только через последовательное уничтожение имманентного мира божество могло перейти из сверх-бытия в ничто.

Майнлендер не сомневается, что каждый элемент, каждый организм во вселенной стремится к небытию. Это стремление автор, вслед за Шопенгауэром, называет волей: «Полученный остаток по своему внутреннему существу должен быть тем самым, что мы в себе называем волей» [Шопенгауэр 2020, 69]. Но Майнлендер переворачивает принцип воли к жизни и усматривает в нем волю к смерти, которая была изначально присуща пред-мировому единству.

Воля к смерти представляет собой бессознательное стремление всего существующего к небытию. Это подспудное желание неотъемлемо и является самой целью существования. В таком рассмотрении воля к жизни для него является лишь средством или прикрытием истинного стремления к смерти: «Химическая идея желает смерти, но может обрести ее только в борьбе, и поэтому она жива: в сокровенной глубине своего сердца она есть воля к смерти» [Майнлендер 2022, 187]⁴.

Майнлендер считает, что все существующее в имманентном мире участвовало в решении пред-мирового единства не быть. В таком случае он примиряет эсхатологию некоторых религиозных учений, на основе приведенного факта указывая, что «царство небесное после смерти, нирвана и абсолютное небытие – это одно и то же» [Майнлендер 2022, 339]. Он заключает, что любые несчастья и болезни, удовольствия и приобретения человека при его жизни выбраны им самим для достижения цели небытия. Иначе говоря, воля к жизни, которая, по сути, является ничем иным как напускным коконом, призвана достичь единственной истинной цели небытия всеми возможными для имманентного мира средствами: «Воля полностью теряет представление о цели и цепляется только за средства» [Майнлендер 2022, 189]⁵. Подобная парадоксальная подмена цели средством, по мнению Майнлендера, связана с наличием страха у человеческого индивида не только

перед перспективой самой смерти, но и перед мыслью о ней. Именно поэтому воля к смерти предусмотрительно скрывает себя в самой глубине «in der Tiefe» человека, предоставляя ему седативный препарат в виде воли к жизни.

Критическое рассмотрение воли к смерти и ее отношения со смежными концепциями

Вклад Майнлендера, безусловно, стоит рассмотреть в рамках становления философии воли. Необходимо отметить связующие узлы и различия с философией Фридриха Ницше, и те аспекты, которые воля к смерти Майнлендера перенимает от воли к жизни и открывает иную интерпретацию философии Артура Шопенгауэра.

Смерть бога у Майнлендера имеет метафизический фундамент и в некоторых позициях представляет собой вывернутую наизнанку волю к жизни. Шопенгауэр в своем трактате «Мир как воля и представление» пишет, что воля едина и обладает первичным бытием, в то время как все остальные феномены мира становятся лишь объективацией ее желаний. Таким образом, «отец пессимизма» придал высший уровень реальности иррациональному, алогичному бытию воли к жизни, а не разумному принципу, самопознанию и стремлению к истине. При характерном слепом желании именно жизнь, а не смерть становится определяющим и примордиальным фактором в философии Шопенгауэра. «Рождение и смерть одинаково относятся к жизни и уравнивают друг друга в... качестве полюсов целостного явления жизни» [Шопенгауэр 2020, 162]. Если метафизическое ядро являет собой самовоспроизводящуюся волю к жизни, то смерть становится лишь ее объективацией, призванной обеспечить сменяемость индивидуальных «воль». Осознание человеком своего существования как сосуществования хотящей (*den wollenden Teil*) и познающей (*den erkennenden Teil*) частей может порождать множество внутренних конфликтов и страхов. При этом взаимодействие этих частей позволяет человеку осознать всю слепую бессмысленность бесконечной циркуляции воли к жизни. Как лаконично резюмирует Андреас Буллер: «Для Шопенгауэра

жизнь, таким образом, является, по сути, грандиозным обманом природы, в который человек, однако, позволил себя вовлечь с помощью иллюзорных чувств» [Буллер 2019, 119]. В конечном счете Шопенгауэр предполагает, что рождение и смерть нельзя считать началом и концом соответственно. В сущности, смерть, рождение, удовольствие и страдание, испытываемое от невозможности утолить некоторые потребности, являются производным от самой воли к жизни и не обладают реальным существованием. То есть смерть предвещает конец конкретного существа, а не самого принципа существования (аналогичная операция проводится и с рождением). Смерть способствует возвращению индивидов в лоно жизни, в котором уже нет места пространственно-временным характеристикам мира как представления.

Исходя из такого вывода об устройстве мира, Шопенгауэр приводит свою критику самоубийства как способа некоторых индивидов прервать циркуляцию воли к жизни. Самоубийство, по мнению философа, исходя из приведенного выше, становится не отрицанием воли, но ее парадоксальным утверждением; ведь «самоубийца хочет жизни и не доволен только условиями, при которых она ему дана» [Шопенгауэр 2020, 233]. В таком случае, по мысли Шопенгауэра, человек отказывается от частного проявления жизни, но он не в силах преодолеть вечный поток самовоспроизводства воли к жизни. Поступок самоубийцы будет представлять собой бессмысленный акт, в котором индивидуальная воля прекратит свое феноменальное существование, но лишь затем, чтобы в будущем вернуться в мир в ином проявлении. Самым действенным способом подавления воли в философии Шопенгауэра является искусство, безвольное созерцание и аскетизм. В этих действиях человек по возможности отказывается хотеть и постепенно уменьшает свое стремление к жизни.

Майнлендер наследует в своем учении метафизическое ядро, непознаваемый трансцендентный акт воли, но характер этого акта приобретает диаметрально противоположное значение. Если в философии Шопенгауэра смерть была вынесена в мир представления, чтобы движение воли не нарушалось, то в

системе Майнлендера смерть онтологизирована и абсолютизирована. Теперь она воспринимается как важнейший и окончательный факт, а не просто феноменальная видимость. При необходимости схематизировать учения двух мыслителей можно привести аналогию с кругом (циркуляция воли к жизни) и нисходящей сужающейся спирали (смерть бога и постепенный переход в небытие его «тела» — мира) [Gajardo 2025]. Воля к жизни становится лишь средством для достижения окончательной цели воли к смерти. Поступок предмирового единства накладывает на феноменальный мир имплицитное стремление к небытию, которое проявляется в едином для всего органического мира конечном пункте жизнедеятельности (смерти) и разрушаемости неорганических веществ.

В таком радикальном прочтении своего учителя Майнлендер в корне меняет возможную интерпретацию самоубийства отдельного индивида. Самоубийство у него становится актом искупления свершения воли, переданной индивиду мира как представления от предмирового единства. Бессмысленность поступка становится лишь мнимой уловкой, незамеченной Шопенгауэром, и уступает место иному смыслу: достижению единственной высшей цели небытия. Стоит отметить, что явного призыва к подобному акту в «Философии искупления» нет. Майнлендер лишь поэтапно на протяжении всего текста снимает осуждение и оценку самоубийства, определяя его как один из вариантов достижения цели. Автор считает, что в конечном счете безразлично, как индивид осуществляет волю к смерти.

Проводя компаративный анализ подходов к пониманию воли, необходимо также внести ясность через сравнение Майнлендера и Ницше как двух последователей и учеников Шопенгауэра. Сопоставляя двух философов, можно сделать вывод о том, что именно Ницше, возможно, был опосредованно знаком с Майнлендером и с содержанием «Философии искупления». В свою очередь Майнлендер не мог быть осведомлен о наиболее важных трудах Ницше, опубликованных после 1876 года.

В ранний период своей творческой деятельности Ницше, как и Майнлендер был увлечен философией Шопенгауэра и вероятно изучил труд своего (как он тогда полагал) еди-

номышленника. Неизвестно, что испытал бы Ницше, если бы прочитал «Философию искупления», но его идеи, разработанные уже в поздних текстах, противостоят нигилизму, выраженному в этой книге. До 1876 г. у Ницше было завершено лишь несколько основных работ: «Рождение трагедии из духа музыки» (1872) и «Несвоевременные размышления» (1873–1876). Ранее творчество можно охарактеризовать как преисполненную идеями романтизма и эстетизма «поэзию», но уже в трактате «Человеческое, слишком человеческое», который был издан в 1878 г., Ницше переходит к более строгому анализу и непримиримой критике метафизических оснований морали и религии.

Предположительно, смена фокуса мысли и отстранение от идей Шопенгауэра могут быть связаны (помимо прочих причин, в том числе личных и академических интересов) с печальной судьбой Майнлендера в 1876 году. Майнлендер позиционировал «Философию искупления» как труд, завершающий философию Шопенгауэра. Принимая основные положения своего учителя, Майнлендер вывернул волю к жизни и предложил радикальную нигилистическую мысль, впоследствии подтвердив ее собственным самоубийством. Это событие могло показать Ницше, как перспективизм и свободная интерпретация любой системы мысли может привести к появлению философии, отрицающей ценность жизни, а значит оправдывающей поступки по ее прекращению.

В отличие от единства и тождества воли в учениях Шопенгауэра и Майнлендера Ницше рассматривает волю к власти не как унитарное образование и изначальный принцип возникновения мира, но как элемент борьбы множества сил. Воля только тогда в полной мере может желать, когда она соотносит себя с другой волей [Делез 2024, 32]. Понимание мира как становления множества сил принципиально отличается от систем Майнлендера и Шопенгауэра. Понимание тождественности воли, как считал Ницше, неизбежно приводит к ее самоотрицанию, а значит и к нигилизму. В свою очередь, воля к власти становится связующим звеном, моментом пересечения активных и реактивных сил, интерпретацией их столкновения. В этом случае воля к власти выступает как критический оценивающий

принцип, который в зависимости от преобладания тех или иных сил приобретает качество утверждающей или отрицающей. Если качество утверждения связано с проявлением творческого начала созидательной деятельности и экспансии жизни, то отрицание характеризуется ограничением этого проявления жизни и его трусливым подавлением (преобладающими реактивными силами).

Утверждение воли к власти это дионисийское «да», то есть принятие жизни во всей ее полноте, включая как удовольствие, так и страдание. Суть трагического, по Ницше, заключается в том, что проявление жизни не нуждается в оправдании самой себя и не связано виной своего существования, не должно искупать эту вину перед чем-либо. Впоследствии Ницше пересмотрит противостояние «Дионис – Аполлон» на «Дионис – Христос» [Делез 2024, 42], усмотрев во втором наиболее явное противоречие между приведенными фигурами. В понимании Ницше христианская мораль искусственным образом навязывает человеку вину за собственную жизнь с помощью фикции и впоследствии благосклонно предоставляет ему путь искупления [Ницше 2019, 20]. Здесь явно прослеживается критическая параллель с «Философией искупления», в которой воля к смерти навязывается извне пред-мировым единством и «предпочитает скорее хотеть ничто», подменяя даже волю к жизни в триумфе отрицания и желания небытия.

Касательно концепции смерти бога, которая прослеживается в философии Ницше и Майнлендера, то у них она раскрывается с противоположных и непримиримых точек зрения. Майнлендер понимает смерть бога как онтологический факт, провоцирующий появление мира. Ницше разоблачает в этой позиции величайший триумф реактивных сил. Жизнь в таком случае становится вечным должником идеологии искупления: индивид определяется виновным и поэтому страдает, а страдания определяются как воздаяние за грех жизни [Делез 2024, 225]. В «Генеалогии морали» Ницше описывает образ христианского священника, который помогает найти источник страданий внутри собственного существования: «Поистине, овца моя! кто-то должен быть виновным в этом: но, этот кто-то есть ты сама, ты сама и виновна в этом – ты сама только и виновна в себе!» [Ницше 2025,

74]. Критика негативного нигилизма Майнлендера и его воли к смерти приоткрывает иные интерпретации смерти бога. Сталкивая две точки зрения, мы можем обнаружить, что Ницше выражает недоверие как к идее бога, так и к ее производным – церкви и морали. По мнению автора данной статьи, Ницше провозглашает смерть именно ценностно-смыслового наполнения понятия божественного, выражая недоверие к ее моральным принципам и притязаниям на всеобщую истинность. Это связано именно с тем, что идея бога «смещает центр тяжести не в жизнь, а в ничто» [Ницше 2019, 60], тем самым оборачивая жизнь против самой себя. Помимо этого, само место, занимаемое концептом бога в этой сети, должно быть разрушено, иначе соблазн заполнить опустевшее место иным богом будет велик и повлечет за собой новое воскресение.

Ницше вводит в контекст своей философии вечное возвращение как этический принцип, который гласит: «Воли того, чего ты волишь, так, чтобы при этом ты волил также и его вечного возвращения» [Делез 2024, 120]. В соответствии с ним утверждается лишь та сила, которая не устрашает от мысли собственного возвращения, но желает своего умножения и распространения. Таким образом, нигилистическая система, ставящая перед собой целью достижение ничто, в конечном счете не выдерживает испытания «вечного возвращения». «Если бы мир вообще мог застыть, высохнуть... Превратиться в ничто... – то такое состояние уже было бы достигнуто» [Ницше 2024, 687]. Ницше отвергает этику искупления Майнлендера, которая стремится к небытию, к постепенному уменьшению суммы сил. Майнлендер утверждал, что на пути к этой цели человечество должно стремиться к созданию справедливого и равноправного общества, которое осознает тщетность борьбы и сознательно исполнит волю бога. Ницше видел смысл в утверждении активных сил, в проявлении творческого гения, стремления к созиданию, а для отбора этих сил пропускал их через концепт вечного возвращения.

Заключение

Воля к смерти встает в оппозицию и к воле к жизни, и к воле к власти, расширяя

дискурс философии воли в целом. Если пессимизм Шопенгауэра характеризовался бессмысленностью жизни как таковой, ведь любое существо есть частное проявление безразличной и ателеологичной воли к жизни, то радикализм воли к смерти Майнлендера постулирует стремление всего существующего в мире к абсолютному небытию. Если Шопенгауэр вводит аскетизм и этику сострадания, так как общество осознает всю бессмысленность своего бытия и тщетность сопротивления воле, то Майнлендер выворачивает принцип воли к жизни, выставив единственную цель, к достижению которой непосредственно или опосредованно стремится весь имманентный мир в целом. В связи с этим именно Майнлендера нельзя назвать в полной мере философом пессимизма, в отличие от Шопенгауэра. В тексте своей работы Майнлендер выявляет вполне определенную и ясную цель. Смысл жизни – это следование воле пред-мирового единства, стремление к небытию. Таким образом, метафизическая система Майнлендера может быть названа одним из самых радикальных пессимистических учений [Чепелева 2021], но с определенными оговорками. В мире нет слепой и безразличной воли, нет «пустот», вызывающих фрустрацию у индивидов. Мир уже устроен определенным образом, он есть постепенное умирание. В этой мысли и заключается парадоксальный сплав «оптимистичного» видения конкретной цели в жизни и пессимистичных средств и оснований для ее осуществления. Вокруг этого движения выстроен взгляд Майнлендера на этику политику и даже эстетику. В рассмотрении автора указанные сферы жизни человека являются посредниками к достижению абсолютного небытия. В то время как вопрос о смысле и ценностях становится одним из самых проблемных в философии Шопенгауэра и тем более у Ницше, Майнлендер находит четкий и неоспоримый ответ в воле к смерти. Во имя осуществления этого принципа, по его мнению, и созданы все общественные институты и культурные феномены.

Являясь учеником Шопенгауэра, Майнлендер по-своему понял работу «Мир как воля и представление», предъявив довольно претенциозную интерпретацию этого учения.

Несмотря на то, что «Философия искупления» является одним из вариантов развития философии Шопенгауэра, Майнлендер остался в относительной безызвестности для широкого круга исследователей. На данный момент большую известность имеет другой продолжатель мысли Шопенгауэра – Фридрих Ницше.

С позиций критической философии Ницше «Философия искупления» предстает как реактивная сила. Негативный нигилизм Майнлендера закабляет жизнь и навязывает ей извне отрицающую волю к ничто. Именно эту тождественность и вездесущность воли Ницше преодолевает и утверждает понимание становления множественности сил и воли к власти. Философия Ницше имеет обширный корпус текстов, содержание которых до сих пор трактуют исследователи его творчества, тогда как единственный опус Майнлендера с его провокативным характером оказывается на периферии научной мысли.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В тексте первоисточника: «...wir dieselben zu regulativen Principien für “die bloße Beurtheilung” der That machen, d.h. wir dürfen uns die Entstehung der Welt dadurch zu erklären versuchen, daß wir sie auffassen, als ob sie ein motivirter Willensact gewesen sei» [Mainländer 1879, 322].

² На языке оригинала эта же мысль приводится следующим образом: «...nach allen Richtungen dieses Andersseins mußte die Freiheit latent bleiben...» [Mainländer 1879, 323].

³ Это утверждение в первоисточнике: «Die eine That Gottes, der Zerfall in die Vielheit, stellt sich hiernach dar: als die Ausführung der logischen That, des Entschlusses nicht zu sein, oder mit anderen Worten: die Welt ist das Mittel zum Zwecke des Nichtseins» [Mainländer 1879, 325].

⁴ Приведем аналогичную цитату из первоисточника: «Die chemische Idee will den Tod, kann ihn jedoch nur durch den Kampf erlangen, und deshalb lebt sie: sie ist in ihrem innersten Kern Wille zum Tode» [Mainländer 1879, 330].

⁵ Данная цитата в первоисточнике: «Der Wille verliert seinen Zweck vollständig aus Sinn und Augen und klammert sich lediglich an das Mittel» [Mainländer 1879, 334].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буллер 2019 – Буллер А. Тема смерти в философии, истории и литературе. СПб.: Алетейя, 2019.
Делез 2024 – Делез Ж. Ницше и философия. М.: Ад Маргинем Пресс, 2024.
Кант 2015 – Кант И. Критика чистого разума. М.: Акад. проект, 2015.
Колмаков 2014 – Колмаков В. Б. Философия пессимизма (Филипп Майнлендер) // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2014. № 3. С. 110–116.
Майнлендер 2022 – Майнлендер Ф. Философия искупления. Екатеринбург: Издат. решения, 2022.
Ницше 2019 – Ницше Ф. Антихрист. М.: АСТ, 2019.
Ницше 2024 – Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М.: АСТ, 2024.
Ницше 2025 – Ницше Ф. Генеалогия морали. М.: АСТ, 2025.
Чепелева 2021 – Чепелева Н. Ю. Проблемы интерпретации философского пессимизма А. Шопенгауэра // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2021. № 3. С. 3–16.
Шопенгауэр 2020 – Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М.: РИПОЛ классик, 2020.
Gajardo 2025 – Gajardo P. From the Circle to the Spiral: An Approach to the Figurations of Becoming and Death in Schopenhauer and Mainländer // *Hénadas*. 2025. № 4. P. 37–59.
Ligotti 2010 — Ligotti T. The Conspiracy Against the Human Race. N. Y.: Viking Press, 2010.
Mainländer 1879 – Mainländer Ph. Die Philosophie der Erlösung. Bd. I–II. Bd. 1. Berlin: Verlag von Theobald Grieben, 1879.

REFERENCES

- Buller A., 2019. *The Theme of Death in Philosophy, History and Literature*. Saint Petersburg, Aleteya Publ.
Deleuze Zh., 2024. *Nietzsche and Philosophy*. Moscow, Ad Marginem Press.
Kant I., 2015. *Critique of Pure Reason*. Moscow, Akad. project Publ.
Kolmakov V.B., 2014. Philosophy of Pessimism (Philip Mainlander). *Vestnik VGU. Seriya: Filosofiya*, no. 3, pp. 110–116.
Mainlander F., 2022. *The Philosophy of Redemption*. Yekaterinburg, Izdat. resheniya Publ.
Nietzsche F., 2019. *The Antichrist*. Moscow, AST Publ.
Nietzsche F., 2024. *The Will to Power. The Experience of Reassessing All Values*. Moscow, AST Publ.
Nietzsche F., 2025. *The Genealogy of Morality*. Moscow, AST Publ.
Chepeleva N. Yu., 2021. Problems of Interpreting A. Schopenhauer's Philosophical Pessimism. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*, no. 3, pp. 3–16.
Schopenhauer A., 2020. *The World as Will and Representation*. Moscow, RIPOLL Classic.
Gajardo P., 2025. From the Circle to the Spiral: An Approach to the Figurations of Becoming and Death in Schopenhauer and Mainländer. *Hénadas*, no. 4, pp. 37–59.
Ligotti T., 2010. *The Conspiracy Against the Human Race*. New York, Viking Press.
Mainländer Ph., 1879. *Die Philosophie der Erlösung. Bd. I–II. Bd. 1*. Berlin, Verlag von Theobald Grieben.

Information About the Author

Alexander V. Popkov, Postgraduate Student, Department of Ontology and Theory of Cognition, RUDN University, Miklukho-Maklaya St, 10, Bld. 2, 117198 Moscow, Russian Federation, 1042250018@pfur.ru, <https://orcid.org/0009-0007-6904-1475>

Информация об авторе

Александр Вячеславович Попков, аспирант кафедры онтологии и теории познания, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, ул. Миклухо-Маклая, 10, корп. 2, 117198 г. Москва, Российская Федерация, 1042250018@pfur.ru, <https://orcid.org/0009-0007-6904-1475>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.9>UDC 111
LBC 87.1Submitted: 06.11.2025
Accepted: 10.02.2026

TRAUMA AND BLURRING THE BOUNDARIES OF CORPOREALITY: TOWARDS A POSTHUMANISTIC THEORY OF PTSD

Alexander S. Bolotnikov

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Abstract. The article represents a comprehensive philosophical analysis of the phenomenon of post-traumatic stress disorder (PTSD), carried out within the framework of critical posthumanism methodology. The research proposes a purposeful departure from the traditional humanistic paradigm, which interprets trauma as a purely internal catastrophe befalling an autonomous and holistic subject. The author substantiates a conceptual turn, considering PTSD as a key event that reveals the ontological interconnectedness, hybridity, and processuality of modern experience. The theoretical framework of the research is built on a synthesis of philosophical approaches: concepts of nomadic subjectivity and posthuman corporeality by Rosi Braidotti, phenomenological analysis of the “flesh” by Maurice Merleau-Ponty, as well as contemporary trauma theories by Cathy Caruth and A. Carter. The work consistently proves that traumatic experience leads to a radical disintegration not only of psychic structures but also of fundamental categories of human existence – corporeality, temporality, and identity – exposing their nonlinear and unstable character. Using the material of Kathryn Bigelow’s film “The Hurt Locker,” a detailed analysis is conducted of how PTSD manifests itself in the form of a permanent crisis of stability. The body and consciousness of the subject, embodied in the image of sapper William James, are analyzed as an unfinished process of becoming, existing in a mode of constant formation of hybrid assemblages with the technological environment. The special contribution of the article lies in the development of an original interpretation of nomadic subjectivity, which in the context of trauma is rethought not as an embodiment of freedom, but as a forced and rigid attachment to the traumatic experience of boundlessness. In conclusion, a finding is formulated that the posthumanistic approach allows for a reconceptualization of PTSD, transforming its status from an individual psychopathology into an existential-ontological mode of being, which generates a specific form of knowledge – “cripistemology,” rooted in the experience of norm violation and the experiencing of ontological instability.

Key words: nomadic subject, trauma, corporeality, posthumanism, PTSD, cripistemology.

Citation. Bolotnikov A.S. Trauma and Blurring the Boundaries of Corporeality: Towards a Posthumanistic Theory of PTSD. *Logos et Praxis*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 92-97. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.9>

УДК 111
ББК 87.1Дата поступления статьи: 06.11.2025
Дата принятия статьи: 10.02.2026

ТРАВМА И РАЗМЫТИЕ ГРАНИЦ ТЕЛЕСНОСТИ: К ПОСТГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПТСР

Александр Сергеевич Болотников

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

Аннотация. Статья представляет собой развернутый философский анализ феномена посттравматического стрессового расстройства (далее – ПТСР), осуществленный в рамках методологии критического постгуманизма. Исследование предлагает целенаправленный отход от традиционной гуманистической парадигмы, интерпретирующей травму как сугубо внутреннюю катастрофу, постигающую автономного и целостного субъекта. Автор обосновывает концептуальный поворот, рассматривающий ПТСР как ключевое событие, которое раскрывает изначально присущую современному опыту онтологическую взаимосвязанность, гибридность и процессуальность. Теоретический каркас исследования выстраивается на синтезе философских подходов: используются концепции номадической субъектности и постчеловеческой телесности Розы Брай-

дотти, феноменологический анализ «плоти» Мориса Мерло-Понти, а также современные теории травмы Кэти Карут и А. Картер. В работе последовательно доказывается, что травматический опыт приводит к радикальной дезинтеграции не только психических структур, но и фундаментальных категорий человеческого бытия – телесности, темпоральности и идентичности, обнажая их нелинейный и неустойчивый характер. На материале фильма Кэтрин Бигелоу «Повелитель бури» проводится детальный анализ того, как ПТСР проявляется в форме перманентного кризиса стабильности. Тело и сознание субъекта, воплощенного в образе сапера Уильяма Джеймса, анализируются как незавершенный процесс становления, существующий в режиме постоянного образования гибридных ассамбляжей с технологической средой. Особый вклад статьи заключается в разработке оригинальной интерпретации номадической субъективности, которая в контексте травмы переосмысливается не как воплощение свободы, а как вынужденная и жесткая привязанность к травмирующему опыту безграничья. В заключении формулируется вывод о том, что постгуманистический подход позволяет реконцептуализировать ПТСР, трансформируя его статус из индивидуальной психопатологии в экзистенциально-онтологический модус бытия, который порождает специфическую форму знания – «крипстемологию», укорененную в опыте нарушения нормы и переживания онтологической нестабильности.

Ключевые слова: номадический субъект, травма, телесность, постгуманизм, ПТСР, крипстемология.

Цитирование. Болотников В. С. Травма и размытие границ телесности: к постгуманистической теории ПТСР // *Logos et Praxis*. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 92–97. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.9>

Исследование феномена травмы, в частности посттравматического стрессового расстройства (далее – ПТСР), традиционно осмысливается в парадигме классического гуманизма. В этих рамках травматическое переживание понимается как катастрофа, нарушающая целостную и автономную человеческую психику, внутреннее равновесие самодостаточного субъекта. Однако радикальные трансформации современного мира, раскрывающие и подсвечивающие взаимосвязь человека и технологий, ставят под сомнение актуальность этой модели. Данная статья предлагает поворот от гуманистической трактовки травмы как внутренней катастрофы изолированного и автономного «Я» к ее постгуманистическому прочтению как события, раскрывающего саму онтологию взаимосвязанности, в которой конституируется современный (пост)человеческий опыт.

В данном контексте постгуманизм интерпретируется не как идеология, прогнозирующая замещение человеческого начала машинным (что с некоторыми оговорками присуще трансгуманизму), но как теория, направленная на деконструкцию антропоцентрических оснований классического гуманизма. Таким образом понятый постгуманизм рассматривает человека как один из множества взаимосвязанных видов, отвергая его привилегированный статус. Можно говорить здесь об онтологии, характеризующейся принципиальной размытостью традиционных категориальных границ. Речь идет не просто о стирании

этих границ, но о формировании особого онтологического режима взаимной обусловленности, где человеческое и не-человеческое; органическое и технологическое утрачивают автономный статус, существуя в сложных гибридных образованиях.

Это онтологическое положение о взаимопроницаемости границ между человеческим и не-человеческим становится ключевым условием для понимания современных форм субъективности, социальности и материальности. С точки зрения предлагаемой постгуманистической оптики традиционное противопоставление техники и человека утрачивает свою объяснительную силу. Их взаимопроникновение раскрывается не как внешний процесс, а как фундаментальное условие конституирования самой субъективности. Как отмечает Роза Брайдотти: «Постчеловеческое состояние вынуждает смещать разделительные линии между структурными различиями или онтологическими категориями, например между органическим и неорганическим, рожденным и произведенным, плотью и металлом, электроцепями и органическими нервными системами» [Брайдотти 2021, 173].

Постчеловеческая субъективность при этом рассматривается материалистически как некоторый узелок или точка в потоке разумной и самоорганизующейся материи [Брайдотти 2021, 108–109]. (Пост)человеческая телесность становится местом дискурсивных и материальных конфликтов, где пересекаются биологические, социальные и техно-

логические факторы. Дискурсивные конфликты представляют собой борьбу за определение «нормального» тела в рамках социальных, медицинских или политических дискурсов. Например, медицинские институты могут классифицировать определенные телесные состояния (такие как инвалидность) как «патологии», игнорируя их социальную и культурную обусловленность. Общественные изменения в восприятии тел инвалидов и их способностей демонстрируют конфликт между традиционными нормами и новыми представлениями о «нетипичной телесности». Традиционные дискурсы подчеркивают, что инвалидность часто конструируется как «аномалия», что связано с борьбой за преодоление границ «нормального» тела.

Эта дискурсивная неоднозначность в вопросе телесной «нормы и аномалии», появляющаяся при постгуманистической интерпретации человеческой субъектности, может быть соотнесена с симптомами ПТСР, когда человек теряет контроль над своим телом и сознанием, а привычная связь между «я» и телом нарушается. Онтологическая взаимопроницаемость становится ключевым условием для подобного понимания травмы. Телесность перестает быть некоторой очевидной данностью и становится «телесным событием», местом дискурсивных и материальных конфликтов. Или она обнаруживается нами в качестве таковой. Травматический опыт встраивается в саму текстуру тела, размывая границы между внутренним и внешним. Это приводит к тому, что А. Картер называет «trauma's "stability trouble"» – кризисом стабильности, который ставит под сомнение саму идею непрерывного и предсказуемого тела и ума [Carter 2021, 6].

ПТСР часто проявляется как онтологическая нестабильность, где тело «не может совпадать напрямую с миром»: при флешбэках или гипербдительности оно «расходится» с текущим моментом, сохраняя воплощенную память о травме. Этот инвалидизирующий феноменологический модус порождает особый тип знания – «крипистемологию» (cripistemology), знание, полученное через опыт нарушения нормы, через телесную и ментальную инаковость [Carter 2021, 10–11].

Постгуманизм бросает вызов традиционным границам между человеком и не-челове-

ком, что особенно важно для понимания травматического опыта, когда эти границы действительно начинают ощущаться размытыми. Понятие «расширенной телесности» раскрывает ключевое противоречие – технология расширяет тело, но одновременно травмирует его. Техника (в том числе военная) перестраивает структуру телесного опыта. Это, в свою очередь, напрямую связано с ПТСР, травма в какой-то степени расширяет сознание, но в другом, не совсем «нормальном» смысле, создавая параллельную реальность воспоминаний.

Мерло-Понти подчеркивает, что опыт тела приводит нас к признанию навязывания смысла, который исходит не из универсального конституирующего сознания, а формируется через конкретное воплощение [Мерло-Понти 1999, 137–140]. Для него тело – это значимое ядро, которое ведет себя как общая функция и тем не менее существует и подвержено изменениям. Однако его концепция «плоти» (chair) как онтологического элемента [Мерло-Понти 2006, 190–194] позволяет переосмыслить телесность как процессуальную и множественную реальность, где границы между биологическим и искусственным растворяются. Это деконструирует антропоцентрическую метафизику, где человек считался арбитром смысла именно как субъект нематериальной мысли, как декартовское *cogito*.

Телесность как «телесное событие» становится ключевой для понимания ПТСР. Травматический опыт (например, угроза жизни или экологическая катастрофа) превращает привычным образом оформленную, «нормальную» телесность в «плоть», где границы между внутренним и внешним размыты. Травма становится частью текстуры тела. ПТСР проявляется как обнаружение онтологической нестабильности, когда тело не может совпадать напрямую с миром (например, в случае флешбэков и гипербдительности, о которых мы говорили выше). Здесь можно говорить о диссоциации – нарушении восприятия себя и окружающего мира.

Например, у лиц с комплексным ПТСР (КПТСР) затруднена консолидация травматической информации в биографический нарратив, образ «Я» и образ мира. Этот опыт становится отдельным элементом сознания, который не включен в повседневную жизнь.

«Отщепленные» элементы носят, как правило, сенсорный либо перцептивный характер и не могут быть выведены на вербальный уровень [Падун 2021, 74]. Яркой иллюстрацией этой постгуманистической трактовки травмы является образ сапера Уильяма Джеймса из фильма «Повелитель бури» («The Hurt Locker» реж. Кэтрин Бигелоу). Его мастерство в разминировании – это не просто профессиональный навык, а реакция на травму, парадоксальная стратегия выживания. Его связь с защитным костюмом выходит за рамки инструментального использования: он буквально сливается с ним, образуя гибридный человеко-технический актер (ассамбляж) [Деланда 2018, 9].

Этот синтез, по словам Брайдотти, «демонстрирует реляционные способности субъекта, который больше не нуждается в представлении с помощью дуалистической рамки» [Брайдотти 2021, 177]. Возвращение Уильяма Джеймса в зону боевых действий после ротации – это демонстрация становления номадическим субъектом. Его субъективность (бес)сознательного отвергает фиксированную идентичность «мирного жителя», находя устойчивость не в статичном состоянии, а в ритме повторяющихся переходов. Такой (номадический) субъект не стремится к укорененности в определенном месте, статусе или идентичности, а вместо этого принимает свою изменчивую природу, состоящую из «переходов, последовательных сдвигов, смен координат» [Брайдотти 2001, 145].

Для Уильяма возвращение в военную сферу становится способом справиться с последствиями травмы и адаптироваться к новой реальности. Стоит оговориться здесь, что наш концепт «травмированного субъекта» далек от той идеализации номадического начала, которую мы встречаем у Делеза и Гваттари и которую от них унаследовала Брайдотти. Мы далеки от того, чтобы идеализировать ПТСР и представлять его как своеобразное «освобождение» от «навязанной нормальности». Травмированный герой «Повелителя бури» – это не свободно подключающийся ко всему внешнему и переключающийся между своими идентичностями шизоид. Наоборот, он жестко привязан к своему травмирующему опыту и вынужден возвращаться к нему снова и снова. В этом смысле номад для нас – это не радикальная свобода от навязанных границ, но жесткая привязанность к опы-

ту безграничья, опыту травмы. Номад не странствует, где хочет, но кружит вокруг места, в которое он не может вернуться.

Можно описать состояние Уильяма Джеймса так: он чувствует себя живым мертвецом среди живых. Брайдотти пишет: «Субъект – эволюционный двигатель, наделенный своей телесной темпоральностью, как в смысле часов генетического кода, так и биографического времени индивидуальных воспоминаний» [Брайдотти 2021, 271].

Эта идея о нелинейном времени пересекается с концепцией «крипистемологии», где травма разрушает нормативные представления о времени и теле. ПТСР часто имеет неоднородные проявления, сопутствующие расстройству личности [Brady 1997, 4]. Травма радикально трансформирует временной опыт. Травма описывается как ошеломляющее переживание внезапных и катастрофических событий, при котором реакция проявляется зачастую в запоздалых, неконтролируемых и навязчиво повторяющихся формах – таких как галлюцинации и другие интрузивные феномены [Caruth 2016, 11]. Понятие «интрузивный» обычно используется в отношении внезапных, нежелательных мыслей, которые вторгаются в сознание и являются признаком тревожных расстройств (ОКР, ПТСР). Интрузивность и нелинейность времени характеризуют онтологическую нестабильность и разрушение «герметичности». Эта «герметичность» размывается в плоскости времени, которое описано Квентином Мейясу как сила, способная привести фиксацию, статичность и смерть [Мейясу 2015, 92]. ПТСР часто проявляется в виде потенциальной угрозы, которая может вторгнуться в любой момент в это вечное Возможное / Вероятное – «Все может произойти, все может иметь место кроме необходимого» [Мейясу 2015, 93].

Для сапера каждый момент несет в себе потенциал катастрофы: будущее существует лишь как перманентная угроза, которая может вторгнуться в любой момент. Его сознание существует в этом разорванном хронотопе, где прошлое (травма) постоянно интрузирует в настоящее, а будущее лишено какой-либо предсказуемости. Здесь опять же нелишним будет отметить разницу между особым шизофреническим переживанием времени, которое описывает, например, Джеймисон [Джей-

мисон 2019, 338], и тревогой, характерной для лиц с ПТСР. Речь идет не об интенсивности размытости образов, в которой мы не можем отделить нечто существенное от несущественного, но наоборот – об интенсивности одного конкретного вполне оформленного образа – образа катастрофы. Он может быть вытеснен, но тем не менее он вполне определен и симптоматичен.

Таким образом, постгуманистический анализ позволяет переосмыслить ПТСР не как индивидуальную психопатологию, а как симптом фундаментального сдвига в понимании человеческой субъективности. Травма перестает быть просто повреждением автономной

психики, но становится обнаружением процессуальности и нестабильности человеческого бытия. Опыт ПТСР, особенно в условиях технологически опосредованного процесса (например войны, как в случае с героем фильма «Повелитель бури»), заставляет субъект существовать на границах: между органическим и технологическим, прошлым и настоящим. Этот опыт формирует особую – «крипстемологическую» – субъективность, которая, отвергая иллюзию целостности и автономии, находит новые и парадоксальные формы устойчивости в самом ритме постоянного становления и взаимопроникновения с миром.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брайдотти 2001 – *Брайдотти Р.* Путем номадизма // Введение в гендерные исследования. В 2 ч. Ч. 2: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 136–164.
- Брайдотти 2021 – *Брайдотти Р.* Постчеловек. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2021.
- Деланда 2018 – *Деланда М.* Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь: Гиле Пресс, 2018.
- Джеймисон 2019 – *Джеймисон Ф.* Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Олейникова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019.
- Мерло-Понти 1999 – *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб.: Ювента; Наука, 1999.
- Мерло-Понти 2006 – *Мерло-Понти М.* Видимое и невидимое. Минск: Логвинов, 2006.
- Мейясу 2015 – *Мейясу К.* После конечности: Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015.
- Падун 2021 – *Падун М.А.* Комплексное ПТСР: особенности психотерапии последствий пролонгированной травматизации // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Т. 29, № 3. С. 69–87.
- Brady 1997 – *Brady K. T.* Posttraumatic Stress Disorder and Comorbidity Recognizing the Many Faces of PTSD // *Journal of Clinical Psychiatry*. 1997. Vol. 58, № 9. P. 12–15.
- Caruth 2016 – *Caruth C.* Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History. Baltimore: JHU Press, 2016.
- Carter 2021 – *Carter A. M.* When Silence Said Everything Reconceptualizing Trauma Through Critical Disability Studies // *Lateral*. 2021. Vol. 10, № 1. P. 20–36.

REFERENCES

- Braidotti R., 2001. The Nomadic Way. *Vvedeniye v gendernye issledovaniya. V 2 ch. Ch. 2: Khrestomatiya*. Kharkov, KhTsGI; Saint Petersburg, Aleteiya Publ., pp. 136–164.
- Braidotti R., 2021. *The Posthuman*. Moscow, Izd-vo In-ta Gaidara.
- Delanda M., 2018. *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. Perm, Gile Press.
- Jameson F., 2019. *Postmodernism or the Cultural Logic of Late Capitalism*. Moscow, Izd-vo In-ta Gaidara.
- Merleau-Ponty M., 1999. *Phenomenology of Perception*. Saint Petersburg, Yuventa Publ., Nauka Publ.
- Merleau-Ponty M., 2006. *The Visible and the Invisible*. Minsk, Logvinov Publ.
- Meiyasu K., 2015. *After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency*. Yekaterinburg; Moscow, Kabinetny ucheny Publ.
- Padun M. A., 2021. Complex PTSD: Features of Psychotherapy for the Consequences of Prolonged Traumatization. *Konsultativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, vol. 29, no. 3, pp. 69–87.
- Brady K. T., 1997. Posttraumatic Stress Disorder and Comorbidity: Recognizing the Many Faces of PTSD. *Journal of Clinical Psychiatry*, vol. 58, no. 9, pp. 12–15.
- Caruth C., 2016. *Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History*. Baltimore, JHU Press.
- Carter A. M., 2021. When Silence Said Everything: Reconceptualizing Trauma Through Critical Disability Studies. *Lateral*, vol. 10, no. 1, pp. 20–36.

Information About the Author

Alexander S. Bolotnikov, Postgraduate Student, Assistant Lecturer, Department of General Philosophy, Kazan (Volga Region) Federal University, Kremlevskaya St, 18, 420008 Kazan, Russian Federation, byob95@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-5221-4556>

Информация об авторе

Александр Сергеевич Болотников, аспирант, ассистент кафедры общей философии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Российская Федерация, byob95@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-5221-4556>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.10>

UDC 130.123

LBC 87.6

Submitted: 24.08.2025

Accepted: 10.02.2026

“DEATH OF GOD” IN POSTSECULAR CONTEXT: MODERN PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF GABRIEL VAHANIAN

Vyacheslav S. Babkin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Gabriel Vahanian (1927–2012) – radical Christian theologian, one of the “death of God theology” proponents. In Russia he is lesser known than Thomas Altizer, another member of the same movement. Nonetheless, G. Vahanian’s original thought constructs provide a non-trivial point of view on the “death of God” meaning in the philosophy of culture context. Although not all of G. Vahanian’s ideas are relevant to the modern cultural situation and none of his predictions have proven to be true, the general characterization of his times as post-Christian deserves attention. While thinking of “death of God” as a secularization process metaphor, G. Vahanian, unlike other death of God theologians, critically assesses its consequences. According to G. Vahanian, Christianity, to a large degree, lost its positions after paradoxically inspiring the secularization process and getting involved in it. As a result, waiting for absolute eschatological justice was replaced with attaining relative justice via political mechanisms inside history. God has become a Christian culture artifact of little significance instead of being a mystical source of both individual human fate and collective mankind fate. Faith, risky dedication, and part of human-God relations, transformed into “religiosity” – merely one sphere of a modern civilized person’s life who is sheltered from risks stemming from communication with God. Further, it is demonstrated that G. Vahanian’s views on modern Christianity and its future are characteristic of peculiar dialectics. It is concluded that the theologian himself was not entirely sure how much constructive potential Christianity still has and whether the current situation can be reversed. The final part is dedicated to the heuristic potential that G. Vahanian’s “death of God theology” has for the description of our modern postsecular situation.

Key words: death of God, postsecularism, post-Christian culture, religiosity, faith, death of God theology.

Citation. Babkin V.S. “Death of God” in Postsecular Context: Modern Philosophical Interpretation of Gabriel Vahanian. *Logos et Praxis*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 98-104. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.10>

УДК 130.123

ББК 87.6

Дата поступления статьи: 24.08.2025

Дата принятия статьи: 10.02.2026

«СМЕРТЬ БОГА» В ПОСТСЕКУЛЯРНОМ КОНТЕКСТЕ: СОВРЕМЕННОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ ГАБРИЭЛЯ ВАХАНИЯ

Вячеслав Сергеевич Бабкин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Габриэль Вахьян (1927–2012) – радикальный христианский теолог, представитель «теологии смерти Бога». В России он менее известен, чем другой представитель того же направления – Томас Альтицер. Между тем оригинальные построения Г. Вахьяна предлагают нетривиальную точку зрения на то, что означает «смерть Бога» в свете философии культуры. Хотя не все идеи Г. Вахьяна релевантны современной культурной ситуации, не все его прогнозы оправдались, однако общая характеристика им современной эпохи как постхристианской вполне заслуживает внимания. Мысль «смерть Бога» как метафору процесса секуляризации, Г. Вахьян, в отличие от других теологов «смерти Бога», критически оценивает его результаты. Согласно Г. Вахьяну, христианство во многом утратило свои позиции, оказавшись втянутым в процесс секуляризации, который парадоксальным образом само же инспирировало. В итоге ожидание абсолютной справедливости в эсхатоне сменилось политическими механизмами обеспечения относительной справедливости внутри истории. Бог из таинственного источника индивидуальной судьбы человека, коллективной

судьбы человека и коллективной судьбы человечества превратился в малозначимый артефакт христианской культуры. Вера как рискованная самоотдача человека в отношениях с Богом стала «религиозностью» — одной из сфер жизни современного, защищенного от рисков богообщения цивилизованного человека. В статье показана диалектика взглядов Г. Ваханяна, относящихся к нынешнему и будущему состоянию христианства. Делается вывод, что мыслитель сам не смог дать уверенный ответ, насколько исчерпан творческий потенциал христианства и насколько обратима та ситуация, в котором оно оказалось. В заключительной части статьи был охарактеризован эвристический потенциал «теологии смерти Бога» Г. Ваханяна для понимания современной нам постсекулярной ситуации.

Ключевые слова: смерть Бога, постсекулярность, постхристианская культура, религиозность, вера, теология смерти Бога.

Цитирование. Бабкин В. С. «Смерть бога» в постсекулярном контексте: современное философское прочтение Габриэля Ваханяна // *Logos et Praxis*. — 2026. — Т. 25, № 1. — С. 98–104. — DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.10>

8 апреля 1966 г. вышел очередной номер журнала «Тайм», на черной обложке которого красными буквами был набран заголовок «Бог умер?» (*Is God Dead?*). В разделе «Религия» этого номера была опубликована статья «Теология. Навстречу скрытому Богу» (*Theology. Toward a Hidden God*), посвященная радикальному богословию [Elson 1966, 82–87]. Статья и в особенности обложка обеспечили журналу «Тайм» массу негативных откликов и скандальную репутацию. Однако издание обеспечило известность целому направлению современной теологии, за которым закрепилось название «теология смерти Бога». Основными представителями этого направления были названы Томас Альтицер (Алтайзер), Уильям Гамильтон и Пол Метьюз ван Бурен. В том же 1966 г. вышла книга Т. Альтицера «Евангелие христианского атеизма». Годом раньше П.М. ван Бурен опубликовал «Секулярный смысл Евангелия». К сожалению, за рамками его внимания остался не менее влиятельный представитель радикальной теологии — Габриэль Ваханян, который опередил своих единомышленников, выпустив еще в 1961 г. книгу под названием «Смерть Бога: Культура нашей постхристианской эры».

К концу 1960-х гг. медийная волна, сделавшая «теологию смерти Бога» темой горячих дискуссий, сошла на нет. Это направление так и осталось достоянием сравнительно небольшой группы богословов, философов, социальных мыслителей. Однако на рубеже XX – XXI вв. идеи радикальной теологии снова актуализировались. Причем они звучали из уст далеко не христианских богословов, а как раз наоборот — левых интеллектуалов, всячески афиширующих свои атеистические

взгляды. Наиболее известен из них Славой Жижек, опубликовавший целую серию книг, принесших ему репутацию богослова [Жижек 2004; Жижек 2009]. Примечательно то, что возрождение интереса к «теологии смерти Бога» происходит в ином культурном контексте, нежели тот, в котором это направление возникло. Радикальная теология в 1960-е гг. была богословской реакцией на процесс секуляризации. Современная ситуация все чаще обозначается как постсекулярная и характеризуется ослаблением секуляризма, возвращением религиозных сообществ в публичное пространство [Узланер 2011].

В этой связи нужно произвести оценку работоспособности идей «теологии смерти Бога» в новой ситуации. Особый интерес вызывает наследие Габриэля Ваханяна, как одного из лидеров движения. Кроме того, философия и богословие Г. Ваханяна еще слабо известны отечественной публике, в отличие от переведенного на русский язык Т. Альтицера.

Габриэль Ваханян родился 24 января 1927 г. в армянской семье в Марселе, бежавшей из Османской империи во время Первой мировой войны. Он закончил лицей в Валансе (1945) и «Протестантский факультет теологии в Париже». После этого он обучался в Принстонской духовной семинарии в США и стал магистром (1950), а затем и доктором философии (1958), защитив диссертацию под названием «Протестантизм и искусство». Затем длительное время преподавал в Сиракузском университете. Именно там Г. Ваханян опубликовал серию работ, посвященных «смерти Бога»: «Смерть Бога: Культура нашей постхристианской эры» (1961), «Ожидайте без идолов» (1964), «Нет другого Бога» (1966) и «Бог

и утопия: Церковь в технологической цивилизации» (1977). В 1984 г. он вернулся во Францию и стал профессором теологии в Страсбургском университете, что крайне престижно для протестантского богослова во французской образовательной системе. Умер 30 августа 2012 г. [Wiggins web].

На фоне ведущих представителей того теологического течения, которому принадлежал Г. Ваханян, он выделяется специфическим пониманием «смерти Бога». Для Г. Ваханяна «смерть Бога» – это превращение Его в культурный артефакт, лишенный изначальной релевантности, это образ перехода от «христианской эры» к «постхристианству». Путь к постхристианской культуре, полагает мыслитель, отмечен рядом событий, начавшихся в конце XVIII и завершившихся к середине XX века. Это, прежде всего, казнь французского короля Людовика XVI в 1793 г. – и здесь Г. Ваханян соглашался с Камю [Камю 1990], полагая, что казнь короля оказалась эквивалентна смерти Бога. Второе важное событие – становление американской демократии, перенесшей внимание с потусторонней справедливости на справедливое устройство общества [Vahanian 1961, 139–143]. В 1960-х гг. «постхристианская эра», по мнению Г. Ваханяна, уже полностью наступила [Vahanian 1961, 49–50]. Приставка «пост» здесь указывает не на то, что христианство целиком осталось в прошлом. Г. Ваханян признает, например, живость христианского активизма и прозелитизма. Однако даже у этих явлений обозначилась существенная проблема. Подвижничество 1960-х гг. было слишком выражено посторонним – движение социального евангелизма, например, стремилось к установлению Царства Божьего на земле. До того периода внутри протестантской мысли все еще присутствовало пуританское умонастроение, благодаря которому удавалось успешно противостоять возможности отождествления Царства Божьего как эсхатологической реальности с какими-либо секулярными достижениями. Но в итоге эта христианская концепция оказалась ассимилирована мирским миллениаризмом – в частности, как отмечал еще Х.Р. Нибур, своеобразное понимание Царства Божьего лежало в основе идеи американской избранности [Niebuhr 1959, 142, 178–179], что для Г. Ваха-

няна, можно сказать, представляло собой разновидность ереси. Ведь Царство Господа – не от мира сего, а значит, никакой «Град Божий» на земле не может, согласно христианской ортодоксии, быть вершиной устремлений верующих.

Иными словами, в прошлом осталось христианство как вера, а ее место заняла «религиозность», которую Г. Ваханян оценивает как выродившееся христианство. Мыслитель был не одинок в такой оценке ситуации. Схожую критику проводил лютеранский теолог М. Марти. В своей книге «Новая форма американской религии», изданной впервые в 1958 г., он писал о том, что американский питеизм трансформировался в нечто «постпротестантское», что одержали верх «баалы религиозности» и т. п. М. Марти призывал вернуться к истинно библейскому духу и протестантской классике [Marty 1959, 73], в чем отчасти Г. Ваханян с ним бы согласился. Однако, в отличие от Г. Ваханяна, М. Марти не оперировал метафорой «смерти Бога» и, по всей видимости, не разделял характеристики современной религиозной ситуации как трансформации «живого Бога» в культурный артефакт.

Религиозность, будучи, по мысли Г. Ваханяна, культурным новшеством (в отличие от веры и религии), основывается тем не менее на извечных потребностях: на стремлении к миру и покою, выраженному в древних религиозных текстах образами льва и ягненка [Vahanian 1961, 191]. Отправление религиозных ритуалов, единственной или пусть даже главной целью которых является самоуспокоение, уже возможно рассматривать как функционирование простого и грубого механизма вознаграждения. Вместе с тем к душевному покою при всей его самостоятельной ценности стали присоединяться иные, вполне «материальные» мотивы ритуала. Так, современник Г. Ваханяна, богослов Н. Пил, считал молитву эффективным средством для улучшения показателей бизнеса [Peale 1953, 63–64]. «Молитва – деньги», – сетовал в связи с этим Г. Ваханян [Vahanian 1961, 194–195]. Возможно, в действительности подобное отношение к материальному успеху является в основе своей доведенным до предела проявлением кальвинистской этики, но для Г. Ваханяна это явно было поклонением маммоне, очередным

извращением сути христианства и превращением его в форму идолопоклонничества.

К тому же в качестве идола стала выступать вера как таковая, зацикленная на самой себе («вера в веру»), что и является в терминологии Г. Ваханяна «религиозностью». Возникновение «веры в веру» тоже имеет свою историю: так, Г.Ч. Линк в 1936 г. в своей книге «Возвращение к религии» утверждал, что ложная вера лучше ее отсутствия [Link, 1936], а президент Д. Эйзенхауэр выступил инициатором принятия фразы «In God We Trust» в качестве национального девиза США и утверждал, что религиозная вера – причем не столь важно, какая именно – является важной опорой американских институтов власти [Vahanian 1961, 192–193]. Такой подход к вере был для Г. Ваханяна неприемлем, хотя бы как для человека, считающего себя христианином. Он не принимал и плюрализма в духе католика Ж. Маритена, который считал, что современному обществу в первую очередь необходимо признать над собой некий Абсолют безотносительно конкретного Его имени [Maritain 1943].

Тенденция к обмирщению, трансформация религии в «религиозность» в 1960-е гг. – по крайней мере в США, что Г. Ваханян мог наблюдать сам, – только усилилась. Г. Ваханян квалифицировал этот процесс как радикальную имманентизацию христианства. Имманентизм вообще является, по его мнению, ключевой чертой времен «смерти Бога». Он же – с антропоцентрической окраской – проявляется в том, как образ Бога стал представляться. Его начали называть «вторым пилотом», «мужем наверху», «космическим приятелем» [Vahanian 1961, 75–78]. Эти названия явно антропоморфны, что, во-первых, идет в разрез с теоцентризмом, во-вторых, тоже, скорее всего, может рассматриваться как проявления идолопоклонничества, ведь эти образы созданы человеком по своему образу и подобию, на них принципиально возможно указать (а ограниченность человека средствами языка и влияние общественно-ценностных условий для Г. Ваханяна не являются достаточными оправданиями). Хуже того, Бог стал чем-то наподобие «живой куклы», как Его характеризовала Дж. Рассел в интервью для «The Atlantic» [Russell, Meserve, 1955]. Он превратился в трагикомический мифический ата-

визм, а Его почитание стало стандартизированным и по-архаичному магическим. «Религиозность», которую критикует Г. Ваханян, заражена своеобразным магизмом, носители которого ищут в окружающем мире псевдорациональные связи между явлениями. Богослов при этом ссылаясь на исследования, показывающие высокий спрос на магию в послевоенной Америке [Schneider, Dornbush 1958, 70, 144].

Бога «пробуют» или «испытывают» как некое лекарство, о нем вспоминают тогда, когда чувствуют нужду, прагматично уповая на Его помощь. Такой Бог, неспособный уже гневаться, стал ручным, кем-то вроде домашнего любимца [Vahanian 1961, 53–57].

Настойчивая критика Г. Ваханяном по-сюстороннего характера западной и конкретно американской религии отнюдь не означает, что, с его точки зрения, христианство должно отворачиваться от мирских проблем, довольствуясь только идеей парусии [Vahanian 1961, 108]. Что вполне ожидаемо в силу широты вопроса, Г. Ваханян не указывал конкретной меры того, насколько христиане должны участвовать в жизни мира и как соблюсти верный баланс между имманентным и трансцендентным. Разрабатывая эту проблему, Г. Ваханян опирался на М. Лютера и С. Кьеркегора: истинная проповедь не должна вестись в церкви, иначе она приобретает художественную отстраненность от жизни [Kierkegaard 1946, 2].

Так или иначе богослова волновала судьба христианства в мире, в котором парадоксально сочетаются религиозность и секулярность. Но секулярное само по себе не являлось для Г. Ваханяна злом, оно охватывает собой все то, что *еще* не стало священным. Здесь Г. Ваханян согласен с Кальвином в том, что прославление Господа возможно во всем. Однако мыслитель с осторожностью относился к культурным перспективам христианства, его исторической жизнеспособности. В то время как некоторые его современники, такие как К. Доусон, были настроены оптимистично и считали, обращаясь к евангельскому образу закваски, что в итоге христианство овладеет современным миром изнутри подобно тому, как это произошло в Римской империи [Dawson 1960, 29–30], у Г. Ваханяна не было

уверенности на этот счет, потому что соперником христианства теперь выступает не язычество античного Средиземноморья, а его (христианства) собственный продукт – постхристианство. Если это действительно закономерный результат исторического развития, то возвращение к прошлому выглядит маловероятно. Более того, складывается впечатление, что для Г. Ваханяна такое возвращение едва ли целесообразно с христианской точки зрения.

В самом деле, зачем настаивать на существовании Бога, если человеку достаточно просто быть собой, хочется смысла и любви? Притом любовь, какой представляет ее себе современный человек, часто не стыкуется с образом Бога в его более традиционном понимании. В качестве иллюстрации Г. Ваханян предлагает пьесу С. Беккета «В ожидании Годо», то есть «В ожидании Боженьки». Ее герои, Эстрагон и Владимир, проводят время в ожидании некоего Годо, который вроде бы сам назначал время встречи, но Владимир не запомнил, когда именно. Проходивший мимо мальчик передавал, что Годо придет завтра, но этого не произошло, а потом он отказывался от своих слов и не узнавал героев. Кто такой Годо, напрямую не говорится, но герои возлагают на него большие надежды [Беккет 2019]. Впрочем, в произведении содержатся намеки на то, что он – плод их воображения. Одна из интерпретаций заключается в том, что героям пора бы перестать ждать и самостоятельно взяться за свою жизнь – и это метафора западной культуры, которая уже «выросла» из христианства. Поэтому его уже пора «выбросить» хотя бы ради собственного удобства. Это – опять же, метафорически – вероятно, и делает Владимир, выбрасывая свою тесную обувь. Но ему, как и западному человеку, не хватает решительности: он находит другую пару (теперь – слишком большую) и надеется, что когда-нибудь обзаведется носками – и уж тогда-то будет в самый раз.

Парадокс заключается в том, что все та же любовь оправдывает для таких людей и любого Бога, любого Годо [Vahanian 1961, 127–128]. То есть Г. Ваханян, сам будучи христианином, вполне допускал, что, хотя некоторые люди продолжают сентиментально или

в силу привычки держаться за христианство, эта религия может быть не нужна людям и что решение некоторых стоящих перед человеком вопросов может оказаться даже легче без нее. Такая прагматическая линия мышления далее подкрепляется замечанием о том, что для современного человека в большей степени важны счастье, мир и покой, чем пути к ним; сама жизнь важнее вопросов, связанных с ее окончанием [Vahanian 1961, 191]. Но даже через этот прагматизм просматривается тяга человека к познанию высшего смысла. Ее жизнеспособность даже в условиях постхристианского общества свидетельствовала Г. Ваханяну о том, что существование религии – необходимость, а наличие у бытия смысла неоспоримо.

Еще одна неопределенность в отношении будущего христианства крылась в его взаимосвязях с экзистенциализмом. Так, Дж. Маккуори считал, что христианское бытие можно выразить без ссылок на страсти и воскресение Христа, а христианская теология окажется однажды поглощена экзистенциализмом [Macquarrie 1955, 226]. Г. Ваханян же отмечал, экзистенциализм, даже когда декларируется атеистическим, глубоко религиозен, а концепция подлинного бытия совпадает с христианским бытием. Но это было для него только подтверждением смерти Бога, секулярным выражением греховного (то есть трагического в человеке) [Vahanian 1961, 219–223, 227].

Когда Г. Ваханян размышлял о смерти Бога и постхристианстве, о постсекулярности речь еще не шла. Насколько актуальны его мысли для понимания современной духовной жизни и культуры?

На наш взгляд, оценка Г. Ваханяном постхристианства как «веры в веру» применима и к постсекулярной ситуации. В 1960-х гг. существовала своего рода мода на такую «веру», мода, питаемая всплеском интереса к религии. Благодаря стандартизированному и поверхностному содержанию эта «вера» была практически нетрудна, и это повышало ее популярность. Такая «вера» создавала удобную основу и для религиозного активизма. Постсекулярность также отмечена своего рода «модой» на религию, а также упрощением ее содержания. Как минимум, можно сказать, что сейчас религия нередко ассоци-

ируется с нравственностью, традициями (в частности – национальной культурой и национальной принадлежностью) и прочими ценностями. Является ли постсекулярная религиозность продолжением тенденции, обнаруженной Г. Ваханяном в США 1960-х годах? Хотя однозначно ответить на этот вопрос трудно, едва ли вызовет возражение то, что характеристики постхристианской эры вполне подходят и для постсекулярной культуры. В частности, постсекулярная религиозность в основном нацелена на решение вполне посторонних задач, связанных либо с духовным обогащением индивидуальной жизни человека либо с улучшением его социальной организации [Багаева, Цырендоржиева 2023].

Также вполне актуально замечание Г. Ваханяна об эклектичности постхристианства, об амальгаме христианства, иудаизма и дзен-буддизма. Правда следует учесть, что компоненты этой амальгамы со временем варьируют-

ся. В частности, постсекулярная ситуация отмечена усилением интереса к мистике и эзотерике, к так называемой новой духовности, или нью-эйдж [Тюхтяев 2022]. Такие воззрения при ближайшем рассмотрении могут оказаться несовместимыми с ортодоксально понятым религиозным каноном, поэтому духовные взгляды и симпатии части общества следует описывать именно как эклектичные.

Таким образом, если считать, что постхристианская культура, описанная Г. Ваханяном, продолжает существовать, то она является одним из вариантов постсекулярности. Либо, что представляется более вероятным, здесь имеют место отношения преемственности и постхристианская культура является ступенью постсекуляризма. Скорее всего, возможности применения этой концепции для осмысления современной духовной ситуации еще не исчерпаны и она заслуживает большего внимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Багаева, Цырендоржиева 2023 – Багаева К.А., Цырендоржиева Д.Ш. Социальные функции религии и специфика их реализации в условиях современности // Вестник БГУ. 2023. № 1. С. 18–30.
- Беккет 2019 – Беккет С. В ожидании Годо. М.: Текст, 2019.
- Жижек 2004 – Жижек С. Хрупкий абсолютизм, или Почему стоит бороться за христианское наследие / пер. с англ. В. А. Мазина. М.: Худож. журн., 2004.
- Жижек 2009 – Жижек С. Кукла и карлик. Христианство между ересью и бунтом. М.: Европа, 2009.
- Камю 1990 – Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство: пер. с фр. М.: Политиздат, 1990.
- Тюхтяев 2022 – Тюхтяев А. Традиционализм без традиции: к проблеме измерения нью-эйдж духовности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2022. № 1. С. 293–312.
- Узланер 2011 – Узланер Д. Введение в постсекулярную философию // Логос. 2011. № 3 (82). С. 3–32.
- Dawson 1960 – Dawson C. The Historic Reality of Christian Culture. N. Y.: Harper and Brothers, 1960.
- Kierkegaard 1946 – Kierkegaard S. Attack Upon Christendom / transl. by W. Lowrie. Boston: The Beacon Press, 1946.
- Link 1936 – Link H.S. The Return to Religion. N. Y.: The Macmillan Company, 1936.
- Macquarrie 1955 – Macquarrie J. An Existentialist Theology. L.: S. C. M. Press, 1955.
- Maritain 1943 – Maritain J. The Rights of Man and Natural Law / transl. by D. C. Anson. N. Y., Charles Scribner's Sons.
- Marty 1959 – Marty M.E. The New Shape of American Religion. N. Y.: Harper and Brothers, 1959.
- Niebuhr 1959 – Niebuhr R.H. The Kingdom of God in America. N. Y.: Harper Torchbooks, 1959.
- Peale 1953 – Peale N.V. The Power of Positive Thinking. N. Y.: Prentice-Hall, 1953. P. 63–64.
- Russell, Meserve 1955 – Russell G., Meserve H.C. The New Piety // The Atlantic. 1955. P. 34–37.
- Schneider, Dornbusch 1958 – Schneider L., Dornbusch S.M. Popular Religion: Inspirational Books in America. Chicago: The University of Chicago Press, 1958.
- Elson 1966 – Elson J.T. Theology. Toward a Hidden God // Time. 1966. Aug. 4. P. 82–87.
- Vahanian 1961 – Vahanian G. The Death of God the Culture of Our Post Christian Era. N. Y.: George Braziller, 1961.
- Wiggins web – Wiggins J.B. In Memoriam: Gabriel Vahanian // Religious Studies News. American Academy of Religion. URL: http://rsnonline.org/index5085.html?option=com_content%26view=article%26id=1383%26Itemid=1543

REFERENCES

- Bagaeva K.A., Tsyrendorzhieva D.Sh., 2023. Social Functions of Religion and the Specificity of Their Implementation in Modern Conditions. *Bulletin of Buryat State University. Philosophy*, no. 1, pp. 18-30.
- Beckett S., 2019. *Waiting for Godot*. Moscow, Tekst Publ.
- Žižek S., 2004. *The Fragile Absolute: Or, Why Is the Christian Legacy Worth Fighting For?* Moscow, Hudozh. zhurn. Publ.
- Žižek S., 2009. *The Puppet and the Dwarf: The Perverse Core of Christianity*. Moscow, Evropa Publ.
- Camus A., 1990. *The Rebel. Philosophy. Politics. Art: Translated from French*. Moscow, Politizdat.
- Tyukhtyayev A., 2022. Traditionalism Without Tradition: On the Problem of Assessing New-Age Spirituality. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom*, no. 1, pp. 293-312.
- Uzlaner D., 2011. Introduction to Post-Secular Philosophy. *Logos*, no. 3 (82), pp. 3-32.
- Dawson C., 1960. *The Historic Reality of Christian Culture*. New York, Harper and Brothers.
- Kierkegaard S., 1946. *Attack Upon Christendom*. Boston, The Beacon Press.
- Link H.C., 1936. *The Return to Religion*. New York, The Macmillan Company.
- Macquarrie J., 1955. *An Existentialist Theology*. London, S. C. M. Press.
- Maritain J., 1943. *The Rights of Man and Natural Law*. New York, Charles Scribner's Sons.
- Marty M.E., 1959. *The New Shape of American Religion*. New York, Harper and Brothers.
- Niebuhr R.H., 1959. *The Kingdom of God in America*. New York, Harper Torchbooks.
- Peale N.V., 1953. *The Power of Positive Thinking*. New York, Prentice-Hall, pp. 63-64.
- Russell G., Meserve H.C., 1955. The New Piety. *The Atlantic*, pp. 34-37.
- Schneider L., Dornbusch S. M., 1958. *Popular Religion: Inspirational Books in America*. Chicago, The University of Chicago Press.
- Elson J.T., 1966. Theology. Toward a Hidden God. *Time*, Aug. 8, pp. 82-87.
- Vahanian G., 1961. *The Death of God the Culture of Our Post Christian Era*. New York, George Braziller.
- Wiggins J.B. In Memoriam: Gabriel Vahanian. *Religious Studies News*. S.l., American Academy of Religion. URL: http://rsnonline.org/index5085.html?option=com_content%26view=article%26id=1383%26Itemid=1543

Information About the Author

Vyacheslav S. Babkin, Postgraduate Student, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, vyachesl4vbabkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3205-1263>

Информация об авторе

Вячеслав Сергеевич Бабкин, аспирант кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, vyachesl4vbabkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3205-1263>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.11>

UDC 1:27:2-423,5

LBC 87.000.4

Submitted: 25.08.2025

Accepted: 10.02.2026

BAPTISM AND TRANSGRESSION IN EARLY CHRISTIANITY ¹

Zoe Tsiami

Orthodox Academy of Crete, Kolympari, Chania, Hellenic Republic

Abstract. The sacrament of baptism was crucial to the formation of religious identity in the early centuries of Christianity. The act of baptism has profound symbolic significance and is perceived in the culture of early Christianity as a symbol of salvation from a soteriological perspective. The aim of this article is to identify the relationship between baptism and transgression in early Christianity. This relationship was complex and multifaceted, encompassing debates about the nature of sin, the complex dynamics of religious initiation and theological controversies, and transgressiveness as a characteristic of the Fall. Baptism, one of the central sacraments of early Christianity, went beyond a simple rite of passage; it served as a profound and defining act that played a key role in the formation of Christian identity, both individual and collective. This sacred ceremony symbolized not only spiritual rebirth and renewed life in faith but also represented a solemn commitment to the fundamental dogmas of Christianity, testifying to entry into a covenant relationship with God. However, the context surrounding baptism was far from exclusively positive. In early Christian culture, this act was often viewed through the lens of warning, intertwined with warnings about crimes such as heresy and apostasy. These notions exerted a significant influence on the formation of Christian moral and social norms, creating a complex system of beliefs and practices. The complex relationship between baptism and sin in the early Christian period has become a focus of modern scholarship. These connections reveal a multidimensional reality, encompassing theological debates about the very nature of sin, the legitimacy of baptism practice, and the definition of boundaries within the Christian community. By exploring the many ways in which baptism and sin intersected, this study reveals the evolution of social norms and the inevitable consequences of humanity's Fall into sin.

Key words: baptism, early Christianity, catechesis, transgression, Fall, Christian community.

Citation. Tsiami Z. Baptism and Transgression in Early Christianity. *Logos et Praxis*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 105-114. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.11>

УДК 1:27:2-423,5

ББК 87.000.4

Дата поступления статьи: 25.08.2025

Дата принятия статьи: 10.02.2026

КРЕЩЕНИЕ И ПРЕГРЕШЕНИЕ В РАННЕМ ХРИСТИАНСТВЕ ¹

Зои Циами

Православная академия Крита, Колумбари, Ханья, Греческая Республика

Аннотация. Таинство крещения есть условие формирования религиозной идентичности в первые века христианства. Акт крещения имеет глубокое символическое значение и воспринимается в культуре раннего христианства как символ спасения в сoteriological perspective. Целью исследования является выявление связи между крещением и прегрешением в период раннего христианства, которая была сложной и многогранной, поскольку включала споры о природе греха, сложной динамике религиозной инициации и теологических споров, а также трансгрессивности как свойства грехопадения. Крещение, одно из центральных таинств раннего христианства, выходило за рамки простого обряда посвящения; оно служило глубоким и определяющим актом, сыгравшим ключевую роль в формировании христианской идентичности: как индивидуальной, так и коллективной идентичности сообщества. Эта священная церемония символизировала не только духовное возрождение и обновленную жизнь в вере, но и представляла собой торжественную приверженность основным догматам христианства, свидетельствуя о вступлении в заветные отношения с Богом. Тем не менее контекст, окружавший крещение, был далек от исключительно позитивного. В раннехристианской культуре этот акт часто рассматривался через призму предостережения, переплетаясь с предупрежде-

ниями о таких преступлениях, как ересь и вероотступничество. Эти представления оказали значительное влияние на формирование христианских моральных и социальных норм, создав сложную систему верований и практик. Проблемой современных исследований христианского периода стала сложная взаимосвязь между крещением и грехом в раннехристианский период. Здесь эти связи раскрывают многомерную реальность, охватывающую теологические споры о самой природе греха, законности практики крещения и определении границ внутри христианской общины. Исследуя многие способы, которыми крещение и грех пересекаются, это исследование раскрывает эволюцию социальных норм и неизбежные последствия грехопадения человечества.

Ключевые слова: крещение, раннее христианство, катехизация, прегрешение, грехопадение, христианская община.

Цитирование. Циами З. Крещение и прегрешение в раннем христианстве // *Logos et Praxis*. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 105–114. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.11>

Введение

В раннем христианстве преступление обычно понималось как нарушение божественного закона, открытого в Священном Писании, учении Иисуса Христа и нравственном законе, присущем человеческой совести. Этот концепт прочно укоренился в христианском понимании греха, включающем в себя действия, мысли или отношение, которые расходятся с Божьей волей и приводят к отделению от Него. Преступление понимается как грех, нарушение Божьей воли.

Существуют заметные различия в понимании греха, преступления и трансгрессии в современном культурном сознании, когда мы осмысливаем их в более широком философском и культурологическом контексте. Каждый из этих терминов имеет разные значения, основанные на теологических, моральных или юридических коннотациях и последствиях культурных практик. Грех – это теологическое понятие, которое относится к любому действию, мысли или бездействию, противоречащему божественной воле или закону Бога, ведущему к отчуждению от Бога и нарушающему отношения человека с Ним. Напротив, преступление определяется как нарушение человеческих законов или общественных норм, которое подлежит наказанию со стороны гражданских или юридических властей. Но в религиозном сознании периода раннего христианства произошло соединение понятий, и преступление стало пониматься в основном как религиозное. Трансгрессия как понятие культуры нашего времени и постмодерна включает трактовку преодоления предела, перехода непроходимой границы, прежде все-

го – границы между возможным и невозможным или особое состояние, приводящее к нарушению нормы или правила, закона или заповеди. Современный русский философ Валерий Подорога пишет о том, что европейская культура в течение последних трех столетий впитывает трансгрессивные состояния как губка, перенаправляя их разрушительную энергию в полифункциональные системы запретов [Подорога 2010, 91]. Семантическое пространство английского языка позволяет обнаружить широкий спектр значений синонимических понятий: нарушение – *violation, disturbance, breach, infringement, contravention, transgression*, грех – *sin, evil, transgression, guilt, error, wrongdoing*, проступок – *transgression, offense, misdemeanor, misconduct, fault* [Simpson, Weiner (eds.) web, 401].

В данной статье понятие «трансгрессия» используется в теологическом дискурсе как нарушение границ Божьей воли, закона и заповеди.

Крещение в представлении христианской церкви в период раннего христианства связано с этими понятиями и является ритуалом, который позволяет человеку воспрепятствовать нарушению закона, греху и преступлению. Крещение (греч. Βάπτισμα) через погружение, окунание, омовение от скверны стало религиозным ритуалом. Источники сведений о ранних практиках крещения представлены в книге Деяний святых апостолов (Деяния 10:47) [Деяния святых апостолов 2020, 271]. Для понимания смысла крещения надо знать, что это таинство Церкви, которое изучается в sacramентологии. В крещении происходит связь человека с Богом, Встреча и принятие в Церковь Христову.

1. Метод, исследовательские вопросы

Проблемы постижения религиозного, границы Церкви, духовный опыт в аскезе и практиках являются актуальными вопросами современной антропологии религии, которая рассматривает возможность теологической стратегии в понимании проблемы преодоления социальных запретов, культурных традиций, моральных регулятивов, условий существования мышления и чувственности в опыте. Эта тема будет актуальна и при рассмотрении проблемы крещения и прегрешения.

Мы обращаемся к методу, который называется антропологическим и принадлежит культурной антропологии. Для нас становится самым важным значение культурных процессов в раннем христианском мире для формирования человека, транслируемое в современный мир и воспринимаемое современным человеком. Культурная антропология разрешает это сделать, так как является наукой о культуре и месте человека в культурном процессе. В нашем случае тема крещения и прегрешения дает много информации для понимания значения религии для развития человека, духовности и помогает понять особенности современной жизни христианского мира.

Мы исходим из тезиса о том, что в основе культуры религиозное сознание, которое оказало влияние на развитие всей мировой культуры, ее нравственных оснований. Религиозный феномен крещения является феноменом культуры, сложно взаимодействующим с другими феноменами. Так, становление христианства на почве иудейского и античного мирозерцаний явилось примером взаимовлияния существовавшего мировоззрения и воспринимаемых теологических представлений, определяло профиль зарождавшейся в результате этого взаимовлияния культуры. Исследуя тему крещения, мы выделяем особенности религиозного сознания и осмысления первыми христианами религиозных явлений в период II–IV вв., союз христианской, иудейской и античной языковой таксономии и словаря религиозных понятий, связь крещения как конкретной уникальной формы христианской культуры с культурными универсалиями. Исследовательскими принципами нашей работы становится внимание к описаниям, ко-

торые дают в источниках непосредственные участники культурного процесса этого периода, что позволяет анализировать проблему связи крещения и прегрешения как ментальный план культуры поздней античности и раннего христианства.

2. Результаты исследования

2.1. Крещение

Происхождение слова «крещение» — от «baptizein» и значит «окупать в воду». Крещение предусматривает посвящение в христианскую веру через обряд, во время которого происходит окропление, обливание или погружение в воду во время произнесения триединой формулы. В большинстве церквей считается таинством [McKim 1996, 25]. Крещение основано на событиях Евангельской истории, устанавливающих смысл религиозного ритуала. Сюжет о крещении в Иордане Иисуса Христа послужил основой установления таинства крещения. Христос, сын Божий, низвел благословение на воду. И в связи с этим благословением вода стала служить средством для совершения Таинства Крещения. Дата Богоявления оставалась действительной как дата установления крещения, и в таком качестве она всегда отмечалась в восточных церквях [Kantorowicz 1956, 206].

Образ крещения сформировал комплекс ярких религиозных образов, зафиксированных в религиозном сознании и раннехристианской культуре. Это «духовная радость», «возрождение души», «свет воскресения», «духовное зрение». Порядок ритуала крещения в III–IV вв. свидетельствовал о том, что человек получает очищение от грехов по благодати через погружение в воду полностью и троекратно. При этом он призывает Бога и Сына и Святого Духа. Этот момент символизирует смерть греха, духовное рождение. Человек воскресает для жизни во Христе, для общения с Церковью.

Ап. Павел, говоря о механизме уподобления, упоминает, что погружение в воду при крещении уподоблено погребению, тогда как воскресение есть символ восстания из воды. «Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крести-

лись? Итак мы погреблись с Ним крещением в смерть...» (Рим. 6:3).

Образ крещения есть образ духовного рождения. В Послании к Галатам мы читаем: «Кто во Христа крестится, во Христа облекотся» (Гал. 3:27). В «Пастыре» Ермы мы читаем о крещении, которое как башня укрепляет веру. О прощении грехов через воду: «Мы сошли в воду и получили прощение грехов наших прошлых» (Pastor; CPG, N 1052; II 4.3). Иустин Философ называет крещение духовным обрезанием, а Киприан Карфагенский – печатью духа.

В христианской литературе есть разные названия крещения: оно называется «баней» или «купелью» (λουτρόν), «купелью спасительной» (τὸ σωτήριον λουτρόν), «священным источником» (fons sacer), «просвещением» (φωτισμός, φωτισμός), «возрождением» (ἀναγέννησις), «печатью во Христе» (σφραγὶς ἐν Χριστῷ).

Образный ряд понятия крещения дает возможность увидеть варианты символических и образных значений, которые расширяют пространство видимого перед явлением невидимого в крещении как таинстве. Крещение в христианской культуре понимается как ритуал и таинство, когда религиозные смыслы и действия, выраженные в совокупности видимых символических элементов обряда, скрывают невидимое, благодать Божию. Соотношение видимого и невидимого определяет принципы визуального, когда мы видим, понимаем, чувствуем в имманентном и обретаем связь с трансцендентным. В религиозном обряде крещения происходит новое духовное рождение как религиозная инициация. Рождение во Христе означает смерть греха в искуплении, применительно ко греху как «transgression» может пониматься как предупреждение и преодоление.

Проблемы крещения постоянно рассматривались на Вселенских Соборах и зафиксированы в документах:

– 59-м каноне Трулльского собора о том, что крещение должно неукоснительно совершаться в храме;

– 78-м каноне Трулльского собора о том, что готовящиеся ко крещению должны пройти обучение основам веры;

– 84-м каноне Трулльского собора о необходимости крестить найденышей, если неизвестно, были ли они крещены;

– 3-м каноне Лаодикийского собора о том, что недавно крещеных не подобает производить в священнический чин;

– 46-м каноне Лаодикийского собора о необходимости катехизации перед крещением;

– 5-м каноне свт. Кирилла Иерусалимского о том, что оглашенные, подвергнутые отлучению в наказание за прегрешение, находящиеся при смерти, да крещаются и да не отходят от жизни сей без причастия [Цыпин web].

Отдельной проблемой было крещение младенцев, но, по результатам исследований, мы не можем утверждать, что крещение младенцев возникло как новая доктрина или отдельная практика [Currie web, 36].

2.2. Виды крещения

Существует три вида крещения: погружение, обливание и окропление. И если «омоения, например, были предварительной подготовкой к инициации в мистериальные религии» в античный период, то «крещение было центром инициации в христианскую Церковь» [Ferguson 2009, 29]. Раннехристианская церковь использовала погружение, при котором человек полностью погружался в воду, в качестве основного метода крещения. Это было символическое погребение старого «я» и вступление в новую жизнь во Христе. Если кто не родится от воды и духа, не может войти в Царствие Божие (Ин. 3:5). В большинстве случаев погружение проводилось в какой-либо природной водной среде, например, в реке или ручье. Связь крещения и водной среды закрепились в христианском культурном сознании. Можно сказать, что любое событие или действие, связанное с водой, в раннехристианском типологическом мышлении вызывало ассоциации с крещением [Kantorowicz 1956, 211].

Вода, погружение в которую во время обряда крещения было неотъемлемым элементом, символизировала смывание старой греховной жизни и посвящение верующего в новую жизнь во Христе. Крещение есть то таинство, которое может совершить, по исключительной причине, любой мирянин (и да-

же женского пола). Ритуал предполагает трехкратное погружение в воду или обливание крещаемого и произнесение соответствующих ритуалу особых совершительных слов. Обливание или обливание водой головы использовалось в тех случаях, когда погружение было невозможно ни физически, ни каким-либо другим способом. Погружение было более типичным, чем обливание, которое также использовалось в ситуациях, когда не было необходимости в полном погружении. Окропление, или кропление водой, было относительно необычной формой крещения в ранней Церкви. Использование этого способа крещения вызывало много споров в ранней церкви. Оно использовалось, как правило, для обозначения духовного очищения в случаях крайней необходимости, но более распространенными практиками были погружение и обливание [Rasker 1995, 436].

Особо рассматривается крещение в сошествии Духа Святого. Именно в Деян (1.4–5) мы читаем о сравнении крещения только водой с тем, которое совершается и Духом Святым. Христианское крещение благодаря сошествию Св. Духа стало крещением человека, разделяющего постулаты новой христианской веры. В Деян (10.1–11.18) мы читаем, как были крещены Корнилий Сотник и его дом, из категории «богобоязненных», бывшие прежде язычниками. Крещение произошло после сошествия Св. Духа в проповеди ап. Петра. Особо отмечается, что сошествие Св. Духа не отменяет водного крещения, совершающегося во имя Христа. Новокрещенные разделяли священную трапезу с апостолом как Евхаристию.

В библейских исследованиях также есть свидетельства о единовременном крещении около 3 тыс. чел. (Деян 2.41), которые часто оценивались как маловероятные. Но так как было открыто большое количество микв рядом с Иерусалимским храмом, то возможным стал вывод о погружении большого числа людей в один день. Таким образом, христианское крещение могло совершаться не только в реках, в случае Иоанна Крестителя, а и в специально сделанных водоемах, притом и в ветхозаветные времена.

Также вызывает большой интерес феномен чрезвычайного крещения, который пред-

полагает проведение таинства крещения в исключительных случаях, когда как крещение понимается удел мучеников – крещение кровью. Это происходит, когда христианин умирает в гонениях, не успев принять таинство крещения.

Самым удивительным крещением было самокрещение мучеников. Свидетельство об этом парадоксальном крещении мы находим в рассказе о Фекле, когда она бросилась в воду, где плавали морские тюлени, готовые разорвать тело подвижницы. В «Деяниях Феклы» мы читаем: «Она же вверглась в воду, призвав имя Иисуса Христа; и тюлени, ослепленные блистанием огня молнийного, замертво всплыли» [Аверинцев (ред.) 2004, 71].

Таким образом, все виды крещения выполняли важнейшую культурную функцию утверждения и закрепления новой христианской доктринальной морально-нравственной нормы, мотивацией крещения в раннехристианской общине было стремление отказаться от прошлых языческих грехов.

2.3. Литургия крещения

Литургия крещения является важным аспектом христианской истории, поскольку она служит общинным толкованием, которое учит типологическому прочтению христианской истории. Типологическое прочтение библейского текста – это метод толкования, при котором определенные события, люди или предметы Ветхого Завета рассматриваются как прообразы (типы) более поздних событий, людей или предметов в Новом Завете или даже в истории человечества в целом.

Молитвы, символы и жесты литургии предлагают интерпретации, выходящие за рамки очевидных прочтений «в прошлое, в историю» к еврейским Священным Писаниям, таким как выявление типологических связей между водами Красного моря в книге Исход и водами реки Иордан, в которой был крещен Христос. Но что еще более важно, типология крещения расширяется, чтобы охватить жизнь каждого нового христианина и включить его историю в общее повествование об истории спасения. Здесь мы можем обратиться к пониманию крещения Оригена. Он говорит, что один из главных про-

образов – море и облако, которые направляют евреев в пустыне, – становятся образом Крещения водой и Святым Духом. Прототип крещения – сюжет перехода евреев через Иордан. Контекстуальный метод Оригена позволяет сопоставлять переход евреев через Черное море с оглашением, а через Иордан с крещением. С Иорданом также связан прообраз крещения как исцеления. Таким образом, в текстах Оригена мы видим вновь обращение к типологии крещения, основанной на ветхозаветной традиции.

Св. ап. Павел говорит, что прохождение через Черное море за облаком, в котором присутствовал Господь, было прообразом Крещения. Это толкование связано с мыслью о том, что через первое Израиль был избавлен от фараона, а через второе верующие во Христа – избавляются от духовного рабства греха. Типологически связаны Моисей и Тот, в Кого происходит Крещение. По утверждению свт. Иоанна Златоуста, апостол показывает, что как израильтянам не послужили в пользу дары, так и коринфянам не послужат в пользу Крещение и участие в духовных таинствах, если жизнь их не будет соответствовать благодати; для того он и указывает на прообразы Крещения и таинств.

Можно сказать, что литургия создает условия для типологического восприятия религиозных смыслов, связи ветхозаветной и новозаветной традиции, преодоления в культе негативных человеческих стремлений, склонности к страстному видению мира. Таким образом, это полезно для обучения и утверждения христианской веры, а также для понимания значения крещения как главного духовного события в жизни христианина.

Это важная часть понимания богословского и духовного значения крещения как христианского таинства в контексте концепции грехопадения, которая будет рассмотрена более подробно далее.

2.4. Катехизация

Крещение, помимо личного духовного преображения, было также посвящением в христианскую общину. Обряд крещения был мощным символом единства крещеных людей, которые становились частью более крупного сообщества верующих, разделяющих общую веру и цель.

Перед крещением члены общины должны были пройти катехизацию, в ходе которой они были ознакомлены с христианской доктриной, этикой и значением таинства. Этот период времени позволял лучше понять веру и значение крещения. Крещение является ступенью восхождения души к Богу, обновлением жизни, духовным перерождением, отказом от «ветхого человека». В ранней истории у готовившихся к крещению возникало много вопросов: достаточно ли Крещения для спасения; каковы условия Таинства Крещения?

Перед произнесением формулы крещения и обливанием или погружением в воду обычно следовал период подготовки. Во время этого процесса член общины должен был познакомиться с учением Христа и обязанностями в христианской общине. Этот процесс назывался катехизисом и был способом убедиться, что крещаемый готов жить в соответствии со своей верой. Процесс подготовки включал в себя долгое и кропотливое изучение Евангелия, размышления и молитву, чтобы крещаемые могли проявить полное благоговение и преданность. Крещение включало институт оглашения. Этот институт называл оглашенными (греч. «катехумены») христиан, которые еще не приняли крещения, но уже считались членами Церкви. Им было разрешено присутствовать на богослужениях в части произношения Священного Писания. В период раннего христианства время оглашения полагалось около трех лет. Ранняя Церковь рассматривала вопрос принятия новых членов очень ответственно. Таинство приема в Церковь содержит три момента: крещение, миропомазание и Евхаристию. Среди восточных православных церквей обряд посвящения выглядел, как осенение крестным знаменем лба и груди и экзорцистское «дуновение». Обязательно было чтение молитвы и возложение рук. В западной церкви это было вкушение соли как знак Слова Божьего. Надо отметить, что гонения и вероучительные споры в период раннего христианства создавали среду, которая требовала от новоявленных христиан мужества в вере.

Таким образом, крещение можно рассматривать с двух точек зрения. Субъективно – крещение Святым Духом вводит верующего в позитивные отношения с Богом; сим-

волически – водное крещение является объективным проявлением согласия верующего с этими отношениями [New International Bible Dictionary 1987, 124]. Крещение было жизненно важной частью раннехристианской общины и до сих пор является важным таинством во многих христианских традициях.

2.5. Грехопадение и преступление

Понятие грехопадения, понимаемое как результат изначального нарушения человеком Божьего установления и впоследствии нарушение Божьих заповедей в поступках и поведении, очень важно в религиозном и моральном контекстах, поскольку оно означает нарушение моральных, этических или божественных законов, принципов или норм. Сюда входят все такие действия, поведение или решения, которые противоречат моральному кодексу, религиозным предписаниям или этическим принципам, преобладающим в конкретной религиозной системе или традиции. В раннехристианских общинах идея грехопадения была центральной идеей, которая тесно связана с растущим осознанием греха, искупления и нравственного поведения.

Понятие грехопадения восходит к Книге Бытия (Бытие 3:19), где мы читаем: «Только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их, чтобы не умереть». Запрещенный плод познания добра и зла становится преступным плодом, предметом греха и символизирует изгнание первого человека из рая, обретение им кожаных риз, страдания и смерти. Тексты о грехах и прегрешениях раскрывают происхождение, структуру и назначение природы человека. Так, в христианскую культуру вводится понятие о состоянии греха. И если христианский взгляд на природу человека строится на учении об образе Божиим, то «кожаные ризы» служат раскрытию смыслов библейского откровения о сотворении человека [Гаевская 2018, 201].

Именно начальное грехопадение человека создало условия для преступлений как поведенческой и мыслительной формы. Вместе с развитием христианской культуры понятие получило расширенное толкование и стало включать такие коннотации, как прегрешение, греховность, грех, являющиеся результа-

том нарушения Божьих заповедей, нравственных проступков и преступлений.

Взгляд ранних христиан на грех как преступление был сформирован их пониманием Ветхого Завета, учения Иисуса Христа и писаний ранних христианских авторов. Они рассматривали грех, как действие преступное, идущее против воли Божьей и приводящее к разрушению связи с Богом и разделению всех людей.

Слово «преступление» как прегрешение встречается в Ветхом и Новом Заветах и обычно связано с грехом, непослушанием и моральными проступками. Например, Псалом 51:3–4 (NIV):

«Ибо я знаю свои прегрешения, и мой грех всегда передо мной. Против тебя, только против тебя, я согрешил и сделал то, что является злом в твоих глазах; поэтому ты прав в своем приговоре и оправдан, когда судишь».

В Исаии 53:5 (NIV) упоминается:

«Но он был пронзен за наши прегрешения, он был сокрушен за наши беззакония; наказание, которое принесло нам мир, было на нем, и его ранами мы исцелились».

Что касается Нового Завета, то в Послании к Римлянам 4:15 (NIV) говорится: «потому что закон вызывает гнев. А где нет закона, там нет и преступления».

В Послании к Галатам 3:19 (NIV) упоминается: «Зачем же тогда вообще был дан закон? Он был добавлен из-за прегрешений до тех пор, пока не пришло Семя, о котором говорилось в обетовании. Закон был дан через ангелов и доверен посреднику».

Библейское понятие преступления, выраженное в словоформах «прегрешения», «беззакония», подразумевает совершение грехов, нарушение Божьих законов и совершение зла. Библия также во многом связана с осознанием и исповеданием этих преступлений и обретением Божьего прощения и искупления. Хотя в Новом Завете много говорится о законе и его отношении к нарушениям, в нем также объясняется, как действуют благодать и искупление, благодаря искупительной работе Иисуса Христа.

Спасение возможно, независимо от того, насколько серьезным было нарушение, благодаря учениям и примеру Иисуса. Хотя Библия, безусловно, рассматривает человеческие

прегрешения, она несет весть о надежде и искуплении, демонстрируя, как прощение и Божья благодать могут преодолеть человеческие неудачи.

2.6. Крещение и прегрешение

Крещение знаменовало вступление человека в сообщество верующих и подчеркивало коллективную природу греха и средства от него, а также важность нравственной жизни. Для общины первых христиан была актуальна проблема мотивации крещения. Одна из мотиваций – это искупление и предупреждение греха. Данная мотивация служит основанием религиозных представлений о способности крещения к предупреждению нравственного падения и нарушения божьих заповедей и определения трансгрессивности как одной из характеристик природы греха. Таким образом, мотивация позволяет определить значение крещения в жизни первых христиан.

Говоря об источниках свидетельств о крещении, надо отметить, что «детали нарратива о крещении часто предлагают некоторые интересные параллели с реальным ритуалом крещения» [Jensen 2012, 28]. Концепция крещения рассматривала этот ритуал как средство искупления грехов человека. Поэтому ранние христиане рассматривали крещение как обряд посвящения, который отражал готовность человека вести нравственную жизнь и повиноваться божественной воле. Ритуал христианского крещения не только способствует очищению, включению, просветлению и возрождению человека, он напоминает о моменте начала всего творения и предвещает бесконечный момент, когда все творение будет преображено [Jensen 2012, 177].

Давайте представим обзор того, как крещение решало проблемы прегрешений в контексте раннего христианства.

Грех и его трансгрессивные свойства понимаются в контексте истории раннего христианства как преступление, переход границы Божьих установлений или нарушение закона или заповеди, обычно подчеркивающее намеренное неповиновение Божьей морали или божественному закону, негативная интенциональная реализация в антропологическом дискурсе, культурная девиантная форма.

Одна из проблем понимания греха в повседневной жизни Малой Азии и Византии находит отражение в словах Иоанна Златоуста, который писал в «Беседах на Деяния» о том, что граждане Византии избегают крещения, так как не верят в свою способность отказаться от греха в обычной жизни из-за привычек к удобствам и удовольствиям: «...Зачем ты убегаешь? Так, скажешь, я не могу соблюсти заповедей. Но разве Бог заповедал невозможное? <...> Разве не позволено тебе заниматься делами? Разве я отвлекаю тебя от жены? Удерживаю тебя только от прелюбодеяния. Разве от пользования имуществом? Разве принуждаю раздать все? Только немного, по мере возможности, уделять нуждающимся <...>» [Златоуст web].

Эта проблема связана с тем, что ранние христиане верили, что крещение – это глубокое духовное преображение всей жизни верующего, и что это центральное таинство, символизирующее духовное преображение как главное событие в их жизни. Благодаря акту крещения люди могли получить прощение грехов и пережить духовное возрождение и обновление после совершенных проступков. Здесь появляется одно из важнейших понятий о крещении «метанойя». Под «метанойей» подразумевается обращение от греха через прощение [Dirksen 1932, 14]. Таким образом, прощение и метанойя могут пониматься как способы предупреждения трансгрессии.

Процесс крещения был не только ритуальным действием, но и всесторонним духовным путешествием, в котором большое внимание уделялось покаянию и отказу от греховного поведения. Те, кто хотел креститься, должны были признать свои проступки, искренне раскаяться в них и согласиться вести свою жизнь в соответствии с христианскими принципами.

Именно в крещении мужчины и женщины осознали, что они участвуют в смерти и воскресении Иисуса Христа и что этот духовный акт означает отождествление верующего со смертью Христа для старой греховной жизни и его воскресение к новой жизни, свободной от прегрешений.

В библейских текстах мы находим длинный ряд вариантов значений «крещения». Крещение как омовение от скверны, очищение от греха, смерть для жизни греховной, духовное

рождение во Христе, обретение общения с церковью, путь избавления от греха, исцеление, символическое погребение и воскресение. Таинство сообщает этим значениям невидимый дар благодати, крещение может пониматься как предельный опыт духовного восхождения или трансформации.

Выводы

Крещение, которое имеет целостный характер как христианский ритуал, означающий дорогу к спасению, совершается для того, чтобы попросить прощения за свои грехи и предупредить нравственное падение, стало важной частью раннехристианской теологии и практики [Цыпин web]. Крещение является основой сотериологического комплекса новой христианской религии. Среди мотивации к крещению, включающей и социальные мотивы, такие как принадлежность к общине и социальная идентификация, есть и мотив спасения и искупления грехов и их предупреждение, обретение духовной зоркости в рассмотрении греха. Мы можем понимать такое крещение как способ предупредить прегрешения, которые мы понимаем как трансгрессивный переход границы Божьих установлений. Концепция крещения таким образом связана с определением трансгрессии, как свойством греха. В библейском понимании трансгрессия может выступать как «нарушение», которое есть «самонадеянный грех», иногда преступление. Предупреждение прегрешения таким образом является частью системы сотериологической мотивации крещения, которая

состоит из более частных мотивов предупреждения греха как преступления, трансгрессивных свойств греха и в культурном дискурсе девиантных форм поведения.

Ранние христиане верили, что через веру, покаяние и таинство крещения люди могут примириться с Богом и освободиться от последствий своих грехов и прегрешений. Для них крещение было изменением ума и сердца, которое не только покрывало грех человека, но и служило символом новой жизни во Христе. Таким образом, крещение было жизненно важной частью жизни раннехристианской общины и до сих пор является важным таинством во многих христианских традициях.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В статье использованы материалы доклада «Крещение и преступление в раннем христианстве» З. Циами (Zoe Tsiami. Baptism and Transgression in Early Christianity. 2025) на секции «Чужеземец, ξένος: осмысление Другого в философии и теологии», проходившей в рамках ежегодной Международной научно-практической конференции по философским и теологическим проблемам 12–14 мая 2024 г. в Волгоградском государственном университете.

The article uses materials from the report “Baptism and Transgression in Early Christianity” by Z. Tsiami (2025) at the section “Stranger, ξένος: Understanding the Other in Philosophy and theology”, held as part of the annual International Scientific and Practical Conference on Philosophical and Theological Issues on May 12–14, 2024, at Volgograd State University.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверинцев (ред.) 2004 – Аверинцев С. (ред.). Многоценная жемчужина. Киев: Дух і літера, 2004.
- Гаевская 2018 – Гаевская Н.З. Топос кожаных риз в контексте творений святителя И. Златоуста // *Folia Petropolitana*. 2018. № 2. С. 201–210.
- Деяния святых апостолов 2020 – Деяния святых апостолов // Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. М.: Российское Библейское Общество, 2020. С. 245–310.
- Златоуст web – Златоуст И. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского в 12 т. Т. 9, кн. 1: Беседы на Деяния Апостольские. Беседа 23 // https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/besedy-na-dejanija-apostolskie/23
- Подорога 2010 – Подорога В.А. Трансгрессия и предел // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 2010.
- Цыпин web – Цыпин В., *прот.* Каноническое право // https://azbyka.ru/otechnik/Vladislav_Tsyпин/kanonicheskoe-pravo/
- Currie web – Currie D. Catechism of Baptism. N. Y. : John A. n. Gray Green, 1869 // https://archive.org/details/cihm_49077

- Dirksen 1932 – *Dirksen H. Aloys*. The New Testament Concept of Metanoia. Washington: Catholic University of America: University of Wisconsin, 1932.
- Ferguson 2009 – *Ferguson E.* Baptism in the Early Church: History, Theology and Liturgy in the First Five Centuries. Grand Rapids: William B. Eerdmans Publishing. 2009.
- Jensen 2012 – *Jensen R.M.* Baptismal Imagery in Early Christianity: Ritual, Visual, and Theological Dimensions. Grand Rapids: Baker, 2012.
- Kantorowicz 1956 – *Kantorowicz E.H.* The Baptism of the Apostles // *Dumbarton Oaks*. 1956. № 9/10. P. 203–251.
- McKim 1996 – *McKim Donald K.* Westminster Dictionary of Theological Terms. London, Westminster John Knox Press. 1996.
- New International Bible Dictionary 1987 – New International Bible Dictionary. Grand Rapids: Regency Reference Library, Zondervan Pub. House. 1987.
- Packer 1995 – *Packer J.I.* Nelson's Illustrated Manners and Customs of the Bible. Nashville: Thomas Nelson Publishers, 1995.
- Simpson, Weiner (eds.) web – *Simpson J.A., Weiner E.S.C. (eds.)*. The Oxford English Dictionary. Oxford: Clarendon Press; Oxford; New York: Oxford University Press, 1989 // https://archive.org/details/oxfordenglishdic00jasi_0

REFERENCES

- Averintsev S. (ed.), 2004. *A Precious Pearl*. Kiev, Dukh i litera Publ.
- Gayevskaya N.Z., 2018. Topos of Leather Vestments in the Context of the Works of St. John Chrysostom. *Folia Petropolitana*, no. 2, pp. 201-210.
- Acts of the Holy Apostles, 2020. *The New Testament of our Lord Jesus Christ*. Moscow, Russian Bible Society, pp. 245-310.
- Zlatoust I. *The Works of Our Holy Father John Chrysostom, Archbishop of Constantinople*. In 12 Vols. Vol. 9, Book 1: *Homilies on the Acts of the Apostles*. Homilies 23. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/besedy-na-dejanija-apostolskie/23
- Podoroga V.A., 2010. Transgression and the Limit. *New Philosophical Encyclopedia*. In 4 Vols. Vol. 4. Moscow, Mysl Publ.
- Tsypin V. *Canon Law*. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vladislav_Tsypin/kanonicheskoe-pravo/
- Currie D., 1869. *Catechism of Baptism*. New York, John A. n. Gray Green. URL: https://archive.org/details/cihm_49077
- Dirksen H. Aloys, 1932. *The New Testament Concept of Metanoia*. Washington, Catholic University of America, University of Wisconsin.
- Ferguson E., 2009. *Baptism in the Early Church: History, Theology and Liturgy in the First Five Centuries*. Grand Rapids, William B. Eerdmans Publishing.
- Jensen R.M., 2012. *Baptismal Imagery in Early Christianity: Ritual, Visual, and Theological Dimensions*. Grand Rapids, Baker.
- Kantorowicz E.H., 1956. The Baptism of the Apostles. *Dumbarton Oaks*, no. 9/10, pp. 203-251.
- McKim Donald K., 1996. *Westminster Dictionary of Theological Terms*. London, Westminster John Knox Press.
- New International Bible Dictionary*, 1987. Grand Rapids, Regency Reference Library, Zondervan Pub. House.
- Packer J.I., 1995. *Nelson's Illustrated Manners and Customs of the Bible*. Nashville, Thomas Nelson Publishers.
- Simpson J.A., Weiner E.S.C. (eds.), 1989. *The Oxford English Dictionary*. Oxford, Clarendon Press; Oxford; New York, Oxford University Press. URL: https://archive.org/details/oxfordenglishdic00jasi_0

Information About the Author

Zoe Tsiami, PhD in Byzantine History, Researcher, Orthodox Academy of Crete, 730 06 Kolympari, Chania, Hellenic Republic, ztsiami@oac.gr, oac@oac.gr, <https://orcid.org/0009-0002-7247-7580>

Информация об авторе

Зоя Циами, кандидат античной истории PhD, научный сотрудник, Православная академия Крита, 730 06 Колумбари, Ханья, Греческая Республика, ztsiami@oac.gr, oac@oac.gr, <https://orcid.org/0009-0002-7247-7580>

Миссия журнала «Logos et Praxis» – создание единого информационного и коммуникативного пространства для специалистов в области наук о человеке, обществе и культуре. Свою задачу редакция журнала видит как в привлечении к сотрудничеству известных ученых, так и в поддержке научной активности молодых исследователей. Журнал призван содействовать распространению результатов научных исследований и созданию дискуссионного поля для обмена научными достижениями и исследовательским опытом между представителями различных сфер социального знания. В журнале представлены теоретические статьи, а также результаты прикладных исследований социальной направленности.

Журнал «Logos et Praxis» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по следующим научным отраслям: «Социологические науки» (5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы, 5.4.7. Социология управления); «Философские науки» (5.7.1. Онтология и теория познания, 5.7.2. История философии, 5.7.7. Социальная и политическая философия, 5.7.8. Философская антропология, философия культуры).

Logos et Praxis is an academic journal aiming at creating a unified informational and communicative environment for scholars in the fields of human, social and cultural sciences.

The editorial board of the journal aims at attracting both well-known academics and young researchers. We publish both theoretical and empirical Social Science articles. We invite authors from various Social Science disciplines, such as Philosophy, Sociology, Cultural Studies, Pedagogy, Social Psychology. Interdisciplinary studies in the field of Social Sciences are welcome. The journal accepts original articles only on the basis of peer review system.

The journal is included into “The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses” in the following scientific branches: “Sociological Sciences” (5.4.4. Social structure, social institutions, and processes; 5.4.7. Sociology management); “Philosophical Sciences” (5.7.1. Ontology and theory of knowledge; 5.7.2. History of philosophy; 5.7.7. Social and political philosophy; 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture).

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «LOGOS ET PRAXIS»

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (jvolsu7@gmail.com). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции jvolsu7@gmail.com является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Logos et Praxis». Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить представленные статьи или отправить их на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см: <https://psst.jvolsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS OF PUBLICATION IN *LOGOS ET PRAXIS*

1. The editorial staff of *Logos et Praxis* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant, must have a novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail jvolsu7@gmail.com. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail jvolsu7@gmail.com the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Logos et Praxis* printed periodical.

The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made by the editorial staff after reviewing. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review, and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://psst.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

ISSN 2587-9715

9 772587 971264

01>